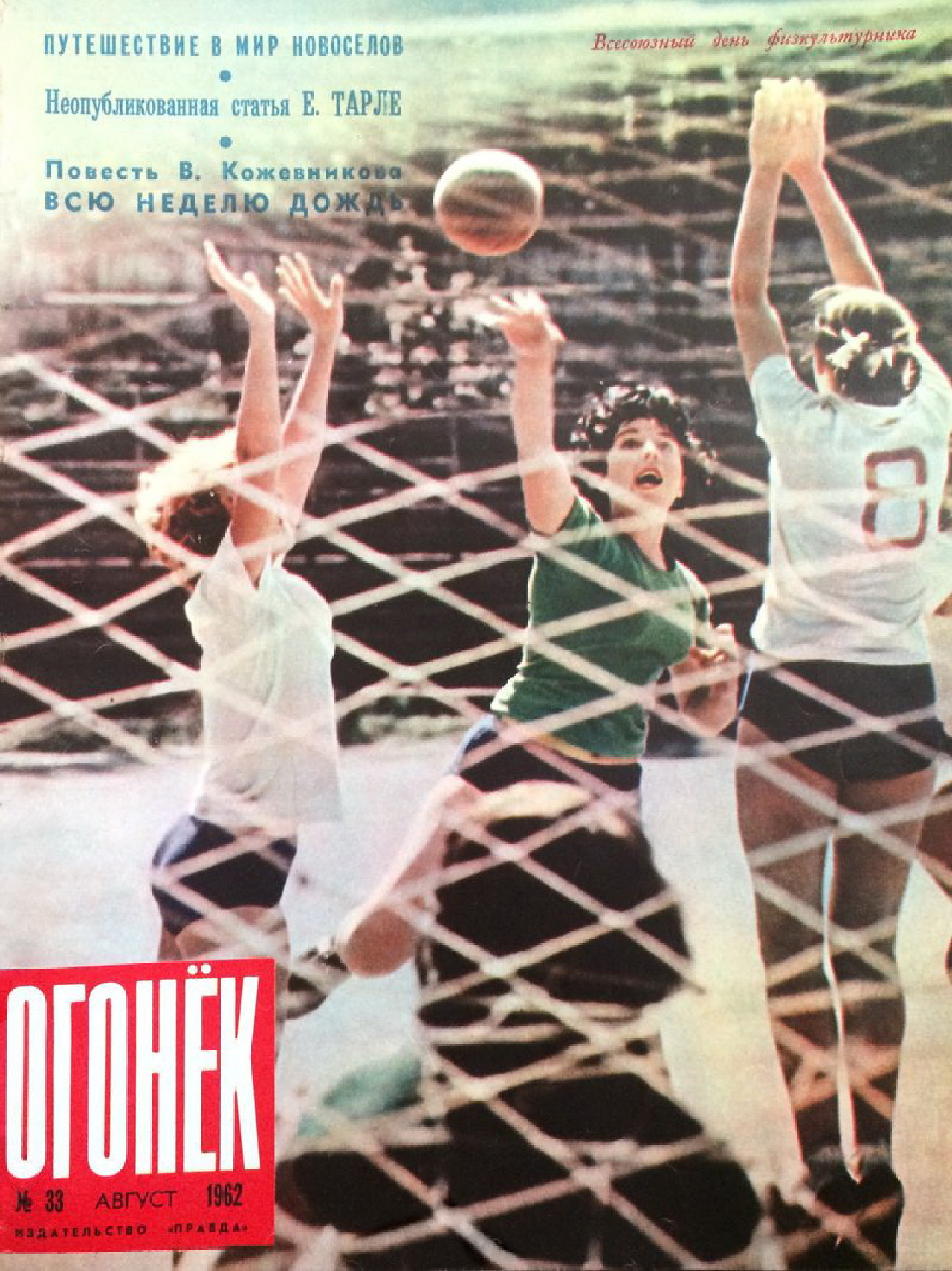

ПУТЕШЕСТВИЕ В МИР НОВОСЕЛОВ
Неопубликованная статья Е. ТАРЛЕ
Повесть В. Кожевникова
ВСЮ НЕДЕЛЮ ДОЖДЬ
Всесоюзный день физкультурника
ОГОНЁК
№ 33 АВГУСТ 1962
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

В АРТЕКЕ СОСТОЯЛСЯ СЛЕТ ЮНЫХ ЛЕНИНЦЕВ

ВОТ ЕГО ДЕЛЕГАТЫ:

Матвей Жапов из Бурятской АССР

Оля Аврамчук с Украины

Галя Курепкина из Москвы

Анис Монгуш из Тувинской АССР

Рагиф Хаджаев из Азербайджана

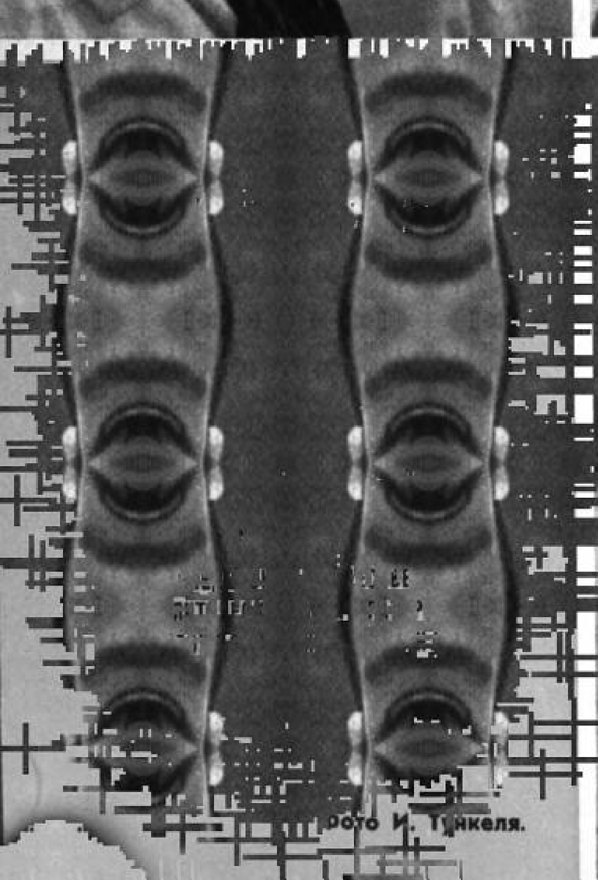
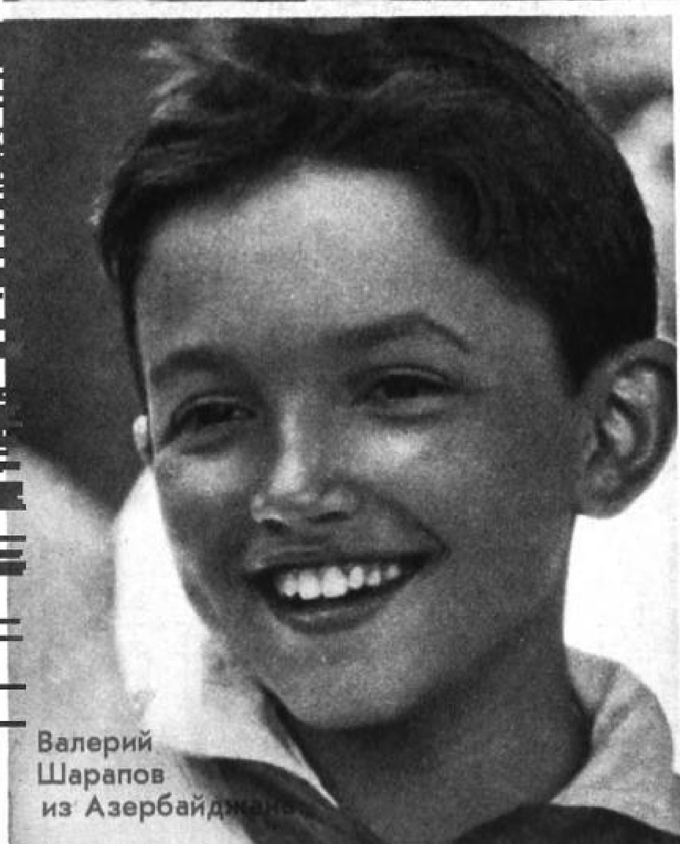

Фото И. Тункеля.

Валерий Шарапов из Азербайджана

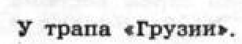
Маша Чувенкова из Белоруссии

ДА ЗДРАВСТВУЕТ ЮНОСТЬ!

— Вот это да!

— Пяйвя, фестиваль!

Торжественное закрытие VIII Всемирного фестиваля. Фейерверк в честь праздника молодости.

У трапа «Грузии».

Антифестивальщики за работой...

Рисунки Херлуфа БИДСТРУПА.

Президент Финляндии У. Кекконен беседует с советской балериной Е. Рябинкиной.

Нам — дружить! На встрече молодежи СССР и США.

С натуры.

ПОЭЗИЯ ДРУЖБЫ И

Генрих ГУРКОВ, Олег КУПРИН,

специальные корреспонденты «Огонька»

Фестивальный калейдоскоп: яркие национальные костюмы, песни, молодые лица — веселые, расцвеченные улыбками, или задумчивые, серьезные; руки, неистово аплодирующие или сжимающиеся в кулаки; жаркие дискуссии о судьбе поколения, о будущем, о роли молодежи в борьбе за это будущее; непередаваемо сердечные встречи на улицах, в парках, в клубах...

Советский клуб «Дружба» на тихой улочке. Впрочем, тихой эта улочка была до фестиваля и станет после его окончания. Тяжелые двери клуба открываются рано утром и закрываются около полуночи. Хозяева этого особняка — музыка, горячие споры.

На американской антифестивальной выставке есть специальный человек, подсчитывающий посетителей. В советском клубе такого подсчета не ведется, потому что здесь не посетители, а друзья.

У друзей много вопросов и просьб. Стенографистка из Лондона решила стать балериной и пришла в клуб. Она хочет поговорить с Еленой Рябинкиной. Лучшей советчицы не найти на всем фестивале!

Землячку стенографистки — Сару Уайт взяли в плен художники. Интересно, как «увидят» английскую студентку представители разных школ живописи?

В чайной отдают дань тульскому самовару и башкирскому меду четыре чемпиона: три спортсмена — Эмиль Затопек, Дана Затопкова, Валерий Брумель — и «чемпион председателей» Василий Захарченко, как назвал его Евгений Евтушенко на диспуте о современной поэзии.

Старейший финский поэт, переводчик Маяковского Арво Туртиайнен задал поэтам задачу. Он был уверен, что по подстрочнику трудно узнать даже знакомое произведение. Был сделан остроумный эксперимент. С немецкого языка перевели финское стихотворение, и никто не смог определить знакомое всем произведение — финский гимн.

Но вот в советском клубе зазвучали стихи Маяковского на финском языке. Не успел переводчик сказать двух слов подстрочника, как загадка была разгадана:

«Я хочу, чтоб к штыку приравняли перо...»

Дискуссия о положении сельской молодежи в разных странах мира шла на трех языках. Поэтический вечер «Пять минут откровения» затянулся почти на пять часов. Выступили 19 поэтов, были представлены все части света, кроме Австралии. Говорили о самом главном.

Демостен Ботез, председатель Союза писателей Румынии:

— Пятьдесят лет я пишу стихи. И если хоть несколько человек я сделал лучше, чище, благороднее, то, значит, жизнь прожита не зря.

Рене Депестр, приехавший из Гаити:

— Есть обстоятельства, которые сами по себе поэзия. Фестиваль — это поэзия дружбы и братства. Поэзия мира.

* * *

Каждый, кто был на фестивале в Хельсинки, возьмет с собой на родину сувениры. Они не обычны, их не купишь в киосках, возле которых толпятся заезжие туристы. За сувениры фестиваля платят самой дорогой на свете «валютой» — искренностью, симпатией, дружбой.

Если написать хотя бы по одной строчке обо всех сувенирах, которые увезли с собой в чемоданах и в сердцах делегаты VIII Всемирного фестиваля, то получилась бы, вероятно, толстая книга.

Мы расскажем о двух хельсинкских сувенирах. Только о двух. Из многих, очень многих...

* * *

Большие деревянные щиты выстроены в ряд. На них — листы бумаги. Высокий седой человек в белой рубашке с закатанными до локтей рукавами берет кусок угля и пишет на каждом щите одну букву. 8 щитов — 8 букв:

F-e-s-t-i-v-a-l.

В зале аплодируют: это слово здесь полюбили.

А человек возвращается к первому щиту и стремительными, точными штрихами превращает букву в рисунок. Это продолжается несколько секунд. Потом второй рисунок, третий... Смотрите, вот что такое фестиваль: это мир и дружба, это — разоружение, это «Нет!» колониализму и фашизму!

Гремит аплодисментами зал.

Херлуф Бидструп, замечательный датский карикатурист, спускается со сцены.

— Ну, а теперь едем дальше...

Накануне мы договорились с Бидструпом провести вместе весь день — с утра до вечера. А что увидим в этот день на улицах фестивальной столицы, об этом художник обещал рассказать в специальном репортаже для читателей «Огонька».

День был чрезвычайно емким и насыщенным. Мы ходили по городу, смотрели, слушали. И Бидструп рисовал. Рисовал огромного, чуть ли не с небоскреб, сенегальца, возле которого застыли потрясенные финские ребятишки. Рисовал гостеприимных хозяев фестиваля — жителей Хельсинки. В блокноте появлялись и наброски, сделанные возле пропагандистских центров антифестивальщиков, потом эти наброски превратились в хлесткую карикатуру.

На борту «Грузии» во время встречи советской и кубинской молодежи руководитель фестивальной делегации Советского Союза Сергей Павлов сообщил участникам встречи, что всемирно известный художник находится здесь, в зале. После бурных приветствий к столику, за которым сидел Бидструп, выстроилась такая очередь охотников за автографами, протягивавших открытки, записные книжки, листки бумаги, что свой блокнот Бидструпу пришлось надолго убрать...

В Хельсинки во время фестиваля находилась целая группа молодых и не очень молодых людей, которые именовали себя «наблюдателями». Это, наверное, очень трудное дело — быть на фестивале просто наблюдателями. Мы, например, много раз откладывали в сторону блокноты и фотоаппараты, чтобы аплодировать вместе со всеми, петь вместе со всеми или участвовать в интересном споре.

Херлуф Бидструп никаким образом к числу «наблюдателей» не относился. Он был участником. Активным участником.

Идет дискуссия «Наука и искусство, космос и поэзия». Выступают русские, американцы, австралиец, француженка. Разговор идет о фантазии и математическом расчете, о перспективах кибернетики, о полетах на Луну и стихах Уитмена, о строении материи и картинах Ван-Гога. Кое-кто начинает отстаивать мысль, что машины в будущем создадут больше замечательных произведений литературы и искусства, чем это сделали люди.

Выступает Херлуф Бидструп.

— У нас в Дании,— говорит он,— мы зашли довольно далеко в развитии науки. У нас есть, например, такая машина: сверху в отверстие опускаешь две кроны, а снизу выскакивает пачка сигарет. Меня лично не пугает, что будут созданы еще более совершенные машины — сверху опустишь сто долларов или тысячу крон, а снизу выскочит картинка. Меня пугают другие «машины». Они умеют рисовать и писать стихи, делать фильмы и ставить спектакли, а деньги получают в бумажник или в карман. Их даже называют людьми, но имеют ли они на это право?

Бидструп ждет, пока его слова переведут на английский, французский, русский. Потом заканчивает мысль:

— Предоставим науке создавать машины, которые будут служить людям, а искусство пусть работает над тем, чтобы люди не превратились в машины.

На дискуссиях в «Дружбе» аплодисменты в общем-то не приняты, но на этот раз они были. Долгие, щедрые.

Вечером Бидструп был в международном студенческом клубе. Писал слово «Peace» — «Мир». И снова каждая буква становилась рисунком, четко и ясно определяющим, что же дает людям мир. А потом, в конце вечера, к художнику подошел темнолицый юноша в аккуратном сером костюме. В руках он держал изданный в Дании альбом Бидструпа.

— Могу я попросить вас подписать мне эту книгу? — сказал юноша.— Мне подарил ее товарищ из Дании. Я увезу эту книгу с собой в Анголу. Там у нас, конечно, не знают датского языка. Но ведь ваши рисунки и без слов понятны.

Фестивальный вечер.

Автограф у чемпионки фестиваля. Т. Щелканова была первой в прыжках в длину.

Ю. А. Гагарин — гость молодежи мира.

БРАТСТВА

Прошу вас, поставьте вашу подпись. Это будет очень дорогой для меня сувенир.

* * *

Мы привыкли видеть на фестивале улыбки, слышать смех. Но человек, сидевший рядом с нами на скамейке в парке Кайсаниеми, плакал. Он рассказывал о себе и плакал трудными мужскими слезами.

Из соседней аллеи парка доносилась песня, весело перекликались труба и кларнет.

Человек рассказывал о себе.

Его зовут Росендо Гарсиа. Больше всего в жизни он хотел учиться. Он мечтал стать врачом: ведь на его родине, в Перу, многие тысячи людей умирают от болезней, которые давно уже обуздала медицина, от болезней, которые можно лечить.

Стать врачом, но как? В Перу это немыслимо. Чтобы учиться, нужны очень большие деньги. Где их заработаешь?

Юноша принял решение: бежать в США. Из газет он узнал, что перуанская канонерка направляется с визитом в Сан-Франциско. Пока часовой на палубе любовался луной или попросту дремал, Росендо пробрался в трюм и спрятался за ящиками.

— Вы знаете, что такое четырнадцать дней? Это очень много, если с собой лишь несколько кусочков шоколада да небольшая фляжка с водой. Можно лишь чуть смочить губы.

Когда вдали уже угадывались берега США, юношу обнаружил один из матросов.

— Мне повезло, понимаете? Это оказался хороший парень. Не выдал. А когда мы были метрах в двухстах от берега, он открыл иллюминатор. «Доплывешь?»

Росендо доплыл. Он был очень крепок и силен, когда начал путешествие. А когда вышел на берег, упал и не мог подняться.

Соединенные Штаты... Два года скитаний и страха, когда полиция в любой день могла схватить его...

В конце концов Росендо пришлось оставить «страну неограниченных возможностей». Он решил попытать счастья в Швеции.

— Я работал и учился. Я никому не мешал, никому не делал зла. Но вот мой паспорт. Вы видите, через две недели я должен покинуть Швецию. Мне отказались продлить визу. А я ведь женился в Швеции, и у меня двухмесячная дочка. Куда же нам деваться? Почему люди так несправедливы? Не могу, не хочу думать, что так везде. Я встретил на фестивале честность, доброту и откровенность. Мне захотелось рассказать вам о себе. Вам, советским людям. Ведь у вас совсем другой взгляд на жизнь, чем там, на Западе. У них — доллар, у вас, в Советском Союзе, в социалистических странах — гуманизм.

Росендо достает из кармана фотографию Фиделя Кастро. На обороте размашистой рукой написан адрес.

— Это мне дал парень с Кубы. Если удастся собрать деньги, поеду туда. Буду учиться, а потом вернусь домой, в Перу. Я начал писать книгу о том, что пережил. Хочу сказать в ней, что каждый человек и каждый народ должен найти свое место в этом мире и попытаться сделать жизнь лучше, помогая друг другу. Нашел ли я сам это место? Нет. Но, мне кажется, я понял основное: один человек не может добиться счастья. За счастье нужно бороться вместе. Фестиваль открыл мне глаза на многое...

* * *

Альбом Бидструпа и портрет Фиделя, фестивальный значок, выпущенный в Калифорнии, и автограф Юрия Гагарина, мексиканское сомбреро, венгерский фестивальный платок, японская деревянная куколка... Их, вероятно, много тысяч — таких сувениров, каждый из которых будет долго напоминать делегатам и гостям VIII Всемирного фестиваля о новых друзьях, с которыми они познакомились в Хельсинки.

Но есть еще один — главный сувенир хельсинкского фестиваля. Это — единство молодых, единство, которое ширится и крепнет, которое становится непреодолимой силой в борьбе против империализма, против войн.

Юноши и девушки планеты разными путями приходят в ряды борцов за светлое завтра. Но они приходят!

Юность, Правда, Мир победят!

Хельсинки. 6 августа 1962 г. По телефону.

Фото специальных корреспондентов «Огонька» Г. Копосова и Л. Бородулина.

Кубинская девушка Берта Черо Диас была избрана самой красивой в Хельсинки. Ей присвоили титул «Мисс Фестиваль».

Ей тоже нравится фестиваль.

В. Брумель: «Поднимите планку еще на семь сантиметров...»

На дискуссии. Есть над чем подумать...

Это студенты. Рита Суворова — из Москвы, Рейнгольд Бассе — из Западного Берлина.

Здесь заложен парк дружбы.

Сестры Пресс снова с победами.

Искусство молодых было представлено всеми жанрами.

Известный итальянский ученый Д. А. Петруччи фотографирует земляка.

Один из четырехсот концертов фестиваля.

15 августа Индия отмечает пятнадцатую годовщину провозглашения независимости. Советский народ желает своему другу — индийскому народу — больших успехов в строительстве новой, счастливой жизни!

Стихи об Индии

Екатерина ШЕВЕЛЕВА

«МОСКВИЧ»

Отец-крестьянин дал в наследство сыну
Наказ такой: все чудеса постичь...
Индийский мальчик заглянул в машину
С названием загадочным «Москвич».

Согласно древней хиндуистской вере,
С которой здесь в ладу и стар и мал,
Цветы имеют душу и деревья,
Земля и небо, камень и металл.

Хотя «Москвич» не верил в эти свойства
И знал, что не душа в нем, а мотор,—
Почувствовал в себе он беспокойство.
Оно его толкало на простор.

Будило в нем особенную смелость,—
Бензин — не атом, но и не дрова! —

Ему — он это чувствовал — хотелось
Сказать мальчишке теплые слова.

Красиво развернулся он, как мог,
И просигналил по-индийски: «Здравствуй!»
Уж очень был хороший паренек:
Улыбчивый, задорный и глазастый!

МЫЛ МАЛЬЧИШКА СЛОНА

Мыл мальчишка слона.
Лазил щеткою в уши.
Слон стоял, как стена,
В быстрой речке, как в луже!

Слон. Почти монумент.
Знал он ветры и ливни.
В джунглях несколько лет
Он оттачивал бивни.
В зное, точно в огне,
Он ступал по дорогам.
Здесь, в индийской стране,
Он считается богом.
Чащ тропических тьму
Поднимал он на плечи,
А мальчишка ему
Наставленья лепечет!
Взял бы он паренька
За вихор петушиный
Да подкинул слегка —

Фото автора.

Выше горной вершины!..
Но, как бог, он стоит.
В сердце — мудрость слоновья.
Не считает обид —
Сохраняет здоровье.
Да к тому же спина
Загрязнилась у зверя.

...Мыл мальчишка слона,
В монументы не веря!

Рождение независимой Ямайки

Провозглашена независимость еще одной страны — Ямайки. Колониализм отступил еще на один шаг. Этот шаг по площади равен 11 тысячам квадратных километров. Более полутора миллионов человек — население острова в Карибском море — будут отныне называть свою родину свободной. Провозглашение независимости — это только этап на пути к полной независимости. Пока еще сельскохозяйственное производство Ямайки контролируется иностранными компаниями, особенно американской «Юнайтед фрут компани». Ряд других отраслей хозяйства находится под влиянием английского капитала.

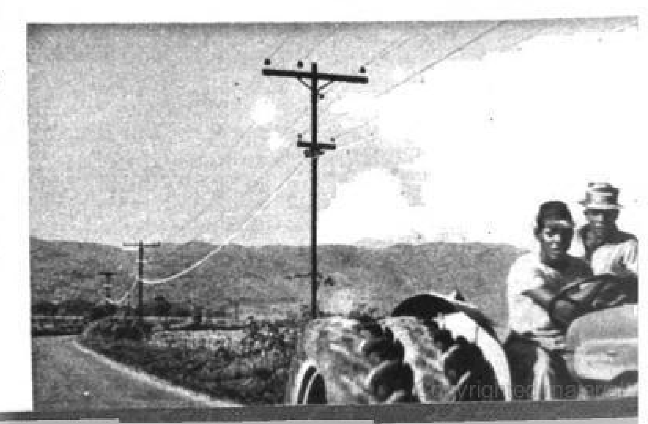
Точное индейское название «Ямайка» («Остров источников») говорит не только о природных богатствах острова. Остров был источником доходов для колонизаторов. Остров был источником, откуда рабовладельцы черпали дешевую рабочую силу, привозившуюся сюда из Африки.

Но никогда не иссякали источники борьбы ямайского народа против рабства, за независимость. Еще в XVIII веке на острове шла активная партизанская война против английских плантаторов. В 1833 году благодаря народным восстаниям на острове было отменено рабство. Ныне Ямайка независима. Флаг еще одного государства появился на земле.

Советский Союз признал суверенное государство Ямайку и выразил готовность к установлению дипломатических отношений.

Труженики Ямайки.

Фото Г. Боровика.

КОСМОНАВ

Е. ПЕТРОВ

Зарядка скоростью

Эта специальная установка называется «бегущей дорожкой». Космонавт становится на ленту, которая начинает двигаться, уплывая все быстрее и быстрее ему под ноги. Чтобы не оказаться выброшенным, человек начинает бежать, соразмеряя свою скорость со скоростью движения дорожки. Ее скорость задается с пульта управления, за которым сидят инженер и врач. На бегущего надето множество датчиков, которые дают возможность сидящим у пульта наблюдать и регистрировать состояние физиологических функций бегуна. В зависимости от натренированности космонавта ему задается темп бега.

Вот на дорожку встал Георгий. Бежит он старательно и резво. Тонко жужжит трансмиссия. Шум сильнее. Убыстряется бег. Скорость растет. Четыре... пять... шесть... семь... восемь метров в секунду. Это предел для Георгия. Собственно, не только для него. Почти все его товарищи обладают такими же возможностями. Лишь один Анатолий достиг цифры «девять». Это настоящий спринтер. Правда, «дорожка» рассчитана на скорость до десяти метров в секунду. Но это, видимо, не под силу пока даже бегунам с мировыми именами, так как бег на «дорожке» — это не то же самое, что бег на неподвижной основе.

Когда Георгий сошел с дорожки, кто-то метко заметил:

— Здорово тебя скоростью зарядили!

Да, ребята заряжались скоростью в прямом и в переносном смысле. Бег, спортивные игры, батут, плавание, специальные авиационные полеты, парашютные прыжки, центрифуга, различные специальные установки и, наконец, «бегущая дорожка» — все это и впрямь аккумулировало у будущих космонавтов скорость, сноровку, ловкость.

Зимой занимались лыжами, коньками. Слабовато вначале с этим обстояло дело у южан. Но постепенно и они втянулись в зимний спорт.

Хорошо владеет коньками и особенно лыжами Космонавт Три. Тут он в своей стихии. Подружился он с лыжами на Севере, в лесах, где когда-то работал техником-лесоводом.

«Бывало, так закрутит пурга,— рассказывает он,— белого света не видно. И снег такой, что с головой можно окунуться. А идти на лесосеку надо. Вот и выручал единственный в таком случае транспорт — лыжи».

Наверное, северная стихия и наделила этого тихого, скромного парня недюжинной выносливостью.

Несколько позже в моду вошел бадминтон — этот своеобразный китайский теннис. С первого взгляда игра немудреная, но она, как выяснилось вскоре, может и выматывать и закалять — все зависит от того, как заниматься ею. Бадминтон увлек всех. Врачи внимательно следили, чтобы игра велась в разумных пределах, чтобы излишне не изматывала людей, а способствовала их закалке.

Испытывалась вестибулярная устойчивость наших космонавтов на «качающейся платформе». Человек становится на круглый, качающийся во все стороны стол. Для страховки от случайного падения к поясу испытуемого крепится подвешенный к потолку трос. Сидящие у пульта врач и механик создают всевозможные наклоны стола, и находящийся на нем стремится удержаться. Экзамен этот не представил для наших летчиков больших трудностей. У космонавтов, как, впрочем, у большинства летчиков, хорошие навыки удерживать равновесие.

Более сложные воздействия были на стенде «роторе», вращающемся в трех плоскостях. Его кабина делает обороты вокруг одной оси, рама, к которой крепится кабина,— вокруг второй, а вся установка — вокруг третьей. С подобной «каруселью» космонавт может встретиться в полете при входе космического корабля в плотные слои атмосферы. Многочисленные приборы, телеэкран этого сложного стенда позволяют врачам и инженерам постоянно контролировать состояние тренируемого и рабочий режим стенда. Для таких испытаний одного хорошего здоровья мало. Надо быть всесторонне тренированным и выносливым человеком.

Космонавты проходят испытания, тренировки и на других динамических стендах и установках.

Например, центрифуга. Это сложное сооружение установлено в просторном зале. В числе экспериментаторов, проводящих работу на центрифуге, опытные авиационные врачи, волевые и строгие — Григорий Федулович, Павел Васильевич, Ада Радгаповна.

В первый день, когда космонавты, обступив центрифугу, осматривали новую для них установку, охотники на первый «заход» не сразу определились. После некоторой паузы голос подал Иван — скромный паренек:

— Давайте я...

Сказано это было отнюдь не оптимистически.

— Пожалуйста. Прошу,— сказал врач, указывая на кресло. Без промедления бригада медиков, проводящих испытания, стала присоединять электроды: здесь очень тщательно контролируется состояние организма.

Удивительный человек этот с виду ничем не приметный Ваня. Перед всяким новым делом он будто бы несколько нерешителен, но как только новое, пусть очень трудное дело началось — тотчас же человек преображается. Видимо, сказывается летная привычка: сосредоточить себя всего на деле, когда оказываешься в реальной обстановке полета.

Первую нагрузку Иван выдержал легко. Решили увеличить. Тоже неплохо.

— Еще прибавить? — спрашивает врач.

— Пожалуйста,— без колебания соглашается тот.

Третья нагрузка особенно тяжелая. Не шелохнуться. Шутка сказать: человек весил семьдесят килограммов, а теперь, при нагрузке, семьсот! А бывает и больше. Кровь тяжелеет. Все тело, кажется, наливается свинцом, и мир будто бы погружается на дно океана.

Кресло останавливается. Но космонавт не покидает сразу сиденья: надо отдохнуть, обождать, пока сладет физическое и нервное напряжение. Врачи тем временем уточняют, как идет процесс успокоения.

А через четверть часа человеку кажется, будто он сбросил с себя гору. Идти, двигаться, дышать так легко, будто центрифуга и впрямь ему прибавила сил. Так чувствуют себя здоровые, с нормальной психикой люди.

Когда Иван сошел с центрифуги, товарищи бросились с расспросами:

— Крепко жмет?

— Больше, чем на выводе из пике?

— Ну, а как дышать? Очень тяжело?

— А как видишь? Темновато?

Тот ответил одним словом:

— Терпимо!

Он научился творить

Главный конструктор как-то спросил у космонавтов, научились ли они учиться.

Космонавты замешкались с ответом. Никто как-то раньше не думал: умеет ли он учиться? Учились в школе, в авиационном училище... Одни лучше, другие хуже, по-всякому. И здесь, на новом месте, они старательно учатся. Но умеют ли они это делать — пусть скажут другие... Видимо, академик имел в виду что-то другое, какую-то другую особенную учебу... Но какую?

Видя, что космонавты затрудняются что-либо ответить, он сам пришел им на помощь:

— Что значит научиться учиться? Я не сомневаюсь, что все вы отлично освоите корабль. Ну, а ведь дальше что? Не получится ли у некоторых так, как в свое время получилось со мной? Я закончил институт. После сдачи дипломного проекта пришел домой и, облегченно вздохнув, сказал матери: «Мама, теперь все эти книги, чертежные столы, линейки можно забросить. Я инженер». И забросил на время. Но очень скоро понял: настоящая учеба-то только начинается. Только на новом, я бы сказал, более разумном уровне. Теперь я знал, что мне нужно, чего я хочу и где можно почерпнуть необходимое. Творческая жизнь и работа — это цепь сплошной учебы, сплошных экзаменов. Если человек чему-то и научился, так это главным образом для того, чтобы легче, быстрее он сумел проникнуть еще глубже в содержание того, чем он занимается. Постоянно учась, человек может творить. Понятно ли вам, к чему я клоню?

— Понятно,— хором ответили космонавты.

— Вот только последнее нас смущает,— отозвался Герман Титов.— Научимся ли мы творить? Это ведь самое главное.

— Не боги горшки обжигают,— ободряюще взглянув на него, ответил Главный конструктор.— Я знаю, как вы, Герман Степанович, сдавали экзамены по технике. Сложные вопросы трактовали оригинально, по-своему. Даже, помнится, поспорили с нашим конструктором. Было такое?

— Было. Но ведь это только экзамены.

— А теперь переходите к более сложному. Не переставайте работать, думайте о том, как совершенствовать наши корабли,— посоветовал Главный конструктор.

Вместе со всеми космонавтами, изучая корабль, Герман Титов засыпал инженеров, конструкторов вопросами. Его всегда интересовали не только общие принципы устройства, конструкции, но и детали. У него то и дело возникали десятки «почему». Почему, скажем, одна часть пульта управления чрезмерно насыщена тумблерами, кнопками, рукоятками, а другая — просторна? Почему приборная доска окрашена и установлена так, что словесные обозначения, сделанные на ней, недостаточно видны?.. Титов помнил совет Главного конструктора: смелее высказывать свои суждения, предлагать — ведь большинство того, что делалось на корабле, делалось впервые. Однажды он насторожил конструкторов тем, что высказал сразу целый ряд рационализаторских предложений. Вначале к Герману отнеслись

Отрывок из книги «Космонавты», выходящей в издательстве «Советская Россия».

ТЫ

Записки руководителя группы

недоверчиво. Но вскоре обнаружилось, что советы дельные, и ему сказали:

— Разумные советы, коллега. Учтем.

Титов осмелел и внес еще ряд предложений. Глядя на него, смелее стали высказывать свои соображения и другие космонавты. Конструкторы, инженеры удовлетворенно кивали головами. Они соглашались с дельными предложениями космонавтов.

Однажды конструктор, пригласив Титова к кораблю, сказал:

— Смотрите, как теперь...

Титов увидел, что по его совету кое-что уже переделано, усовершенствовано. Он сел в кабину корабля, попробовал.

— Очень хорошо. Удобно работать. Спасибо.

— Не за что, мы ведь одно дело делаем.

Позже конструктор сказал мне:

— С ясной, хорошей головой этот парень, и глаз у него зоркий. Умеет ухватить главное и о деталях не забывает.

А Главный конструктор как-то сказал:

— Вот Титов научился учиться. Значит, сможет и творчеством разумным порадовать.

Герман Титов внес ряд ценных предложений при подготовке первого полета человека в космос.

Правительство высоко оценило его труд: за творческое участие в подготовке полета, который совершил его друг Юрий Гагарин, он награжден орденом Ленина.

Видится далеко

Под стеклом моего письменного стола лежит любопытный снимок. Взглянув на него, сразу не поймешь, где происходит действие. Вид необычный: человек, одетый в летно-космические доспехи, распластав руки, плывет под потолком. Так можно плавать только при отсутствии тяжести, или, как мы говорим, в состоянии невесомости. В приятном лице молодого человека можно узнать Космонавта Три. На лице немного изумленная и в то же время очень довольная улыбка. Глядя на снимок, будто сам ощущаешь, как приятно ему двигаться, вращаться в этих необычных условиях. Руки точно крылья.

Где это происходит? Неужели в космическом полете? Нет. Это ознакомительно-тренировочные полеты. Невесомость создается в полете на специально приспособленном самолете «ТУ-104». Правда, длится она сравнительно короткое время — всего несколько десятков секунд. В одном полете самолет совершает пять-шесть горок, и космонавт в общей сложности находится в таком состоянии две минуты. Серии полетов, оказывается, вполне достаточно, чтобы хорошо ознакомить человека с необычными ощущениями, о которых и ученые, и писатели, да и сами летчики немало фантазировали. После того, как ознакомительные полеты проведены, начинаются регулярные тренировки. Во время тренировок летчики выполняют различные специальные и гимнастические упражнения, перемещаются по кораблю. Методика тренировок, как обычно, состоит в постепенном переходе от простого к сложному.

В состоянии невесомости многократно побывала вся группа. Когда после полета спрашиваешь: «Как самочувствие?» — ответ у всех один и тот же: «Прекрасно. Легко. Приятно»...

Ну, а как при этом «поведет» себя невесомость в длительном полете? Не сможет ли она сковать жизнь и деятельность человека? Американские ученые на эти вопросы дают не слишком оптимистические ответы. Сводятся они в целом к тому, что тридцатичасовое пребывание человека в невесомости обязательно его «подкосит». Откуда взялся такой категорический вывод? В Америке произвели опыт: одного врача, сильного и тренированного человека, на семь суток поместили в бассейн с водой, удельный вес которой был близок к удельному весу человеческого тела. Тем самым была сделана попытка создать подобие невесомости. Из сообщения следует, что после опыта в организме подопытного были обнаружены существенные сдвиги. Отсюда и появилось утверждение: продолжительная невесомость вредна. Нам не хотелось бы вступать в спор с американскими коллегами, однако мы не считаем возможным делать скоропалительные выводы на основе некоторых лабораторных экспериментов. Одно дерево никогда не принималось за лес. Наш космонавт Герман Титов — единственный в мире человек, который испытал невесомость в продолжительном, двадцатипятичасовом полете. И даже по его ощущениям мы пока не считаем возможным делать категорические выводы или заключения. Поживем — увидим. Будут новые полеты, они и уточнят необходимое...

Советские космические корабли и наши люди уже побывали в околоземных космических далях. Шаг сделан большой и в то же время пока еще очень малый. Большой потому, что приоткрыта дверь в мир неведомого. Первые полеты уже принесли земле бесценные сведения о природе космического пространства. Малый потому, что фактически еще только началось утро космической эры. Пока доказано лишь то, что человек может одни сутки летать, жить и работать в космическом пространстве, возвращаясь на землю целым и невредимым.

* * *

Итак, советская школа космонавтов заложена и функционирует. Ею подготовлена к выполнению космических полетов первая значительная группа советских космонавтов. Представители этой группы — пионеры космоса Юрий Гагарин и Герман Титов — доказали не только возможность выполнения человеком космических полетов, но и подтвердили принципиальную верность основ первого отбора космонавтов и их подготовки.

Несмотря на широту и большой объем занятий, связанных со специальной подготовкой, космонавты не ограничиваются этой работой. Они живут кипучей, разносторонней жизнью. Круг их потребностей и интересов постоянно разрастается.

Все они одновременно со специальной подготовкой учатся в Военно-Воздушной инженерной академии имени профессора Н. Е. Жуковского.

Учеба в академии — дело не простое. Во много раз труднее учиться после серьезной ежедневной работы. Однако чего не сделает энергичный человек, когда он понимает, что это ему нужно!

Да, космонавт — представитель самой молодой, но уже очень популярной профессии. Это концентрация здоровья, моральной силы, чистоты, широких знаний и навыков. К этим молодым людям как нельзя лучше подходят замечательные слова Виссариона Белинского:

«...Человек должен быть:
Ясен разумом,
Чист морально...»

→ Памятник К. Э. Циолковскому в городе Калуге. Фото Дм. Бальтерманца.

ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫЕ МАШИНЫ

О. ПИСАРЖЕВСКИЙ, М. РАДОВСКИЙ

Непосвященным лицам современная наука со всем разнообразием ее тончайших специальностей, со всем арсеналом ее могучих инженерных изыскательских средств подчас представляется запретной, полусказочной страной. Но в наши дни в эту страну открывается вход широким массам, которые до этого, казалось бы, отстояли весьма далеко от науки и ее проблем.

Не мудрено, что сейчас у людей самых разных специальностей возник жгучий интерес ко всем проблемам кибернетики и к истории первых интеллектуальных машин.

Мы хотели бы напомнить несколько маленьких фактов из истории русской математической мысли более чем столетней давности. Они связаны с именем большого русского ученого Михаила Васильевича Остроградского. Это не столько давняя история, сколько живое напоминание одного из ободряющих изречений, которое любил повторять М. В. Остроградский: «Не боги глину обжигают и горшки делают».

...В 1832 году в столице появился безвестный провинциальный коллежский советник (ступень тогдашней табели о рангах не очень высокая) Семен Корсаков, который принес в Академию наук любопытнейший проектик интеллектуальных машин. Он назвал их «гомеоскопами», или «идеоскопами».

Смысл предложения изобретателя-самоучки заключался в том, чтобы механизировать запоминание логических выводов, вытекающих из определенного набора фактов. Он предлагал это делать при помощи сложных механических устройств. «Наш разум,— писал Корсаков,—сам по себе может объять лишь немного деталей одновременно». А пользуясь его методом, утверждал изобретатель, можно охватить в один момент тысячи деталей. По его мнению, подобные приборы смогут найти применение в медицине при подборе лекарств по симптомам болезни или в ботанике и зоологии при решении классификационных задач. Но эти интересные механические устройства не без язвительности были забракованы Российской Академией наук. Академики нашли, что «господин Корсаков потратил слишком много разума на то, чтобы научить других обходиться без разума».

Все же Михаил Васильевич Остроградский по достоинству оценил оригинальную идею и выразил сочувствие изобретателю.

Конечно, в предложениях Корсакова были и недостатки. Например, академическая комиссия в общем справедливо критиковала громоздкость механической памяти, которую представляли таблицы изобретателя. Но сама его идея была чрезвычайно смела и интересна. Достаточно сказать, что, в сущности, по корсаковской системе работает любая современная счетно-решающая машина, обладающая запоминающим устройством.

Но в годы николаевского режима талантливый изобретатель-самоучка Корсаков не заинтересовал «официальную» науку. Никаких данных о нем академия не сохранила.

Значительно более благоприятно сложилась судьба другого изобретателя счетной машины, генерал-майора Федора Слободского. Его прибор, сравнительно простой, «мог с большею выгодою быть употребим,— как заключала академическая комиссия,— для составления таблиц, требующих единственно арифметических действий, что нередко встречается в изысканиях, относящихся к теории чисел, и еще чаще при производстве практических работ».

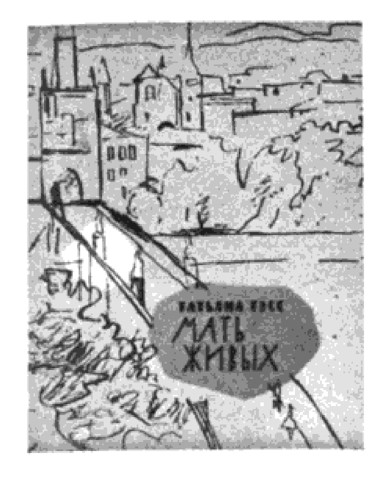
Известна еще одна арифметическая машина. Ее изобрел тоже самоучка — Зиновий Слонимский.

Интересуясь астрономией, Слонимский убедился на собственном опыте, насколько трудны и утомительны сотни вычислений, связанных с движением небесных тел. С самого начала углубленных занятий математикой он не переставал думать о практическом ее применении. Первым опытом, обнаружившим незаурядные способности изобретателя, были сделанные им уточнения в календаре, сразу обратившие на него внимание крупнейших астрономов. В тридцатых годах прошлого века Слонимский начал работать над созданием вычислительного механизма, а в 1845 году продемонстрировал перед академиками свою арифметическую машину. За ее изобретение ему присудили половину Демидовской премии — высшей в то время награды за научные работы. Большую помощь и поддержку изобретателю оказал М. В. Остроградский, и Слонимский получил патент на свое изобретение. В дальнейшем эта машина была усовершенствована Куммером. (К сожалению, об этом авторе, кроме фамилии, известно лишь то, что он занимался музыкой.) Любопытно, что до сих пор прибор Слонимского — Куммера продолжают выпускать как у нас, так и за границей. Это карманный счетчик для первых четырех действий математики над девятизначными числами.

* * *

Изобретения, о которых идет речь, появились в связи с начавшимся промышленным переворотом. Даже в тяжелых условиях николаевского режима в стране пробуждалось техническое творчество. Приведенные примеры говорят о том, насколько жизненно важны и, в сущности, широко доступны те идеи, которые сейчас на новой основе воплощены в современной машинной математике.

Мама Милада

Татьяна Тэсс. Мать живых. Повесть. Изд-во «Советский писатель». Москва. 1961. 149 стр.

О красоте и силе материнской любви рассказала в своей новой повести «Мать живых» писательница Татьяна Тэсс.

Основные события, о которых идет речь, достоверны, и героиня повести, «пани докторка», как любовно называют ее односельчане, теперь уже немолодая, поседевшая женщина с милой улыбкой и щедрым сердцем, живет в чехословацкой деревушке Бернартов.

Не так давно Татьяна Тэсс получила из Бернартова письмо. Оно, как рассказывала писательница, поразило ее мудростью, материнской теплотой и сдержанной, затаенной между строк печалью.

Завязалась переписка. Затем корреспондентки встретились. Так родилась книга.

...Необычайная судьба выпала на долю Милады Трантиновой, да и сама она была необыкновенной с детства. «Шкатулкой с сюрпризом» называли ее в доме. Получив диплом врача, она умчалась в Багдад на борьбу с пендинской язвой!

Там, вдали от родины, она встретила своего Иржи и много раз затем с изумлением спрашивала себя, как могла жить раньше, не зная и не любя его...

Промчались годы. Милада с мужем и семьей вернулась в отчий дом и, упоенная радостью жизни, забыла обо всем — об опасности, нависшей над страной и над семьей. Однажды в несколько минут она потеряла все — и мужа и детей (их убили фашисты). Чудом уцелевшая, мужественная женщина нашла в себе силы жить. Она стала мудрее, еще отзывчивее к людскому горю и радости, мягче, добрее.

Писательница любовно воспела святое чувство матери, сердце которой, даже, казалось бы, смертельно раненное, открыто для добрых дел.

«Мама Милада» стала матерью живых. Много у нее питомцев: и русский сын Сергей, и его жена Катя, и американец Дженки, и дочь чешского хирурга Иржинка, и чудесная Наташа... Милада всегда занята: учит детей итальянскому, английскому, арабскому языкам, дает консультации по медицине, ведет обширную переписку.

Далеко за полночь горит свет в окне домика этой не знающей усталости женщины. Все в комнатах сохранилось таким, каким было, когда Милада жила с детьми и мужем, когда здесь «смеялись, разговаривали, спорили, обнимали друг друга..., вынимали книги из туго набитых книжных шкафов, поднимались, стуча каблуками, по деревянной лестнице, шумели за большим обеденным столом...» И теперь Милада беседует с живыми детьми, пишет им и читает их письма: ей шлют душевную весточку из Болоньи и Волгограда, строки поэмы из Норвегии, открытки из Праги, письма из Америки и Крыма...

Да, Милада Трантинова живет, она полна забот о людях, о знакомых и незнакомых друзьях. Все это приносит Миладе большое счастье, ощущение своей полезности и нужности людям. И когда писательница пишет: «Мне все кажется, что она похожа на мою мать»,— хочется добавить: «И на мою тоже!» — настолько обаятелен, симпатичен каждому из нас образ матери, созданный Татьяной Тэсс в этой жизнеутверждающей повести.

А. ХАРИТОНОВА

ГЛАВНАЯ ТЕМА

Одним из интереснейших событий художественной жизни за последнее время была гостившая в нашей стране выставка венгерского искусства XIX — XX веков.

Своеобразна судьба венгерской живописи. На самостоятельный путь она вступила лишь в начале XIX столетия, почти не имея традиций в прошлом. Ее развитию мешало турецкое иго, длившееся в течение полутора столетий, а позднее — колониальная политика Габсбургов. Пафосом борьбы за независимость, за освобождение народа пронизана вся история искусства Венгрии.

Создатели романтического направления в живописи Мор Тан, Шома Орлаи Петрич, Виктор Мадарас принимали участие в революции 1848 года, а затем сменили боевое оружие на кисть и краски. Эти художники обращались к историческим темам, воспевая мужество и красоту подвига.

«Мои первые воспоминания восходят к 48-му году. Они порождены раскатами войны, которую мы зовем Войной за национальную Свободу»,— писал художник Михай Мункачи. Его по праву считают одним из выдающихся венгерских реалистов. Родители Мункачи стали жертвой контрреволюционного террора. Он вырос сиротой среди бедноты, работал подмастерьем. И впоследствии темы своих полотен черпал в жизни народа, в продолжающейся борьбе лучших людей Венгрии за новую жизнь.

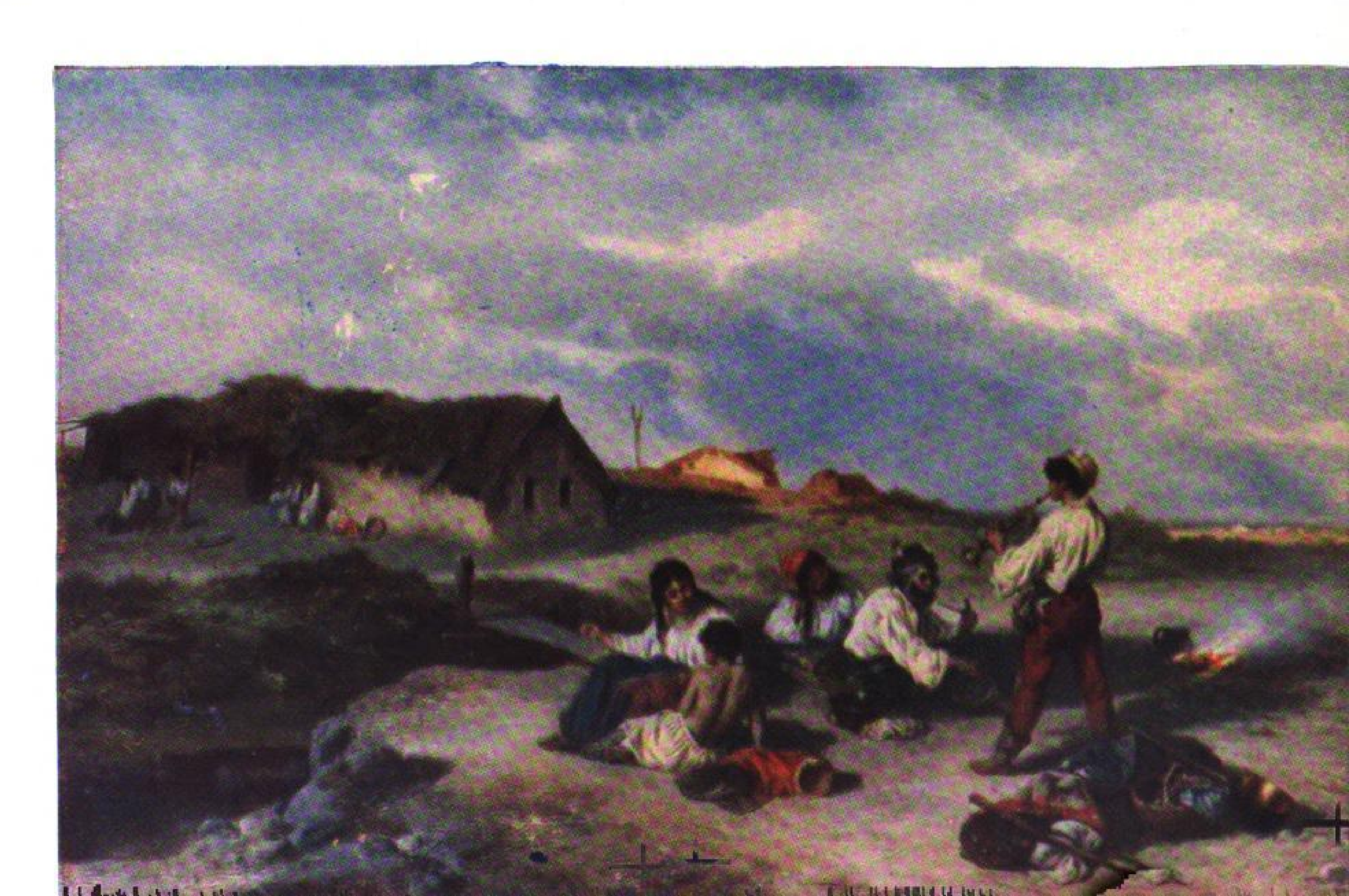
На рубеже двух эпох, когда одно художественное течение сменялось другим, когда чуть ли не ежедневно рождались различные «измы», венгерские художники, усваивая новые живописные влияния, все же оставались верны своей главной теме.

Может быть, им хотелось иной раз забыть все и передавать в своих полотнах чарующий блеск водных зеркал, ритмическую пляску света и теней на горных вершинах, кривые улочки древних городков... Но в творчество упрямо вмешивалась жизнь. И они опять писали бедняков, нищие деревни и тех, кто был в их представлении выразителем национальных чувств,— людей из народа.

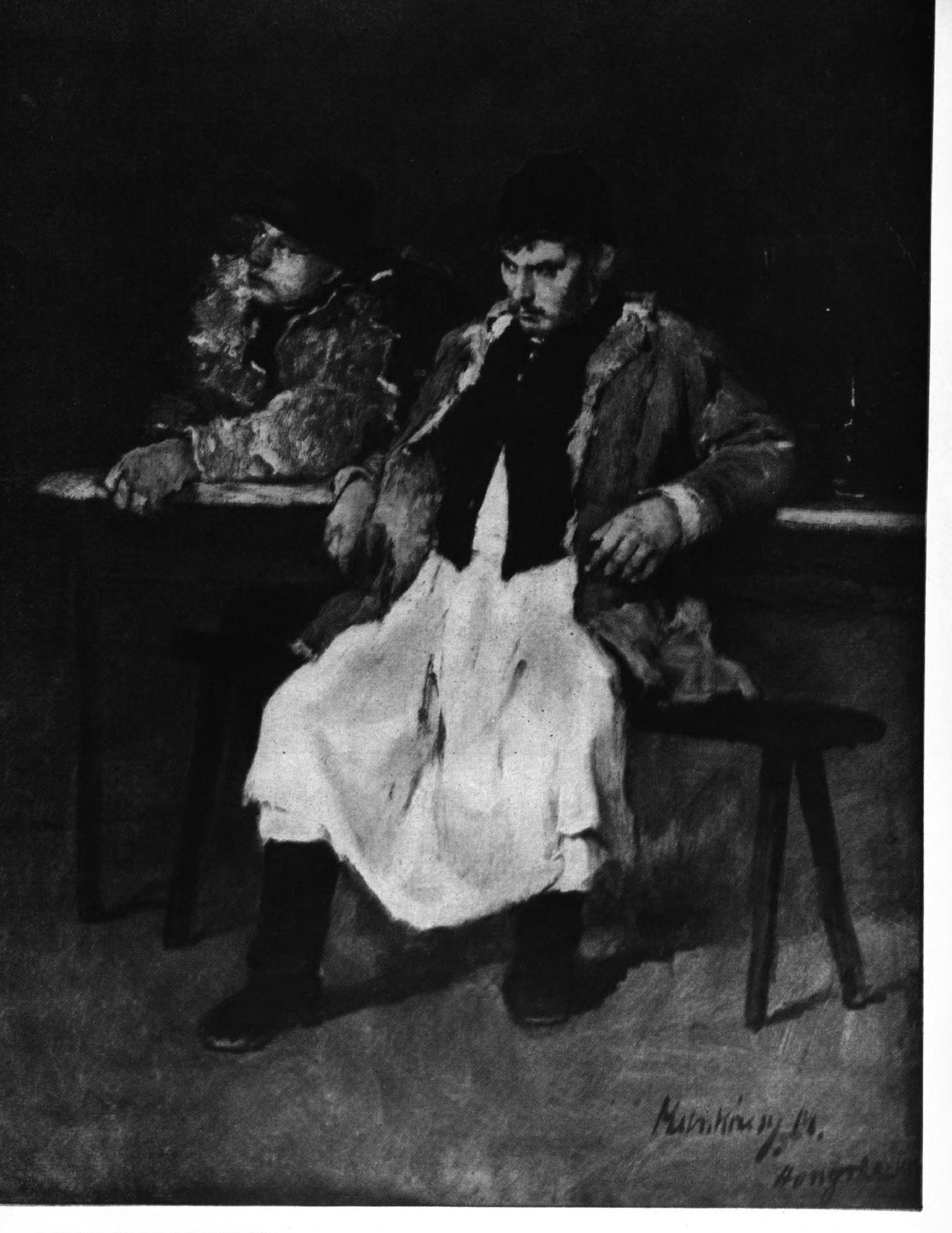
С полотен художников современности брызжет светом и радостью. Разнообразны темы и герои, но единое ощущение пронизывает нас — ощущение полноты, сложности, многообразия жизни, которой живет теперь свободная Венгрия.

Ш. Орлаи Петрич. МИЛЬТОН ДИКТУЕТ «ПОТЕРЯННЫЙ РАЙ». 1850.

Венгерская национальная галерея.

П. Бём.
ЦЫГАНСКАЯ СЕМЬЯ.
Около 1875

М. Мункачи. ДЕРЕВЕНСКИЙ ГЕРОЙ. 1874.

Венгерская национальная галерея.

Академик Е. В. ТАРЛЕ

1812 1962

Бородино

Наступила ночь на 26 августа (7 сентября) 1812 г. Кутузов не мог, конечно, не волноваться перед грозной сечей, в которой шла борьба за честь и политическую самостоятельность русского народа. Но он умел держать себя в руках, как никто, и сохранял полное наружное спокойствие.

Но совсем иначе вел себя Наполеон. Он почти не спал в эту ночь, постоянно вскакивая с постели и выходя из палатки, чтобы посмотреть, горят ли еще огни в русском расположении. Не ушел ли Кутузов? Этого ухода он боялся больше всего. Он был еще в тот момент во власти иллюзии, что если он «завтра» одержит победу, то «завтра» же и окончится война. «Верите ли вы в завтрашнюю победу, Рапп?» — спросил он вдруг дежурного генерала. «Без сомнения, ваше величество, но победа будет кровавая». Наполеон, говоря этой ночью со свитой, особенно преувеличивал цифру своих резервов и преуменьшал цифру своих будущих потерь: он потерял при Бородине не 20 тысяч, как он тогда предполагал, а больше 58 тысяч лучших своих войск.

Русские участники великой битвы с жадностью впоследствии расспрашивали лиц из окружения Наполеона, и вот что им было сказано: «...в Витебске, в Смоленске видели уже его утомленным, нерешительным, не узнавали прежнего Наполеона. Еще более изумились они, наблюдая его вечером, накануне Бородинской битвы. Он был то молчалив, задумчив, мрачен, неподвижен, то деятелен, говорлив, вспыльчив, садился на лошадь, мчался по лагерю и опять укрывался в свою палатку... всю ночь продолжалось болезненное волнение Наполеона. Около пяти часов утра в двадцатый раз велел он узнать, не уходят ли русские? Но русские не двигались с места. Бодро поднялся Наполеон, воскликнув: «Ну, так они теперь у нас в руках! Пойдем! Отворим ворота Московские!». Ему подали коня, и он помчался к Шевардину, уже занятому французами с ночи на 25 августа. Поглядев на восходящее солнце, он воскликнул: «Вот солнце Аустерлица!» И велел начать сражение.

Сражение началось нападением войск вице-короля Италии Евгения Богарне на деревню Бородино и взятием этой деревни. Но главный удар Наполеона направился не в центр, а на левый фланг русских сил, где последовал ряд кровопролитнейших атак на Багратионовы флеши, укрепления, сооруженные на Семеновской возвышенности. Целью Наполеона было напасть на левый фланг русских (на 2-ю армию, бывшую под начальством Багратиона), одновременно напасть на более слабое и, как думал он и его штаб, неукрепленное правое крыло и центр и затем сдавить и уничтожить в этих клещах русскую армию, поставить ее между двух огней — слева и справа...

Кроме... 80—85 тысяч, предназначенных для главного удара, и кроме войск, оставленных в резерве, у Наполеона было в распоряжении еще около 40 тысяч человек с 88 орудиями, которые были им предназначены сначала для большой демонстрации, а потом для действия в центре и на правом фланге русских.

Но Кутузова эта демонстрация не обманула.

Укрепление левого фланга и сооружение редутов и посылка на помощь Багратиону новых и новых соединений показывали, что русское верховное командование, столько сделавшее с вечера 23-го и в течение всего 24 августа для обороны Шевардинского редута, с предрассветных часов 26 августа было готово встретить во всеоружии готовившуюся мощную атаку на флеши, куда отошли войска, покинувшие, согласно приказу, Шевардинский редут еще в ночь на 25 августа. А с другой стороны, разгадав демонстративный характер действий, готовившихся на правом фланге непосредственно против деревни Бородино, Кутузов, не поддавшийся обману и не отвлекший от сил левого фланга ни единого батальона, распорядился так, что первые успехи французов на правом фланге (взятие деревни Бородино) обошлись им несравненно дороже, чем он того ожидал. Русский главнокомандующий правильно предугадал, что его войска даже на этом второстепенном участке фронта, будучи тут численно слабее неприятеля, дадут жестокий отпор армии стоящего против них вице-короля Италии, пасынка Наполеона Евгения Богарне. И в конечном счете вышло, что, отдав на эту диверсию 40 тысяч человек, Наполеон сам лишил себя в первые часы боя серьезнейшей подмоги в решающие первые утренние часы «главного удара», направленного им на Багратионовы флеши. Жертвенный героизм русских войск в этот день превратил, однако, затеянную Наполеоном диверсию на русском правом фланге в предприятие не только бесполезное, но определенно вредное для дела самого агрессора...

И все-таки русские отошли только к вечеру 24 августа (5 сентября), когда Кутузов нашел ненужным уже тут давать генеральное сражение и решил оттянуть силы Багратиона, оборонявшего Шевардинский редут, несколько восточнее, где и решено было укрепить левый фланг. «Сколько взято русских пленных?» — настойчиво спрашивал Наполеон подъезжавших к нему от Шевардина адъютантов и 24 августа. «Русские в плен не сдаются, ваше величество», — получал он все тот же неизменный ответ. Явное волнение и раздражение императора были весьма понятны: Кутузов, выбравший эту позицию, Багратион, ее два дня со своим небольшим отрядом защищавший, русские солдаты, устлавшие своими и французскими телами поле боя, — все это указывало Наполеону, чем будет предстоящий генеральный бой, если даже первый подступ к главным кутузовским силам дается с такими усилиями, с таким кровопролитием и без победы, потому что отход был ни в малейшей степени не вынужденным и все попытки нападения на отходящих были вполне успешно отбиваемы Багратионом.

Полтора суток отделяют отход Багратиона от Шевардина вечером 24 августа от рассвета дня 26 августа (7 сентября) 1812 г., когда начался великий Бородинский бой, и начался он нападением громадных сил французской армии на созданные в короткий срок полевые укрепления на левом фланге русского боевого расположения, на те флеши, которые получили в истории название Багратионовых, по имени героя, их защищавшего и на них кончившего в этот день свое славное поприще. Одновременно (даже несколько ранее) начался бой на правом фланге нападением на село Бородино...

...С рассвета почти до 11½ часов шедшие яростные атаки французов на флеши, не приводившие к результату, несмотря на все жертвы, сами по себе могли приводить врага в смущение, но смущало и то обстоятельство, что ведь и последнее дело на флешах, именно то, где получил свое (оказавшееся впоследствии смертельным) ранение Багратион, было грозным штыковым наступательным ударом. «Ходить в палаши», ходить в штыки, врукопашную, после всего пережитого в первые шесть часов боя, под огнем уже не двухсот, как в начале боя, а четырехсот французских орудий — все это уже само по себе обнаруживало, каким героическим духом движимы были в этот страшный и навеки славный день русские войска...

...Было уже отмечено, что Беннигсен самовольно (и даже не уведомив главнокомандующего) отменил приказ Кутузова о «засаде».

Яркий свет на всю эту историю бросают записки Щербинина вместе с некоторыми другими Материалами Военно-ученого архива главного штаба, изданными В. Харкевичем в 1900 г. Оказывается, что только в начале 1813 г., за два месяца до смерти, Кутузов узнал, как поступил с ним и с Тучковым 1-м граф Беннигсен, так усердно, заметим кстати, старавшийся очернить светлое имя Кутузова и при жизни и, особенно, после смерти великого фельдмаршала. Вот что поведал Щербинин. После осмотра бородинской позиции Кутузов возымел намерение поставить часть войска «скрытно от неприятеля» позади левого фланга. «Когда неприятель... употребит в дело последние резервы свои на левый фланг Багратиона, то я пущу ему скрытое войско во фланг и тыл», — таковы были точные слова Кутузова. Когда посланный Кутузовым инженерный капитан донес, что местность чрезвычайно благоприятствует этому плану, то 3-й корпус (Тучкова 1-го) и московское ополчение были поставлены Кутузовым в этой «засаде». Объезжая позицию 25 августа (6 сентября), накануне битвы, Беннигсен вдруг отменил все сделанное по приказу Кутузова, да еще отменил «с досадой». И Тучков вышел из «засады» и выдвинул свой 3-й корпус к егерской бригаде, отделявшей левый фланг от утицкого леса. Щербинин, бывший при этом, убежден был, что Беннигсен совершает свой поступок с разрешения главнокомандующего. Но обнаружилось (к сожалению, слишком поздно), что Кутузов понятия не имел об этой неслыханной дерзости и самоуправстве Беннигсена.

Лишь в феврале 1813 г. в Калише, в главной квартире Кутузова, Щербинин в случайной беседе с Толем спросил Толя, почему Кутузов тогда переменил свой план относительно засады на левом фланге Бородинского лагеря. Щербинин рассказал все, и «изумленный» Толь сейчас же бросился к Кутузову, который и

«Бородино» — не публиковавшийся ранее очерк, написан академиком Е. В. Тарле десять лет назад. Мы печатаем отрывок из него. Полностью он публикуется в XXII заключительном томе собраний сочинений Е. В. Тарле, выходящем в Издательстве Академии наук СССР.

узнал тогда впервые обо всем. «Можно представить себе,— пишет Щербинин,— как во время Бородинского сражения Кутузов, полагавший Тучкова в скрытом месте, удивлен был известием, что Тучков сделался предметом и скорою жертвою первого натиска французов. На бедного Тучкова пало даже подозрение в главной квартире, что он не умел держаться». Его корпус сражался с 10-тысячным корпусом Понятовского, а сам он был убит наповал, и поэтому свалить на него все вины стало легко.

Вся вредоносность этого самоуправства Беннигсена выяснилась лишь впоследствии, когда из попавших в руки русских бумаг маршала Бертье выяснилось, что если бы Тучков со своим 3-м корпусом и ополчением явился, как рассчитывал Кутузов, к концу боя за Семеновское, «что появление этого скрытого отряда, по плану Кутузова, во фланге и тылу неприятеля при окончании битвы было бы для неприятеля гибельно. И этому воспрепятствовало непростительное распоряжение Беннигсена»...

...Бой становился с минуты на минуту все ожесточенней. Оглушительный рев артиллерии заглушал голоса стоящих рядом друг с другом людей. По усиленной (повторной) просьбе Багратиона Кутузов приказал послать к флешам ему в подмогу три полка гвардии — Измайловский, Финляндский, Литовский, три кирасирских полка и гвардейскую конную артиллерию. Но не все они могли в полном составе подоспеть к флешам. Русские, не обращая никакого внимания на громящую их артиллерию, когда французы приблизились уже ко всем трем флешам (а не только к южной, первоначально намеченной), вступили в самый жестокий рукопашный бой. Командный состав принял полное участие в этих рукопашных схватках, которые сначала, во время этой третьей атаки, привели к занятию французами всех трех флешей, причем в разгаре боя Неверовский был ранен очень тяжко и с трудом вынесен его солдатами из боя, после того как его 27-я дивизия выдержала натиск, в котором она сражалась против окруживших было ее тройных французских сил. Еще больше пострадали гренадерские полки М. С. Воронцова, которые продолжали умирать, долго не уступая ни шагу, после того как их начальник и весь его штаб были либо перебиты, либо жестоко изранены в штыковом бою. Воронцова, раненного штыком, унесли замертво. Уже после истребления гренадер русские кирасиры бросились отбивать занятые флеши и штурмовым ударом выгнали засевших там французов, уничтожив в новой рукопашной схватке немногих французов, которым удалось остаться живыми из тех, кого кирасиры нашли во флешах.

Наполеон подтвердил свой приказ — во что бы то ни стало отбить флеши — и послал на помощь Мюрату и Нею одну из лучших дивизий, какими только располагал образцовый корпус Даву,— дивизию Фриана, очевидно, доверяя ей больше, чем первоначально посланной (и сейчас же возвращенной) им польской дивизии Клапареди. Бой возобновился с неслыханным ожесточением. Посылкой свежей отборной дивизии Фриана после страшных французских потерь в пятичасовой истребительной борьбе за флеши французский император показал явственно, что считает Багратионовы флеши центром великого побоища, от овладения которыми зависит исход борьбы. Русские подкрепления, по условиям местности, могли подходить медленнее, чем пришла к месту боя дивизия Фриана. Посылая Фриана, а затем и очень усиливая кавалерию, Наполеон уже был осведомлен, что та часть вызванных Багратионом подкреплений (именно дивизия Коновницына), которая спешно явилась на место боя, так как была сравнительно недалеко, сразу же повела штурм, отбивая флеши у французов, и выбила их в кровопролитном бою. Правда, приказ Наполеона был категоричен, и Ней снова овладел флешами, бросив новые, непрерывно подходившие к нему подкрепления; это произошло уже после прихода Фриана. Одновременно Наполеон приказал придвинуть ближе к флешам новые батареи. Не щадя снарядов, французская артиллерия громила поле боя, но и русская не молчала, нисколько не уступая неприятелю ни в энергии огня, ни в меткости. Что русские артиллеристы в течение всего сражения стреляли, не только не уступая, но превосходя меткостью стрельбы французов, это признавали многие из командного состава неприятельской армии. Но для Кутузова защита флешей была лишь очень важным участком боевого фронта, а для Наполеона здесь было решение участи всей войны. Ему не терпелось превратить борьбу против левого русского фланга в генеральное сражение, каковым для Кутузова она вовсе не являлась. Бородино для русских вовсе не было и быть не могло в точном смысле слова «генеральной битвой», то есть тем столкновением, которое решает участь войны и оканчивает войну. Русский главнокомандующий видел, что войска Багратиона делают нечто сверх сил человеческих, истребляя лучшие, отборные корпуса Наполеона, но класть здесь всю русскую армию Кутузов не хотел.

Ней и Даву решили в помощь фронтальным атакам пустить в ход большое обходное движение.

Очень ясный отчет о двух неудавшихся неприятелю попытках обхода русских войск в разгаре борьбы на левом фланге (во время непрерывных атак флешей) дает свидетельство Бутурлина, очевидца и участника обороны флешей. «В это время (после провала пятой атаки.— **Е. Т.**) маршал Ней, видя, что атака флешей... не подвигается, решил обойти их и двинуть корпус Жюно в промежуток между левой частью позиции и войсками генерала Тучкова. Если бы неприятелю удалось прорваться с этой стороны, то дела приняли бы тем более худой оборот, что не только они обошли бы семеновские укрепления, но и генерал Тучков был бы отрезан от остальной армии...» К счастью, генерал-лейтенант Голицын опрокинул и загнал в лес колонны Жюно, и новые попытки французов были также совершенно подавлены русской конной артиллерией и атаками русских кирасир. Тут же был вконец разгромлен подчиненный маршалу Даву, герцогу Экмюльскому, Вестфальский корпус. «Вестфальцы бросили сильные свои колонны в лес, которые по своему положению — слева от (русских.— **Е. Т.**) кирасир — давали возможность обойти кирасир с фланга. Но пехотные полки — Брестский, Рязанский, Минский и Кременчугской 2-го корпуса — бросились на вестфальцев, *изрубили их в куски* (курсив Е. Т.— Ред.) и овладели лесом...».

Мы видим тут пример того, во что так часто обращалась «оборона» Кутузова в Бородинском бою!..

Большое наступательное движение, затеянное Багратионом в двенадцатом часу утра, столкнулось с контратакой французов,— и в этом встречном бою ярая схватка шла с ежеминутными колебаниями. Картечный огонь усиливался. Это была уже пятая атака флешей.

И вдруг русские солдаты в разгаре боя заметили издали, что Багратион медленно падает с лошади. Ближние ряды уже знали более точно о происшедшем несчастье... Картечная пуля попала в Багратиона и пробила берцовую кость. Этот момент и оказался переломным в борьбе за флеши, переломным, но не последним...

Гибель Багратиона совпала с тем моментом, когда Наполеон направил на атаку флешей уже почти в три раза больше орудий, чем до сих пор, уже не 150, а больше 400 пушек. Когда в Багратиона попал осколок ядра, раздробившего берцовую кость,— он, зная, как может смутить солдат ранение их любимца, пытался некоторое время скрыть свою рану, но кровь заливала его и лилась на землю. Он стал молча валиться с лошади. Его унесли. Левое крыло несколько подалось назад, но продолжало биться с прежним мужеством: жажда мести за погибающего раненого героя охватила солдат. Кирасир Адрианов, прислуживавший Багратиону во время битвы, подбежал к носилкам и крикнул: «Ваше сиятельство, вас везут лечить, во мне вам уже нет надобности!» Прокричав это, Адрианов, как передают очевидцы, «в виду тысяч, пустился, как стрела, мгновенно врезался в ряды неприятелей и, поразив многих, пал мертвым».

Еще далеко было до конца сражения, но какой-то непосредственный и верный инстинкт говорил русским участникам и наблюдателям борьбы за Багратионовы флеши, что французские потери на русском левом фланге и у деревни Семеновской решительно «никакой победой» в этом месте не могут быть возмещены...

...Старый главнокомандующий ожидал того, что и случилось: после овладения флешами Наполеон уже наметил новое направление главного удара или, точнее, усиление уже с утра происходивших атак на позиции центра русской армии.

Густая масса французских войск получила новое задание: овладеть Курганной высотой, разгромив стоящую там батарею Раевского и стоявшие около нее войска.

Вокруг Курганной высоты разыгрался второй основной акт великого столкновения, которое сначала наполеоновские бюллетени, а затем французские историки, как старые, так и новые, называют «Бородинской победой», но которое было на самом деле, со всякой сколько-нибудь беспристрастно взвешивающей события точки зрения, подвигом русских вооруженных сил, отнявших у Наполеона то, чем он всегда больше всего дорожил,— стратегическую инициативу, а у его армии былую мощь, которой она еще обладала в значительной степени перед Бородинским сражением,— мощь материальную и моральную. Первым актом наполеоновской трагедии, разыгравшейся на полях Бородина, была кровавая борьба за Багратионовы флеши и за Семеновское, вторым — борьба за Курганную высоту. Если французам (в том числе и последнему по времени из них Луи Мадлэну) угодно называть победой событие, очень приблизившее французскую армию и французскую империю к пропасти, куда они и свалились, пусть его так называют вопреки очевидности и здравому смыслу. Для русского народа и для русской истории, воссоздавшей его прошлое, Бородино навсегда останется великим торжеством могучего самоотверженного героизма русской армии, русского военного искусства и народного несокрушимого, гордого самосознания. Первым актом великой исторической трагедии, принесшей России такую немеркнущую славу, а напавшему на нее агрессору — в близком будущем такую страшную гибель, была борьба за флеши, вторым — бои на Курганной высоте. Дорого, неимоверно дорого заплатили Наполеон и Франция за обладание в течение меньше чем одних суток этими двумя местами...

Бородинское сражение не получило непосредственно достодолжной оценки и не встретило полного понимания ни в России, ни за границей. В России народ инстинктивно почувствовал, что Кутузов нанес жестокий удар неприятелю. Известие о Бородине вызвало большое ликование в Петербурге, на армию и ее вождя посыпались поздравления и награды. Но отступление от Москвы изменило все. Царь, всегда не любивший Кутузова, а за ним весь двор и высшее общество, признали со слов врагов главнокомандующего (вроде Беннигсена, Вольцогена, Винцегероде и др.) Бородино поражением. Лишь по мере того, как развертывалось победоносное контрнаступление, истинное значение великого сражения и его последствий стало признаваться сколько-нибудь справедливо.

О Западной Европе нечего и говорить. Лживые бюллетени наполеоновского штаба произвели во Франции, в Польше, в Германии, Австрии, Италии то впечатление, на которое они были рассчитаны...

Но для тех, кто в самом деле изучал Бородино, давно уже стало ясно, до какой степени эта победа русской армии и русского народа должна навеки остаться одним из величавых памятников русского патриотизма, русского геройства и полководческого искусства.

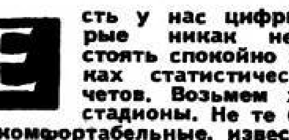
В наши дни, когда после позорного провала гнусной фашистской орды мы наблюдаем упорные старания англо-американского хищнического империализма какими угодно мерами воссоздать вновь такую же орду и вдохновить ее на новые злодеяния, особенно отрадно вспомнить о великом русском подвиге, нанесшем 140 лет тому назад тогдашнему претенденту на мировое владычество такой сокрушительный удар.

ОТСЮДА ВСЕ НАЧИНАЕТСЯ

Михаил АЛЕКСАНДРОВ

Фото Л. Бородулина.

Есть у нас цифры, которые никак не хотят стоять спокойно в колонках статистических отчетов. Возьмем хотя бы стадионы. Не те большие и комфортабельные, известные на весь спортивный мир, а рядовые, невидные, о которых знают совсем немногие. Первые легко подсчитать, вторых — легион, и они-то как раз вносят постоянное беспокойство в статистику, возникая там, где еще вчера дремал пустырь, поросший лопухами, или лежал строительный мусор — спутник новостройки.

Спортивным баталиям, которые происходят на больших стадионах, у всех на виду, посвящаются столбцы взволнованного репортажа в газетах. События на маленьких стадионах, как правило, остаются в тени, о них не говорят дикторы радио, редко и мало пишут газеты. Вероятно, это справедливо: если сообщать обо всем, что здесь делается по вечерам и в дни отдыха, не хватит никаких газетных площадей.

Рабочий стадион в фабричном Глухове—рядовой. Он занял место в строю еще в 1924 году, возник среди берез и лип в самом красивом уголке. Григорий Иванович Федотов, когда-то признанный премьер советского футбола, никогда не забывал о родном глуховском стадионе. Здесь в первый раз Гришка, фабзаяц, выбежал на поле с такими же, как он, рабочими пареньками из Красноармейского и Буденновского фабричных общежитий.

— У нас была своя кубышка,— рассказывал Григорий Иванович,— ну, просто копилка. В нее мы, ребята, опускали пятаки и гривенники. Копили деньги на футбольные майки, трусы и мяч. Только в форме мы хотели появиться на стадионе. Невозможно передать, как мы его любили, как ждали, когда нас туда пустят!..

Уже в ту пору обжили глуховские ткачи и ткачихи свой стадион. Почтенные цеховые мастера неторопливо выходили на городошную площадку и, поплевав на руки, рушили с одной биты «пушки» и «колбасы». Уже тогда к футболистам-глуховцам приезжали классные команды из самой Москвы — «Спартак», например, во главе с прославленными братьями Старостиными, и им непросто было увезти отсюда победу!

А что ж там теперь? Как живет глуховский рабочий стадион в наше время, когда появилось по всей стране множество его более молодых собратьев?..

На обложке нашего журнала — момент матча по ручному мячу. Это всего лишь один из эпизодов большого события в жизни Глухова — летней спартакиады комбината, насчитывающего в своем составе пять фабрик и литейно-механический завод. Такие спартакиады теперь традиционны. Нужны цифры? Вот они: только одна Новоткацкая фабрика выставила на старт пятьсот спортсменов и спортсменок! Примерно столько же представляли фабрику Новогребенную... В коллективе физкультурников глуховского общества «Труд» больше шести тысяч рабочих и работниц. В часы досуга они легкоатлеты и велогонщики, городошники, баскетболисты и, конечно, как раньше, футболисты.

Возмужала, выросла семья глуховских физкультурников. Идет она в ногу с временем, заботится о том, чтобы и в будущем не отстать: своя детская спортивная школа, в которой занимаются триста мальчиков и девочек.

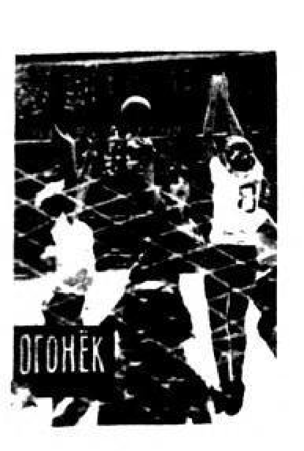
Футбол... Да, по-прежнему он самый, пожалуй, любимый спорт. Теперь лучшая глуховская команда играет в классе мастеров, оспаривает первенство страны по группе «Б».

На земле и на воде борются со временем и пространством физкультурники рабочего Глухова. На той стороне большого пруда — владения морского клуба ДОСААФ. Да, есть здесь и свое море! А раз оно есть, значит, молодежь хочет овладеть стремительным скутером и юркой байдаркой.

Далекими и трудными туристскими тропами проходят глуховские девушки и ребята. По-прежнему почтенные мастера цехов встречаются на городошных площадках или в тени берез, за шахматной доской.

Спорт — без возраста и без резкой границы между трибунами для зрителей и полем стадиона. Вот они волнуются, смеются сейчас, наблюдая за перипетиями напряженного футбольного матча. А через час-два, наверное, сами выйдут на поле или на гаревую дорожку дружить со спортом, закаляться, здороветь. Так уж в Глухове заведено.

ПУТЕШЕСТВИЕ В

Иван КИРКОВСКИЙ,
старший мастер Белорусского автозавода

И вот мне
квартиру
дает жилищный,
мой,
рабочий,
кооператив.

Строки любимого поэта. Когда-то, в 1928 году, Маяковский написал «Рассказ литейщика Ивана Козырева о вселении в новую квартиру». И вот этот рассказ в руках у меня, тоже Ивана, но не Козырева, а Кирковского, однако тоже новосела.

Я пишу эти строки в светлом кабинете своей новой квартиры, в которую переехал только 7 июня. Я не поэт, но у меня тоже появилась потребность взяться за перо. Хочу поделиться своей радостью и своими мыслями по этому поводу.

Так вот, когда-то получение новой квартиры рабочим человеком было таким событием, что Маяковский по сему поводу написал стихотворение. Сейчас новоселье — это уже вроде как будто обычное, повседневно распространенное явление. Как-то я прочел в газете, что в нашей стране строится в расчете на тысячу человек населения вдвое больше квартир, чем в США и Франции. А ведь до конца семилетки будет построено еще около 400 миллионов квадратных метров жилищ.

Миллионы квартир! И в каждой квартире счастье, вошедшее в жизнь человека.

В самом деле, возьмите, к примеру, мою семью. Жена — учительница. Двое сыновей: Леня пойдет осенью в первый класс, Саша — в ясли, ему только третий годик. Раньше мы жили в 16-метровой комнате общей квартиры. Кроме нас, было еще две семьи. Жили ничего, без бурь и штормов на кухне — народ все рабочий, сознательный. А все же согласитесь: в одной прихожей пять ребят — многовато. Детишкам тесно, взрослым беспокойно. Словом, что там говорить, коммунальная квартира — это не лучший вид жилья.

А теперь у нас отдельная квартира со всеми удобствами, да еще так спроектированная, что солнце во всех комнатах. Солнце и тишина, которой наслаждаешься!.. Я понимаю, что ничего нового не открываю, — все очень обыкновенно; очутившись в своей квартире, я как бы попал в огромный мир счастливых новоселов.

Квадратные метры, газ, своя кухня, ванная, балкон — вещи весьма простые, но в моей жизни они вызвали много перемен. Теперь я как угодно кручу

ТАБЛИЦА, НЕ ТРЕБУЮЩАЯ КОММЕНТАРИЕВ

За последние пять с по

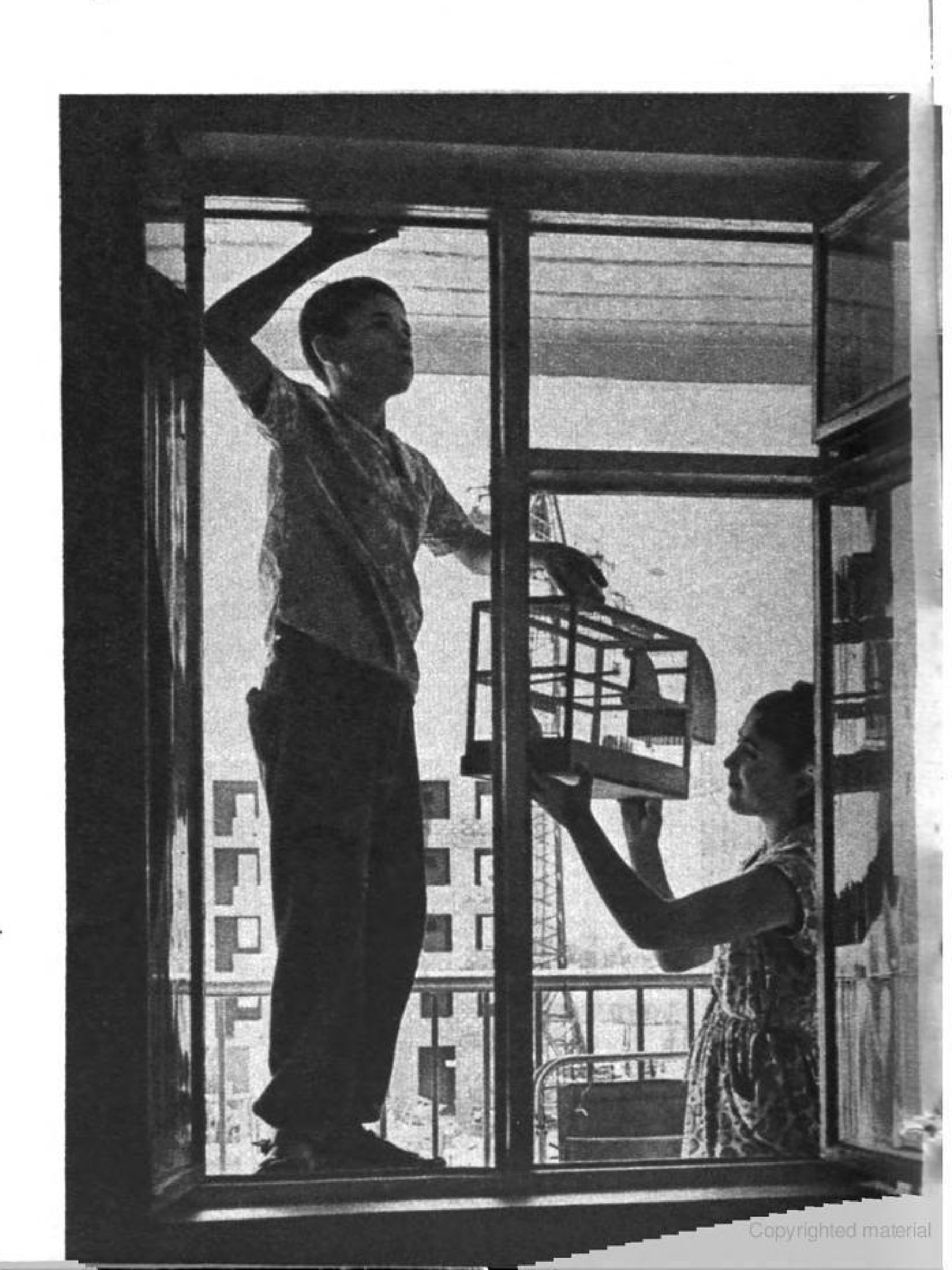
третья часть населен

Путешествуя в мир новоселов, наши корреспонденты обратились в горсоветы двадцати городов страны с просьбой ответить на три вопроса. Сколько жилплощади получили жители вашего города за три первых года семилетки? Имеется ли рост площади и какой в сравнении с предыдущими тремя годами? Сколько новоселий справят в вашем городе в нынешнем году?

Так родилась эта таблица. Мы хотели было обратиться к кому-нибудь из специалистов с просьбой прокомментировать ее. А потом решили: ни к чему это! Таблица не требует комментариев. Появился в начале семилетки на белорусской земле город Солигорск. И за три года «отмахал» 26 800 квадратных метров жилья. А только в одном 1962-м году справят здесь более тысячи новоселий — 25 тысяч квадратных метров получат солигорцы. Какие же тут требуются комментарии?

Цифры говорят сами за себя!

Города	Введено в эксплуатацию жилплощади (в тысячах кв. метров)			Справят новоселий в 1962 г.
	1956—1958	1959—1961 (первые три года семилетки)	Рост в %	
Баку	326,3	652	100	11 000
Волгоград	758	940	24	9 300
Владивосток	187	379	102	5 950
Даугавпилс	20,8	68,8	230	700
Казань	468	715,5	52	8 750
Караганда	204	333,6	63	8 000
Киев	1 205,8	2 689,7	123	25 625
Кировакан	8,8	56,6	545	1 240
Кривой Рог	516,4	742,9	44	6 735
Липецк	302,7	545	80	9 000
Минск	696,7	917	31	12 000
Нарва	22	56,8	158	392
Новокузнецк	501,4	635,7	27	7 500
Ош	16	33	106	1 020
Полоцк	14	55	288	1 399
Свердловск	728	1 243	70	16 000
Солигорск	0	26,8	—	1 002
Тбилиси	379,7	470	24	6 000
Фергана	0	69,3	—	900
Якутск	57,2	81,2	59	1 520

МИР НОВОСЕЛОВ

свой радиоприемник — люблю «погулять» по эфиру. А раньше бывало так: сосед спит после ночной смены, и приемник молчит. Сейчас ребятишки возятся на коврике, залитом солнцем, и никому не мешают, никто не сердится на них. Все мы стали с переездом на новую квартиру как-то лучше, всем стало веселее...

Но есть и маленькие горести. Обставил квартиру мебелью светлых, приятных тонов и простых современных форм. Заранее подбирали ее и распланировали по комнатам. В этом тоже ведь много приятного! А для кухни не успели приобрести удобный шкаф. Были такие в Минске, а сейчас нет их. Обнаружились и строительные прорехи. Стены почему-то окрашены в тусклый, сероватый цвет, за радиатором подтеки. Мелочи как будто, но могло их и не быть! Пусть не будет подобных досадных мелочей в том новом доме, который растет напротив нашего. И в домах на соседней улице, и в соседнем районе, и в соседнем городе.

Мир новоселов становится все шире и шире. И вот подумалось мне: а что, если «Огонек» совершит путешествие в этот огромный счастливый мир?..

Поселок Жодино,
Минской области.

Нам понравилось предложение Ивана Кирковского. Мы быстро снарядили своих корреспондентов — и тех, что пишут, и тех, что снимают, — и в путь! Но тут сразу же появилась трудность: куда держать путь, с чего начинать? Ведь новоселье справляют у нас почти ежедневно и в любом городе. Прибегли к проверенному в журналистике приему: в один и тот же день корреспонденты «Огонька» отправились на север, юг, запад и восток страны.

Вот что они рассказывают.

ловиной лет в новые дома переехала почти ия страны — свыше 66 миллионов человек

Фото А. Гостева, Н. Козловского, М. Савина, Д. Ухтомского.

← **ЮГ.** **Баку.** Город нефтяников справит за год 11 тысяч новоселий. В одну из новых квартир уже въехала семья концертмейстера Баба Салахова.

СЕВЕР. ↑ **Мурманск.** В этом году 3 190 семей справят в Мурманске новоселье, подобно семье капитана траулера «Курейка» В. К. Лысенко (на снимке справа).

ВОСТОК. ↓ **Ангарск.** Более 100 тысяч квадратных метров жилья вводит в строй в 1962 году молодой город. Более трех тысяч новоселий — вот что это значит.

ЗАПАД. → **Львов.** Этот дом по улице Пасичной уже вписал свои 80 квартир в число 5 328 запланированных во Львове на год.

МОСКВЫ . ШАГИ СА

Путешествуя в мир новоселов, конечно, никак не минуешь столицу. Нигде на земле не строят сейчас так много домов, как в Москве,— тут ежедневно сдается в эксплуатацию 350 квартир.

Как шагает в завтра великий город?

Об этом рассказывает нашим корреспондентам

Е. Т. САМОДАЕВ,
первый заместитель председателя исполкома Моссовета

Огромный размах и небывало высокие темпы реконструкции столицы — яркое свидетельство того, как претворяются в жизнь требования Программы партии: все для человека, все во имя его блага.

Напомню всего несколько цифр, характеризующих «наследство», доставшееся нам от купеческой Москвы: население — 1 миллион 850 тысяч человек, жилой фонд — 11 миллионов 600 тысяч квадратных метров, причем почти две трети его приходились на деревянные строения.

А вот последние статистические данные: жилой фонд превышает 42 миллиона квадратных метров, только за три с половиной года семилетки построено 11 миллионов 400 тысяч квадратных метров — почти столько же, сколько имела вся дореволюционная Москва.

По темпам строительства Москва опередила крупнейшие столицы капиталистических государств. На тысячу человек населения у нас строится 18 квартир — значительно больше, чем в Нью-Йорке, Лондоне, Париже. В прошлом году новоселье праздновало полмиллиона москвичей. В нынешнем году число их также будет определяться шестизначной цифрой.

Бурное и вместе с тем пропорциональное развитие всех отраслей городского хозяйства Москвы стало возможным благодаря тому, что у нас теперь имеется мощная производственная база. Еще в 1950 году по инициативе Н. С. Хрущева были заложены основы московской строительной индустрии. Около ста специализированных заводов, большинство которых оснащено прокатными станами, кассетными машинами, поточными линиями, — вот что такое сегодня столичная строительная индустрия! Она уже перешагнула уровень, запланированный на конец семилетки.

Москвичи твердо держат курс на всемерную индустриализацию строительства. Подавляющая часть зданий монтируется из деталей и узлов, сошедших с заводского конвейера. Изготовление полносборного дома — это теперь процесс, которому свойственны высокие скорости и точность. Монтаж пятиэтажного здания в районах массовой застройки занимает сейчас 18 дней. Вот, к примеру, застройка квартала № 37—38 в Юго-Западном районе. Здесь действует семь поточных линий. За пять месяцев тут будет сооружено и заселено 37 домов — более 75 тысяч квадратных метров. Дома на поток! Эти слова, казавшиеся еще недавно далекой перспективой, становятся реальностью. Скоро «Главмосстрой» начнет застраивать поточным методом кварталы Рублевского шоссе.

Сейчас само понятие городской застройки уже не то, что было раньше. На месте ветхих домишек и пустырей возникают целые жилые районы. Ведется концентрированное, массовое освоение обширных пространств. Юго-Запад столицы, этот новый район, пожалуй, известен во всем мире. Появились громадные кварталы — Хорошево-Мневники, Черемушки, Фили-Мазилово, Волхонка-ЗИЛ. На очереди — новые крупные жилые массивы в разных концах города: Матвеевское, Выхино, Ногатино, Свиблово, Медведково, Беляево...

Сделано в Москве много, но предстоит сделать гораздо больше. К 1965 году столица должна получить свыше 20 миллионов квадратных метров жилья, 337 школьных зданий, в том числе 100 школ-интернатов, больницы на 19 тысяч мест, кинотеатры на 34 тысячи зрителей, 1 800 магазинов, 1 680 ресторанов, кафе, домовых кухонь. Один из крупнейших ресторанов предположено соорудить на Воробьевском шоссе. Тут за столиками смогут одновременно разместиться 1 500 человек.

В ближайшее время все строительство станет полносборным. Большие требования в этой связи предъявляются к заводам: работать так, чтобы готовые изделия, как это еще часто бывает, не приходилось «доводить» на строительных площадках.

А площадок в Москве сейчас свыше двух тысяч. И работают там десятки тысяч людей, многие тысячи автомашин. Руководить этим огромным хозяйством, планировать, вести подсчеты обычным методом становится все труднее и труднее. Настало время привлечь к этому делу вычислительную технику. «Главмосстрой» и «Главмосавтотранс» совместно с вычислительным центром Академии наук СССР проделали первые опыты. С помощью электронных машин в считанные минуты были найдены ответы на сложнейшие вопросы, решение которых традиционным способом отняло бы месяцы.

Партия и правительство придают первостепенное значение эффективности капиталовложений. Сэкономив один только процент сумм, ассигнованных в этом году на жилищное стро-

НИЖНИЕ ЭТ

П. ЗАМАНСКИЙ,
Н. КОЗЛОВСКИЙ

Мы едем по широким киевским улицам. Крещатик... На месте разрушенных в годы войны старых зданий, равняя строй по правофланговым, выстроились красавцы дома — новый жилой ансамбль, облицованный желтой керамической плиткой, одетый в стекло и легкие металлические конструкции. За стенами этих домов — своя жизнь, свои радости и заботы.

А в нижних этажах...

Широкие марши огромных витрин: кафе-автомат, столовая самообслуживания, Дом моделей (сегодня здесь демонстрация новых фасонов платья из нейлоновой и капроновой ткани), хлебный магазин «Урожайный», молочное кафе «Минутка».

Вот кондитерский отдел при «Гастрономе» № 1. Пока мама выбирает «Киевский торт» или «Белку», сын в компании сверстников может полакомиться, сидя за небольшим столиком в детском уголке.

...Угол бульвара Шевченко и улицы Красноармейской. Семиэтажный дом. А на первом этаже — завоевавший уже всеобщее признание магазин синтетических товаров: сумки, зонтики, бритвенные приборы, кофточки, бутылки, вазочки, канистры — и все из полиэтилена, аминопластов, полистирола, паралона, оргстекла. Долговечно, удобно, гигиенично!

Местные предприятия — фабрики «Кожгалантерея», «Украина», завод «Пластмасс» — поставляют новые виды товаров по образцам и рекомендациям магазина.

...Ровный, как стрела, уходящий к Выставке достижений народного хозяйства проспект имени 40-летия Октября. Магазин «Изотопы». Нас встречает не директор, не товаровед, а главный инженер магазина. Еще не открыты широко двери для массового покупателя. Но уже ежедневно специально оборудованные машины доставляют свою продукцию семидесяти заказчикам: медицинским учреждениям, научно-исследовательским институтам, лабораториям, предприятиям Киевского совнархоза.

Совсем недавно на улице Красноармейской, 30, в нижнем этаже жилого дома начало свою жизнь «Бюро добрых услуг». С первого дня не замолкает там телефон. «Я уезжаю в долгосрочную командировку. Некому поливать цветы на балконе. Не смогли бы вы присылать своего человека?» «Я работаю во второй смене. Старушке матери тяжело спускаться с четвертого этажа». «Прошу помочь — некому приводить ребенка из детского сада». Бюро только начинает свою деятельность. Еще нет того разма-

Пока мамы выбирают...

Чай, кофе...

Педагог Бела Евсеевна Дидун спрашивает:

ЖЕНЬИ

ительство, мы можем построить три тысячи квартир. За последние четыре года стоимость квадратного метра жилья уменьшилась на 15 процентов. Надо, чтобы при наименьших затратах денег, материальных и трудовых ресурсов вступало в строй как можно больше жилых домов, школ, больниц...

Очень важно бережно, по-хозяйски относиться к драгоценной московской земле. Далеко не все знают, что расходы на освоение предназначенных под застройку территорий (инженерные коммуникации, дороги, транспорт, включая метро) достигают в среднем 125 тысяч рублей на гектар. Чтобы снизить эти расходы и вместе с тем эффективнее использовать землю под жилищное строительство, надо поднять плотность застройки и увеличить высоту домов.

Расчеты показывают, что выгодно и целесообразно вести так называемую смешанную застройку. В Москве в зависимости от условий района и его значения намечено строить дома в пять, девять и четырнадцать этажей. Такая застройка позволит разместить в пределах кольцевой автострады на 15—20 процентов больше жилой площади. Но дело тут не только в экономии. Речь идет и об архитектурных качествах новых районов, о художественном силуэте Москвы.

Все массовое жилищное строительство ведется у нас, как известно, по типовым проектам. Теперь созданы предпосылки для следующего шага — улучшения этих проектов.

В мастерских Московского института типового и экспериментального проектирования разработаны проекты квартир с улучшенной планировкой. Архитекторы учли справедливые во многих случаях нарекания жильцов на неудобства квартир: проходные комнаты, слишком узкие коридоры и кухни, а то и непосредственный выход из жилой комнаты в кухню. Новые предложения института предусматривают квартиры с большим числом изолированных комнат, более просторными прихожими и кухнями, разобщенными санитарными узлами в двух-, трех- и четырехкомнатных квартирах. Само собой разумеется, что улучшенная планировка не должна повышать стоимости квадратного метра жилья.

Значительно возрастет удельный вес квартир в одну и две комнаты, рассчитанных на одиночек, молодоженов и небольшие семьи. Это даст возможность строго проводить принцип посемейного заселения, который в многокомнатных квартирах — а они преобладали — не всегда удавалось соблюдать.

Новые жилые кварталы в подавляющем большинстве возникнут за счет освоения свободных территорий. Но одновременно ведутся значительные работы по переустройству старых районов столицы. Даже в Москве, привыкшей к большим масштабам стройки, прокладка магистрали Новый Арбат поражает смелым градостроительным замыслом. Эта магистраль протянется от Арбатской площади до Садового кольца по нынешнему направлению Большой Молчановки, Композиторской улицы и Кречетниковского переулка. Новый Арбат еще лучше свяжет центр столицы с районами Фили-Мазилово, Рублево и другими, разгрузит не справляющуюся с транспортными потоками трассу Арбат — Бородинский мост — Минское шоссе.

Сейчас определены лишь общие черты магистрали. Тут предполагается возвести дома гостиничного типа высотой в четырнадцать, а в отдельных случаях в восемнадцать этажей. В первых этажах расположатся столовые, предприятия службы быта. Вместе с жилыми корпусами возведут кинотеатр с залом на 2 500 зрителей (один из самых вместительных в Москве), выставочный зал, универмаг.

Пробивка новой трассы будет завершена до конца нынешнего года. Отжившие свой век строения, лежащие на пути трассы, будут снесены, а те, что смогут еще послужить, передвинуты.

Жизнь современного крупного города немыслима без хорошо налаженных транспортных связей. Организация непрерывного скоростного движения на основных кольцевых и радиальных магистралях потребует реконструкции ряда улиц, проспектов. Сейчас, например, разрабатываются проекты пробивки кратчайшего пути с Большой Серпуховской улицы к Пятницкой, спрямления улицы Димитрова, с тем чтобы отсюда можно было выехать на Большую Полянку. Намечено сооружение крытого переходного мостика через Ленинградский проспект у станции метро «Динамо», эстакады на Садовом кольце (у пересечения с Ульяновской улицей), пешеходных тоннелей — от станции метро «Дзержинская» до Политехнического музея и от проспекта Маркса в направлении Красной площади, до ГУМа. Не сомневаюсь, что москвичи единодушно одобрят все это.

Жилье — вот главное, ведущее в московском строительстве. Но одновременно будет непрерывно развиваться строительство культурно-бытовых учреждений. В частности, в виде эксперимента запроектированы укрупненные школы — на 1 920 и 2 тысячи учащихся, детские сады и ясли на 480 и 520 мест.

Много внимания уделяется местам отдыха москвичей. На живописных просторах Подмосковья решено создать зоны отдыха с гостиницами-пансионатами, пляжами, лодочными станциями, Домами туриста. В нынешнем году закончится сооружение первой очереди пансионата на Клязьминском водохранилище. В ряде уголков Подмосковья предполагается построить летние городки облегченного типа. Берега Московского моря превратятся в своеобразный курорт, где летом смогут отдыхать многие тысячи москвичей. Предполагается проложить сюда специальную скоростную электромагистраль. Проект ее уже разрабатывается.

С девяти московских вокзалов ежедневно прибывают в столицу десятки тысяч людей со всех концов страны, из зарубежных стран. Мы должны расширять строительство гостиниц.

В Зарядье, неподалеку от Кремля, началось сооружение самого большого в СССР, да и в Европе, отеля. В четырех его двенадцатиэтажных корпусах запроектировано 3 400 номеров, рассчитанных почти на 6 тысяч гостей.

Список отелей-новостроек можно продолжить. Комфортабельная гостиница сооружается на улице Горького, 22. В ансамбль первого столичного аэровокзала, воздвигаемого на Ленинградском проспекте, входит гостиница для воздушных пассажиров. Назову еще проекты, которые будут осуществлены в недалеком будущем: два двенадцатиэтажных гостиничных корпуса, соединенных подземным переходом на Смоленской площади, и внушительное здание, что поднимается рядом с «Националем».

Продолжение на 16-й стр.

А Ж И...

Новоселов, о которых мы рассказываем, не интересуют лифты, балконы. Они претендуют только на первые этажи новых домов. Репортаж о них мы и ведем из Киева.

ха, с каким должно работать это новое — и по самой сути и по своему назначению и призванию — бытовое учреждение. Но многое уже делается.

Новый дом по Большой Китаевской, 111/2. В одной из просторных квартир здесь пять раз в неделю с детьми занимается английским языком педагог «Бюро добрых услуг» Б. Е. Дидун. Может быть, через много лет Павлик Шевело, бойко читавший стихи на английском языке, став педагогом или дипломатом, с благодарностью вспомнит «Бюро добрых услуг» — это его первое учебное заведение.

Далее наш путь лежал в Дарницу — рабочий район большого города.

Сплошной поток машин по бульвару Дружбы народов. А по обеим сторонам проезжей части — новые жилые кварталы. В первых этажах — домовые кухни, ателье, детские сады, парфюмерные магазины.

Мебельный магазин № 1818. Еще недавно его годовой план (в старых деньгах) составлял 6 миллионов рублей. Сегодня он вырос в семь раз. Растет спрос новоселов на мебельные гарнитуры.

Ежедневно магазин получает 36 автомашин мебели. Это 144 однокомнатных малогабаритных набора. Цифра внушительная, а спрос еще более велик — армия новоселов растет.

...Последний пункт нашего путешествия — Железнодорожный район. Первомайский массив — городок, возникший на пустыре. В первых этажах новых зданий есть все, что требуется новоселам. Столовая самообслуживания на 100 мест. Огромное ателье с мастерскими, выставочным залом и магазином. Кинотеатр «Спутник» — светлое, просторное здание, как бы само устремившееся в космос.

На улице Ереванской на первом этаже нового дома разместилась детская поликлиника. Ее открыли по просьбе жителей района.

А на бульваре имени Ленина, заняв весь нижний этаж новостройки, с утра до вечера шумит детвора. Здесь Дом пионеров, организованный на общественных началах.

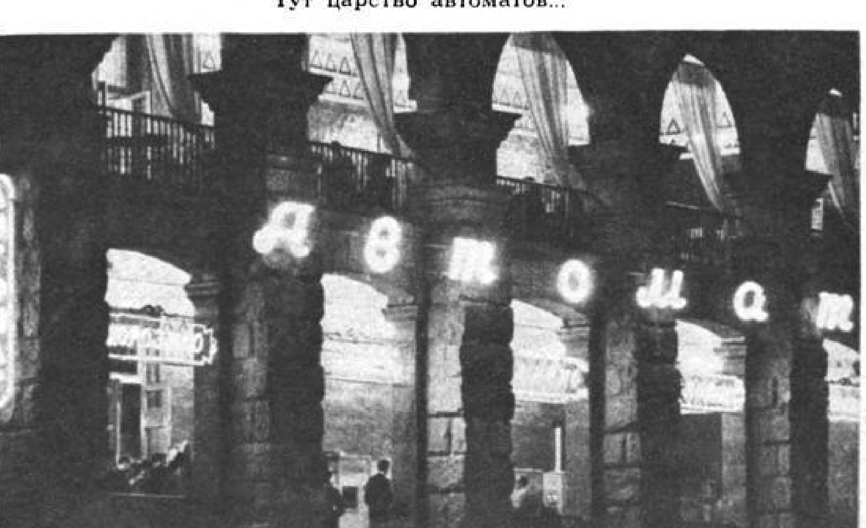
...Мы возвращаемся в центр города. Темнеет. Зажигается реклама. «Чай». Немало чайных в Киеве. Но в них частенько бывает «тяжело» с чаем и «легко» с коньяком. А вот в этом кафе «Чай — кофе» только чай и кофе. «Прогорите»,— говорили директору некоторые знатоки общественного питания. Но кафе не прогорело. И днем и вечером трудно здесь найти свободный столик.

...Новые дома. Новые названия улиц на бывших окраинах: Мир, Дружба народов, имени Гагарина. По-новому обслуживают киевлян новые магазины и учреждения культуры, размещенные в нижних этажах.

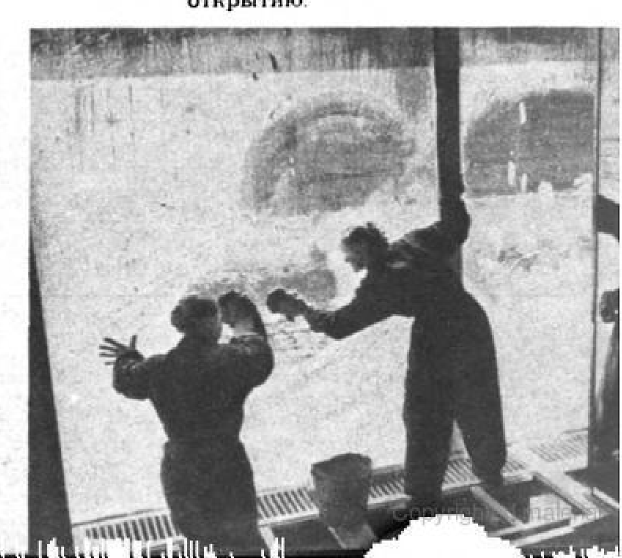
— А как по-английски будет «слон»?
— Элефант! Элефант!

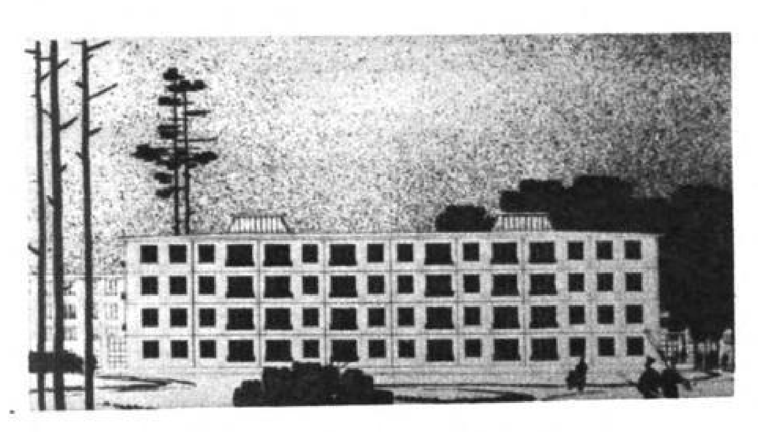

Тут царство автоматов...

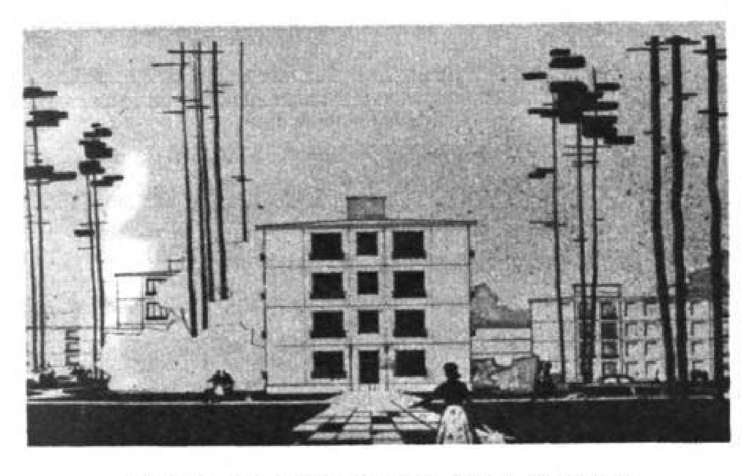
Парфюмерный магазин готовится к открытию.

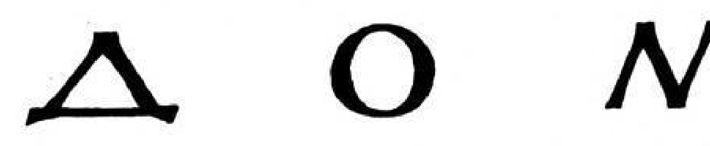

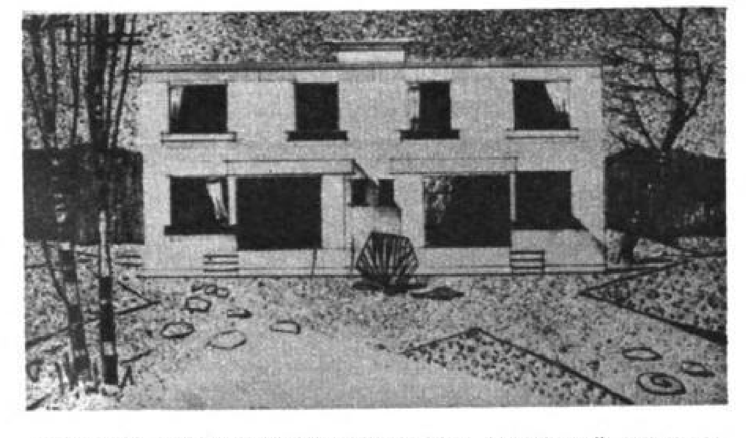
Сибирский дом на 64 квартиры.

СИБИРСКИЙ

Экспериментальные дома шире обычных.

Типовой двухквартирный дом для сибирской деревни.

Дом еще не выстроен. Он пока только в чертежах, замыслах архитекторов. В Западно-Сибирском филиале Академии строительства и архитектуры СССР нашим корреспондентам о новых проектах сибирских домов рассказал руководитель этого филиала
архитектор В. Г. ТЕРЕХИН.

Вы спрашиваете, что нового в строительстве городов и сел Западной Сибири? Новостей много. И обо всем в краткой беседе не расскажешь. Вот в Кировском районе Новосибирска вы можете, например, увидеть совсем не похожий на другие четырехэтажный жилой дом. Он привлекает внимание своей компактностью, легкими формами, просторными окнами... Отличается он от своих соседей и совсем необычной, почти вдвое большей, чем у других, шириной корпуса. Лестница размещается в середине здания. Это один из экспериментальных домов; проект его разработан нашими архитекторами под руководством доцента Г. Ф. Кравцова. Мы рекомендуем его для городов Сибири.

Почему он был так спроектирован и построен? Дело в том, что существующие проекты жилых зданий далеко не в полной мере отвечают нашим климатическим условиям. Резко континентальный сибирский климат, продолжительная зима с суровыми, доходящими до 45° морозами (у нас отопительный сезон продолжается в среднем 210 дней) и короткое жаркое лето заставили подумать о таком типе жилья, в котором зимой было бы тепло, а летом прохладно. Идея компактного здания с широким корпусом наиболее отвечает этим требованиям — лучше сохраняет тепло. В новом экспериментальном доме на отопление квартиры расходуется на 30—50% меньше угля. Выходит, что при строительстве подобных зданий только в одном Новосибирске можно сэкономить за семилетку около 500 тысяч тонн угля.

Оригинальны новые дома и по своей внутренней планировке. Обычно двухкомнатная квартира заселяется одной семьей из 3—4 человек. Для некоторых семей, особенно там, где есть дети, такие квартиры не совсем удобны. Это подтвердили и результаты обследований семей новоселов в городах Западной Сибири, проведенные нашим филиалом. Многие высказывали тогда пожелание иметь на той же площади больше комнат. В этом случае семья может разместиться лучше; школьники, например, будут иметь отдельные комнаты для занятий и сна.

Мы учли пожелания новоселов. И вот теперь на площади старой двухкомнатной квартиры спроектировали и построили квартиру из трех комнат, а вместо трехкомнатной — четырехкомнатную. Для больших семей на 6—8 человек сделаны пятикомнатные квартиры, хотя жилая площадь их невелика — 55 кв. м. В каждой такой квартире одна просторная общая комната и несколько небольших спален. Все комнаты квадратные, поэтому они кажутся больше и в них легко разместить секционную мебель. Большие удобства здесь создают и трансформирующиеся перегородки. Если в семье праздник, перегородки легко раздвигаются — и уже готов большой зал для приема гостей.

Новые типы квартир были показаны на строительной выставке в Новосибирске. Интерес к ним большой. В своих отзывах горожане просят начать быстрее строить такие жилища.

Экспериментальные дома в нашем городе — первая ласточка. Вслед за Новосибирском их намечено строить и в городах Кузбасса, Алтая, Красноярского края.

Совершенно новый тип жилья требует сейчас и сибирская деревня. В годы семилетки жилой фонд в селах Западной Сибири предусмотрено увеличить в 2 раза. Деревенское жилище по своим удобствам и благоустройству должно максимально приблизиться к лучшим образцам городского.

Недавно Госстрой СССР утвердил типовые проекты для сел Сибири, разработанные нашим филиалом совместно с проектным институтом «Сибгипросельхозстрой». Они предусматривают всемерную индустриализацию сельского строительства, при этом широко используются местные строительные материалы. В Барабинской степи, например, будут строиться двухэтажные дома с железобетонными каркасами, заполненными камышитовыми плитами, а в глубинных районах Алтая найдут широкое применение кирпичные панели.

Новый дом в сибирском селе, как правило, двухэтажный, с планировкой, рассчитанной на различный состав семьи.

Заглянем в один из них. Квартира размещается в двух этажах. В первом — большая кухня, столовая, просторная прихожая. Лестница ведет на второй этаж, где имеются три небольших спальни и ванная. В квартире центральное отопление. Трубы обогреваются котелком, вмонтированным в кухонную плиту. Большая застекленная и утепленная веранда зимой используется как дополнительная площадь.

Такая сельская квартира рассчитана на шесть человек. Ее жилая площадь — 48 квадратных метров. В доме может быть от двух до восьми квартир.

Во многих районах Западной Сибири сельские дома строятся уже по новым проектам.

Окончание.

МОСКВЫ ШАГИ САЖЕНЬИ

Москва — крупнейший культурный центр страны. Думаю, что не только москвичам, всем советским людям дорога прославленная Третьяковка! Народ горячо любит Третьяковскую галерею. Но старинный особняк в Лаврушинском переулке уже тесен для нее. На Крымской набережной решено возвести здание Национальной картинной галереи СССР. Здесь будет свыше ста экспозиционных залов, реставрационные мастерские, лектории. В содружестве с Министерством культуры СССР и Союзом художников мы рассмотрим варианты проектов галереи и отберем наилучший.

Много дел и у строителей театров. Решено завершить на Тверском бульваре начатое еще до войны строительство Музыкального театра имени народных артистов К. С. Станиславского и Вл. И. Немировича-Данченко. Зрительный зал тут рассчитан на полторы тысячи мест. Оставшаяся на Садовом кольце с довоенных времен театральная «недостройка» также будет закончена — это для Центрального театра кукол. В Юго-Западном районе проектируется здание цирка на три тысячи мест.

В квартале № 42—43 Юго-Запада будет построен комплекс зданий Университета дружбы народов имени Патриса Лумумбы. Он рассчитан на 4 200 студентов и будет состоять из учебных зданий, спортивного ядра и клуба. В живописном уголке, на опушке леса, небольшими группами раскинутся жилые дома студентов, профессоров и преподавателей. Каждая группа домов, по замыслу архитекторов,

Эта московская улица называется 3-й улицей Строителей — название, пожалуй, самое распространенное в наших городах.

Утром на Ленинском проспекте.

Фото Дм. БАЛЬТЕРМАНЦА.

состоит из четырех спальных корпусов и корпуса обслуживания.

В архитектурных мастерских рождаются проекты библиотеки Академии наук — здесь разместятся 7 миллионов томов; корпусов гуманитарных факультетов МГУ (они пополнят ансамбль Дворца науки на Ленинских горах); газетно-журнального почтамта в районе Хорошево-Мневники. До конца года должен быть закончен проект перекрытия над стадионом «Динамо». Ни дождь, ни снег, ни холод не повлияют на «климат» под куполом стадиона. Тут будет кондиционированный воздух.

...Партия, правительство, лично Никита Сергеевич Хрущев проявляют большую заботу о развитии столицы. Проектные организации Мосгорисполкома сейчас разрабатывают технико-экономические основы нового Генерального плана Москвы, рассчитанного на два ближайших десятилетия. Работники городского хозяйства Москвы, коллективы научных институтов трудятся над различными звеньями плана. Из расчетов, статистических анализов, сопоставлений складывается прекрасная картина Москвы коммунистического общества. За двадцатилетие предполагается построить еще 65 миллионов квадратных метров жилья. Это позволит не только полностью ликвидировать недостаток в квартирах — рубеж, который мы достигнем значительно раньше, но добиться высокой нормы жилищной обеспеченности каждого москвича. Помимо коренного решения жилищной проблемы, двадцатилетка предусмотрит максимальное удовлетворение потребностей москвичей в транспорте, зелени, электрической энергии, газе, воде...

Выражаясь словами Маяковского, можно сказать, что Москва движется вперед поистине саженьими шагами.

Городские окраины столицы... Как сильно изменилось содержание старого понятия!

За окнами магазина — улица Гарибальди.

Юго-Запад Москвы продолжает поднимать новые этажи...

Челябинск. Микрорайон. Пришли дома, но не ушли деревья.

И этому пустырю подписан приговор...

ПУТЕШЕСТВИЕ В МИР НОВОСЕЛОВ

Из Москвы—в Челябинск. Здесь, как и в столице, зодчие придерживаются хорошего принципа — создавать микрорайоны, в которых все к услугам жильцов. Итак...

Знакомьтесь — микрорайон

А. ГРИГОРЬЕВ

Фото Л. Бородулина.

Мансарда, башня из сплошного стекла, придает жилому дому своеобразный облик. Мы поднялись по лестнице, миновав пятый этаж. И вот залитая солнцем комната с мольбертами. На одном из них — незавершенная картина: в новом квартале идет посадка молодых деревьев... Сюжет подсмотрен художником тут же.

Непривычное здание со стеклянными надстройками мы заприметили еще накануне в кабинете главного архитектора города Челябинска Ивана Ефремовича Чернядьева, когда рассматривали макет 35-го микрорайона. Конечно, удобства тут предусмотрены не только для местных художников. И мы рассказали о мансарде лишь для того, чтобы подчеркнуть, как позаботились челябинские архитекторы о нуждах самых различных групп горожан, которым придется жить в новом микрорайоне.

И теперь с высоты уже готового дома, отсюда, с мансарды, хорошо видно, как воплощаются в жизнь замыслы зодчих. Вот он, микрорайон: 36 гектаров, около 50 домов, 12 тысяч жителей. Яркой раскраски дома образуют архитектурные ансамбли, о которых никак не скажешь, что они строгие. Здесь почти нет привычных прямых улиц с вытянутыми в струнку рядами домов. Архитекторы поставили их по-разному — то углом, то фасадом, а некоторые — веером. Почему? Не прихоти ради. Сделано так, чтобы в каждом квартале было много солнца...

Большинство жилых домов уже готово. Но строители еще не ушли. Микрорайон — это не только жилье. Зодчие спроектировали его так, чтобы были здесь и зеленая зона отдыха, и стадион, школы, детские сады, ясли, магазины, библиотеки, столовые, прачечные; чтобы до каждой из двух школ, например, можно было пройти, минуя улицу с оживленным движением, а до магазина было бы рукой подать от любого дома...

Вот тут, на будущей площади, где краны устанавливают сейчас панель за панелью, скоро появится светлое, сделанное будто из одного стекла, двухэтажное здание. Это один из магазинов микрорайона.

На цокольном этаже почти каждого дома нет-нет да и увидишь вывеску службы быта. Мы о них не рассказываем, пусть это сделает за нас фотообъектив.

Большое оживление сейчас там, где можно взять напрокат стиральные машины, пылесосы: новоселы наводят порядок в новых квартирах.

В соседнем доме недавно открылась библиотека. Семь с половиной тысяч книг и больше шестисот читателей. Это для начала. А здесь царствует детвора — пионерский клуб, настоящий клуб со зрительным залом на сто мест и многочисленными комнатами для кружков. Написанная от руки афиша извещает: «Сегодня для ребят кинокартина «Зеленый патруль». Вчера была коллективная прогулка в лес. Завтра — экскурсия в зверинец.

Управляющий домами Александра Ильинична Титова с гордостью сообщает нам, что вся деятельность клуба строится на общественных началах.

— Мальчики увлекаются столярным делом, и руководил их кружком член нашего домкома Михаил Григорьевич Сосновский. Прекрасный мастер. Под его руководством ребята сделали ящик для рассады, починили стульчики для нашего общественного детского садика...

— И детский сад у вас на общественных началах?..

— И детский сад... Родители очень довольны. Серьезная подмога. Ведь еще не все могут устроить детей в стационар. А тут при доме, рядом... Думаем теперь организовать круглосуточную детскую группу. Воспитатели-общественники есть, а помещение домового сада ночью все равно пустует.

Время обеденное. Накрыты миниатюрные столы. Из домовой кухни малышам принесли в термосах горячую пищу.

Домовая кухня — учреждение весьма популярное в этом микрорайоне. Более трехсот обедов отпускается здесь на дом ежедневно. Обедами новоселы довольны — вкусно и недорого. Полина Николаевна Иванова, бухгалтер по специальности, подсчитала, что эта кухня помогает ей экономить каждый день более трех часов времени.

— Очень удобное учреждение. Совсем близко,— заключает она свой подсчет.

— Кому близко, а мне вот далековато,— вступает в разговор пожилой мужчина.

— Да ведь и у вас помещение под домовую кухню отвели.

— Помещение есть, да толку от него мало!

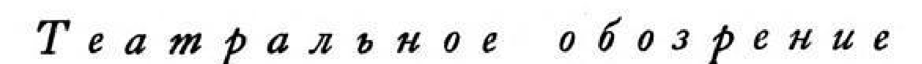
Тут, кажется, настало время сказать и несколько недобрых слов. Проектируя микрорайон, архитекторы хорошо подумали, как бы поудобнее разместить культурно-бытовые учреждения. Строители сделали так, как требовал проект, а потом внезапно по мановению волшебной палочки все стали менять. Так, одну из домовых кухонь райисполком отдал под магазин, а помещение, предназначенное для единственной в микрорайоне детской молочной кухни,— под... фабрику газированных вод и соков. Новые хозяева уже начали ломать белоснежные кафельные стены, приспосабливая молочную кухню для своих нужд.

...Из нового квартала мы уходили через густую березовую рощу. По тенистой аллее гуляли пары, с площадки доносился веселый шум детворы. А дальше на много километров тянулся густой бор — зеленый массив микрорайона.

Детский сад, школа, стадион — к услугам жильцов микрорайона.

Театральное обозрение

Н. ТОЛЧЕНОВА

Медея — Верико Анджапаридзе. Фото Д. Давыдова.

НА СЦЕНАХ ТБИЛИСИ

Чувством рожденный, чувству адресованный, язык сцены интернационален; это и присуще языку подлинного искусства...

Восхищенные отзывы о «Медее» было первое, что я услышала в Тбилиси. И звучало в них не просто вежливое признание театральной удачи, пусть даже крупной, незаурядной, но то невольное удивление, каким всегда люди встречают любое открытие.

В Театре имени К. Марджанишвили, где ожила Медея, вы, еще до того, как героиня появилась перед вами, вдруг начинаете догадываться, что встреча эта будет необычайной...

Сцена наглухо закрыта занавесом, изображающим стену, сложенную из древних каменных плит, будто бы очень ветхую, тяжелую; на плитах начертано: Еврипид «Медея».

Потом эта серая, кое-где треснувшая стена начинает медленно опускаться — словно опрокидываться на сцену; она падает все ниже, ниже; и вот уже совсем опустилась, легла на пол и стала площадкой, окаймленной столь же суровыми, изборожденными временем камнями. Сюда и выходит к зрителям Медея — хрупкая, невысокая женщина в траурном пеплуме, движимая неистовой и неутолимой жаждой восстановить в природе, в жизни, в своей собственной судьбе попранную, поруганную справедливость.

Медея появляется не в исступлении, нет. Горестно пытается она поначалу защитить от несправедливости свое самое дорогое в жизни — любовь и честь, достоинство жены и матери. Но, вновь и вновь наталкиваясь на жестокую несправедливость, она в гневе и отчаянии уничтожает, убивает это самое свое дорогое... Обагряя руки в крови, Медея, страдающая и оскорбленная, обличает зло бесчеловечности, подобно тому, как Отелло обличает зло предательства. Может быть, ей и нет прощения... Но, свершив злодеяния невиданные, эта женщина позволяет постичь, сколь велико было злодеяние, свершенное против нее самой.

Нет ничего пышного, надменно-царственного в Медее Верико Анджапаридзе, грузинке, дочери колхидского царя. Дорогие тяжелые украшения только мешают ей; отбросив их, она уже ничем не будет отличаться от множества других женщин. Эти женщины — хор, почти безгласный, но выразительный,— не толпа, а народ,— со всей полнотой чувств живут на сцене вместе с Медеей, обступая ее ласково и с участием. Среди них Медея отмечена лишь трагической судьбой, неистовым, не прощающим жгучей обиды сердцем; но видишь отчетливо, что и она была бы такой же верной женой, любящей матерью...

Измена, отступничество Язона терзают, сжигают душу Медеи. И в своем неукротимом, полыхающем гневе она сама теперь словно факел, безжалостно испепеляющий вокруг себя все живое.

Медея говорит с Язоном, отвернувшись, закрыв лицо тяжелым черным покрывалом, опустив глаза. Ее взгляд, кажется, способен поразить, уничтожить отступника, если бы не ждала его еще более страшная казнь...

Предательство Язона означает для Медеи катастрофу непоправимую: смещение, крушение всех тех нравственных основ, которые доселе считались у людей незыблемыми. Все человеческое существо, вся жизнь Медеи, зиждившаяся на доверии и любви, потрясены. Поэтому Медея — Анджапаридзе во всех ее несчастьях — никакая не чаровница и не колдунья. Известие о жестокой смерти соперницы, которой Медея посылает свадебный дар, можно ведь воспринять просто как сказку, легенду... Зато ужасающей правдой оказываются убитые Медеей сыновья. Но их смерть означает человеческий, духовный конец и самой Медеи...

Вот такова эта — действительно совсем новая — Медея. Нисколько не стремящаяся стать похожей на злобную фурию, мстительную эриннию. До изумления достоверная. Поражающая воображение не столько неожиданностью чувств, сколько силой и логикой их развития.

Темперамент Верико Анджапаридзе, глубина переживания ее героини тем более разительны, что актриса умеет с великим мастерством управлять ими. В финале Медея лишь маленькая, жалкая фигурка в черном, движущаяся где-то далеко-далеко среди каменных бесконечных скал в жутком одиночестве. Здесь одновременно и возмездие, и правдивость, невыдуманность исхода. Поистине великолепен финал! Неожиданно простой и лаконичный, как все в спектакле, и вместе многозначительный, многозвучный, он блестяще решен постановщиком А. Чхартишвили и художниками О. Кочакидзе, А. Словинским, И. Чикваидзе. Они создали эти запоминающиеся декорации, удивительный занавес. Ну и, конечно, главный художник И. Сумбаташвили, которого москвичи знают и любят по спектаклю «День рождения Терезы» в Театре Пушкина.

Этот спектакль идет и в Тбилиси, в Театре имени Руставели.

Я не знала, что американского художника Эдлая Гамильтона играет Акакий Хорава; программка, напечатанная на грузинском языке, еще нуждалась в дословном переводе на русский.

Уголок Кубы, сооруженный на здешней сцене почему-то из множества отвесных лестниц, тоже покамест оставлял равнодушным. Это была совсем не та цветущая, колышущая веерами пальм, сияющая яркой голубизной моря Куба, какую москвичи увидели у себя в постановке Б. Равенских. У руставелевцев Куба, весьма условно решенная художником П. Лапиашвили, поначалу выглядела вовсе никакой не Кубой. И только потом, к концу спектакля, сценическая обстановка, окрашенная настроением героев, человеческими судь-

бами, начинала как-то связываться в воображении с Кубой — пасмурной, нахмуренной, грозной...

Странно также, казалось, вообразить себе пьесу Георгия Мдивани, где главным действующим лицом вдруг стала бы не полюбившаяся всем Тереза, а кто-то другой. После Лилии Гриценко в роли Терезы подобный вариант вообще как будто не представлялся возможным. Но в постановке Д. Алексидзе центром всех событий, происходящих в день рождения Терезы, является вовсе не владелица маленького бара, доверчивая, общительная и милая, а «янки» — патриот, сражавшийся за свободу еще на фронтах Испании. Столь неожиданная, но интересная интернациональная трактовка заметно углубляет и укрупняет спектакль.

Эдлай Гамильтон в исполнении Хоравы очень сдержан, задумчив, немолод. Он мало говорит. Но едва он появляется на сцене, крупный, тяжеловесный, медлительный, как ощутимо воцаряется здесь необычная душевная жизнь человека героического, высоко стоящего над всем пошлым, обывательским.

Внешне Гамильтон — Хорава чем-то напоминает генерала Сверчевского (Вальтер), рыцаря, борца против фашизма. Этим я хочу сказать, конечно, не о портретном сходстве, но о духовном, психологическом. Артист великолепно доносит в облике героя, в его поступках, движениях сложную биографию современника, его чувства, рожденные эпохой битв и пролетарских революций.

Справедливо усматривая вокруг себя возможность предательства и измены, Гамильтон многого не рассказывает о себе вслух, и его конфликт с братом Терезы — перебежчиком в стан врага Аполлонио — возникает не столько из-за благосклонности красавицы Аманды, сколько из-за того, что многоопытный Гамильтон подсознательно ощущает скрытую низость, подлость Аполлонио, рождаемую ремеслом шпиона и лазутчика.

Куда более содержательной и серьезной становится рядом с таким Гамильтоном Аманда, танцовщица кабаре. Ее чувство к Гамильтону близко к благоговейному поклонению, обожанию. Девчонка, доступная всякому, впервые в жизни встречается с человечностью, воплощенной во всем облике Гамильтона. Видно, что и Гамильтон угадывает в Аманде — Л. Чавчавадзе — скрытую гордость, стремление к красоте, внутреннюю чистоту и силу.

И если мы согласимся считать, что только человечностью — и ничем иным — меряются чувства, определяется их значительность, то именно здесь и найдем объяснение такой радующей масштабности, незаурядности образа Гамильтона. Выражение глаз и лица, улыбка, голос, большие умные руки художника — все говорит о натуре одаренной, нервной, талантливой. Благодаря своей удивительной чуткости, проницательности Гамильтон словно догадывается, что ему суждено погибнуть в борьбе за Кубу. Но если б он даже мог, то не захотел бы изменить свою судьбу! И в это высшее проявление человечности артист вкладывает наибольшую полноту чувства, озаряя весь спектакль светом большой души...

Хорошая человеческая душа живет на сцене этого же театра, когда здесь играется спектакль «Дети моря», а в роли старого моряка дядюшки Боцо выступает Э. Манджгаладзе. Вот где доброта!.. И эту неизменную доброту дядюшка Боцо проносит через всю жизнь. Перед войной, когда мы впервые познакомились с дядюшкой Боцо, он — отец взрослого сына; потом, после войны — дед взрослого внука. Жизнь этих юношей, все их большие и малые беды и заботы, тревоги и беспокойства ложатся на плечи отзывчивого, терпеливого дядюшки Боцо. Но сам он нисколько не ведает о своем благородстве и самоотверженности.

Жаль, что рядом с Э. Манджгаладзе почти не видишь в спектакле ни одного характера, столь же крупного, ни одной человеческой судьбы, решенной так же глубоко изнутри. Гурам, погибший на войне сын Боцо, и его внук, тоже Гурам, одноплановы. Актерам не хватает красок, точнее, настроения и чувства, чтобы их герои обрели настоящую художественную достоверность.

Пьесу Г. Хухашвили — очень еще не собранное, рыхлое произведение начинающего драматурга — режиссер М. Туманишвили пытается спасать различными «модными» ухищрениями. На сцене нет занавеса, как, впрочем, почти нет и декораций. Сцена пустая, какая-то голая, неуютная. Вместо задника большой экран, на который проецируется бушующее море, и еще один дополнительный экран, поменьше. Он попеременно озаряется голубым либо красным светом, «окрашивая» необходимой тональностью то сцену объяснения в любви, то уход Гурама на войну и т. д.

Видно, что внутренние просчеты пьесы вынуждали постановщика искать им возмещение во всяческих внешних, якобы занятных придумках. Но это путь малоплодотворный. С пьесой нужно было работать серьезнее, развивая отношения героев, добиваясь полноты чувств. А то они порой кажутся просто поддельными.

Молодая девушка Мзиа, любящая Гурама-младшего, сравнивает его с птицей, постоянно живущей в небе. Но это ведь почти та же самая «птица без лапок», которая упоминается в пьесе Т. Уильямса «Орфей спускается в ад», окрашивая известной символикой все в ней происходящее.

В «Детях моря» эта символика обертывается пустой фразеологией.

Правда, глядя на Орфея, который должен был бы «спуститься в ад» в Русском театре имени Грибоедова, я подумала о случайной похожести птиц, которые живут в небе... Уж очень далеки изображаемые миры один от другого!

Какие же чувства движут в «Орфее» главными героями спектакля — Леди Торренс и нищим пришельцем Вэлом Ксавье?

Пьеса Уильямса Тенесси позволяла театру сказать нечто незаурядное о тоске одиночества, о зарождении внезапной любви, о тяготении духовном, возникшем в американском бесчеловечном аду. Но... нет «ада» в спектакле грибоедовцев. Есть чинный салон, есть молодая хозяйка и ее старый, больной муж; есть красивый, сильный, горячий парень, которого берут в услужение; есть возмездие, приходящее к любовникам в конце всей этой истории. Она рассказана не то что бесстрастно, но в ней нет открытия. Поэтому она обыденна, банальна; вместо чувств здесь играются скорее чувствованьица. Из спектакля ушел тот второй план, который составляет печальную и горькую поэзию жизни, изображаемую в пьесе. Изображаемую не в лоб, а так, что одна жизнь, одни слова говорятся вслух, а какие-то другие слова, другая, не высказанная героями жизнь чувствуется подспудно. Ее, может быть, и нет воочию, но она живо ощущается зрительским сердцем. Вот эта таинственная жизнь, составляющая душу всякого искусства, из спектакля, поставленного А. Рубиным, как бы ушла.

Впрочем, в Тбилиси я смотрела премьеру «Орфея». Это позволяет надеяться, что Леди — Н. Бурмистрова и Вэл Ксавье — А. Гомиашвили, артисты, которых любят и ценят в Тбилиси, сумеют еще вдохнуть мысль и чувство в образы своих героев. Хочется, чтоб это было так. И жаль, что спектакль поставлен только лишь «учтиво» по отношению к пьесе, требующей острой заинтересованности и тонкого художественного решения... Чего стоит, например, салон, переоборудываемый Леди в последнем действии! Ведь она переделывает его, вспоминая о виноградниках своей юности! А здесь холодные узоры, тщательно выписанные, как в магазине виноградных вин. Можно ведь было обойтись без них вовсе, ибо они еще больше замельчили, приблизили к заурядности облик женщины, пытавшейся сбросить с себя ярмо привычного, обыденного ада...

Если уж говорить откровенно, то русскому театру вообще не хватает крупных образов современности. Не хватает классики — переводной и русской, советской. Пьес, где живут большие люди, обогащающие зрительскую душу и сердце настоящими, полноценными чувствами. Причем «большие» вовсе не значит «гигантские». Пусть люди будут просто людьми, самими собой. Пусть разговаривают на сцене не с публикой, а друг с другом и даже вполголоса. И если этот негромкий, непритязательный разговор затронет тайные человеческие струнки, то зритель простит театру многое — и не совсем зрелое мастерство актера и не очень совершенную драматургию.

Есть в Тбилиси театр со странным названием «Санкультура». Выяснить связь санитарного просвещения и зрелищных мероприятий мне не удалось, и долгое время я не решалась посмотреть там что-нибудь, чтобы не портить общего хорошего впечатления от театрального Тбилиси. Но потом из соображений объективности отправилась перед отъездом на спектакль «Наш один вечер». Эта драматическая новелла в трех частях оказалась написанной и поставленной одним и тем же молодым театральным деятелем — Лили Иоселиани, которая совмещает обязанности и актрисы, и режиссера, и художественного руководителя театра, являясь душой всех начинаний молодого коллектива энтузиастов. Им все равно, почему их театр называется так, а не иначе. Почти все они пришли сюда из театрального института, обуреваемые желанием творить, и к своему делу относятся с той полнотой отдачи, которая больше отличает сейчас, пожалуй, народные, самодеятельные театры...

Понаблюдав в крошечном кабинетике Лили Иоселиани за множеством юных лиц, блестящих глаз, поговорив о готовящихся новых постановках, о ближайшей премьере «Много шума из ничего», я увидела потом все лица и все глаза на сцене... «Наш один вечер» — это так и есть на самом деле наш один вечер. Рассказ молодежи о своей жизни. Рассказ, дышащий такой свежестью и чистотой, что покоренная публика, пожалуй, и не задумывается о разных сценических проблемах, доверяя чувствам, вызванным молодым спектаклем. Он, правда, не очень звонок,— в нем чуточку недостает напористости, задора. Но, может быть, это был бы некий условный, да еще и тривиальный к тому же «задор»; а сейчас весь спектакль дышит тихой и светлой, безыскусственной сердечностью. Люди в зрительном зале невольно начинают вспоминать свои собственные школьные выпуски, своих учителей, своих друзей и подруг.

Сентиментальность? Нет. Искренность переживаний. И неподдельная их теплота.

Это неправда, что в искусстве все должно быть только очень горячим, сверкать одними лишь яркими цветами, звучать на самом верхнем регистре.

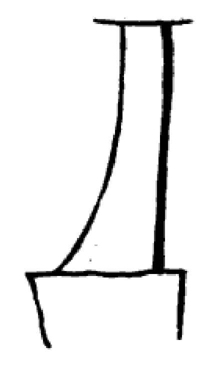
Искусство не терпит подделки, равнодушия, пустоты. А все, что несет переживания человеческие, не нуждается в ограничениях. И воспринимается на том языке, которым говорит с людьми искусство сцены.

Сцена из спектакля «Наш один вечер».

Фото В. Джейранова.

ВСЮ НЕДЕЛЮ Д

Вадим КОЖЕВНИКОВ — Повесть

Река бешено мчалась, раздирая и обваливая берега.

Гул ее подобен идущему поезду. Сильное таяние ледников в горах — причина внезапного летнего паводка.

Земснаряд простаивал. Вода так высоко поднялась, что стальная рама с зубастыми ковшами не достигала грунта.

Команда занялась стиркой. Все судно обвешали сохнущим бельем, словно белыми флагами капитуляции.

В радиорубке крутили пластинки с танцевальной музыкой. Мощные динамики перебарывали клокочущий рев реки. Но от этой музыки никому не было весело: срывались сроки стройки.

Прораб Гымза подсчитал: если вызвать специальным самолетом водолазов, расходы окупятся. В среднем кубометр грунта, вынутого земснарядом, обходится в сорок копеек; при взрывных водолазных работах стоимость кубометра — от трех до десяти копеек.

Прибыли только два водолаза, и то один простудился в пути, чихал, сморкался, кашлял, и врач запретил ему спуск под воду.

Гымза сказал водолазному старшине Василию Бухову:

— Выручай, друг, пропадаю!

Нужно было найти хотя бы одного человека, знакомого с подводными работами. Верхнепалубный матрос с земснаряда Николай Левкин окончил курсы ДОСААФ, имел диплом, дающий ему право работать в легководолазном снаряжении на спасательной станции. Василий Бухов не без колебаний дал согласие взглянуть на Левкина.

Коля Левкин явился в вагончик к Бухову, тот внимательно осмотрел щуплую фигуру, полосатые брюки, из-под которых высовывались белые резиновые кеды, спросил озабоченно:

— Не кашляешь?

— Нет,— сказал Коля.

— Под бокс стрижен. Значит, занимаешься.— И Бухов сделал выпад кулаком.

— Коротко стригусь, чтобы на парикмахерскую зря время не тратить,— объяснил Коля.

— Флотской техникой овладеваешь?

— Нет,— сказал Коля,— не овладеваю.— Поглядел в дощатый потолок, пояснил: — Я, собственно, на биологическом учусь, пока, к сожалению, на заочном.

— Целишься животноводство на соответственный уровень поднять?

— Я беспозвоночными интересуюсь,— сказал Коля и тут же ободряюще информировал: — Знаете, если в закрытых водоемах выращивать низшие организмы в качестве пищевых или кормовых средств, можно получить колоссальные ресурсы.

— Понятно,— сказал Бухов и снова спросил: — Значит, не кашляешь? — Скомандовал: — А ну, задери тельняшку! — Прикладываясь холодным ухом к животу, требовал: — Дыши! Глубже! Замри! Теперь давай пульс. Где у тебя тут пульс? Может, в пятках?

— Вы лучше прямо спросите,— посоветовал Коля. — Вас интересует, трус я или нет?

— Ну, допустим.

— Я вам прямо скажу: не люблю под водой находиться, но я научился вида не показывать, что боюсь.

— Может, поделишься опытом? Интересно, как это ты научился не трусить?

— Да нет, я боюсь, но натренировался скрывать такой недостаток. Вот недавно утопленника на дне искал. Под береговую вымоину занесло, а все предметы под водой очень увеличенными выглядят. Ну, представляете, какой у него вид, если сутки пролежал. Стал вытаскивать, а нас с ним грунтом завалило. С помощью воображения решил: этот утопленник — еще живой человек и мне надо его спасать. А когда живого человека спасают, разве о себе думают? Ну, я этим воспользовался и сам выкопался из грунта и его вытащил. Подняли нас на бот, а он весь такой, будто его воздухом накачали. И стало мне плохо, но я объяснил свое состояние недостаточным кислородным питанием, хотя баллоны и клапан были в исправности.

— Соврал!..

Коля пожал плечами и ничего не ответил.

— В шашки играешь?

— В шахматы — пожалуйста.

— На пол-литра!

— Ну что вы! Разве можно!

— Ты, я вижу, типчик. Догматик! — Бухов щелкнул Колю по животу.— Если водки не пьешь, значит, по девкам сильно бегаешь, от этого такой тощий.

— Я прошу вас! — воскликнул Коля тонким, срывающимся на петушиный вопль голосом.

— Ах, вот что! — ухмыльнулся Бухов. — Вы, значит, очень нервные и гордые...

Когда прораб Гымза пришел к Бухову и робко осведомился: «Как дела?» — Бухов сказал:

— Завтра приступаю.

— Я насчет напарника интересуюсь.

— Что ж, Левкин — паренек надежный и культурно развитый.

Так Коля Левкин был взят на новую работу Василием Буховым, водолазом первого класса.

* * *

Бухов прибыл сюда с Каспия, где укладывал подводный нефтепровод. Он был зол из-за того, что его сорвали с интересной и выгодной работы. Малорослый, жилистый, с широкими сухими плечами и сверкающими, пронзительными черно-бронзовыми глазами, Бухов производил впечатление человека высокомерного, свысока поглядывающего на всех сухопутных граждан. Одет он был в светлый макинтош с коричневыми кожаными пуговицами, на голове шляпа, на ногах легкие остроносые туфли. Всем своим видом он, казалось, протестовал против сложившегося представления о водолазах как о людях морского обличья.

Во время войны служил он в авиации, летал на штурмовиках, прозванных воздушными танками. В глубине души считал, что опасности работы подводников сильно преувеличены. Безмерно возвеличивал смелость, мастерство, находчивость летчиков и всячески принижал это же самое в работе подводников. Встречаясь с летчиками, говорил противоположное и даже пытался сравнивать подводников с космонавтами. Он любил смелые профессии и мог с таким же успехом стать после войны верхолазом, как и водолазом. Он был отличным подрывником. Его сбили на территории противника, попал в партизанское соединение. Взрывал мосты, эшелоны, комендатуры. Получил партизанскую кличку «Васюка-салют» за то, что, докладывая командиру о выполнении задания, всегда говорил одно и то же: «Порядок, полный салют!»

За отчаянную штурмовку вражеского аэродрома его представили к званию Героя Советского Союза. Во время другого полета был сбит его друг Николай Платонов, сбит потому, что прикрывавший истребитель с хвостовым номером 812 трусливо отвалил в сторону, когда «мессершмитты» пикировали на уже поврежденную машину Платонова. Бухов взял «виллис», поехал на аэродром, где базировались истребители, разыскал там пилота с истребителя № 812 и пытался застрелить его. Трибунал. Штрафная рота. В конце войны снова взяли в авиацию, но только механиком в ремонтные мастерские. Сразу после демобилизации поступил в водолазную школу. Отличился на работах по подъему затопленных судов. Поразил даже бывалых подводников бесстрашием. Любил говорить: «Пока живой, я бессмертный!»

Не так давно вызвали в военкомат, где сообщили о том, что найден наградной лист, подписанный погибшим командиром партизанского соединения, и поздравили со вторым боевым орденом Красного Знамени.

Бухов устроил в ресторане банкет на сто персон, пригласил также бывших сослуживцев по эскадрилье. Торжественно сообщил, что он все-таки снова разыскал пилота с истребителя с хвостовым № 812 и что тот и в мирной жизни оказался плохим человеком, бросил жену с ребенком, и, показав рукой на худенькую женщину с большими застенчивыми глазами, сказал:

— Теперь я на ней женюсь! Так что пригласил вас не только орден обмыть, но и на свадьбу.

Все, кто хорошо знал Васю Бухова, сильно сомневались, есть ли у него склонность к семейной жизни. Василий Бухов, подняв обе руки, сказал клятвенно:

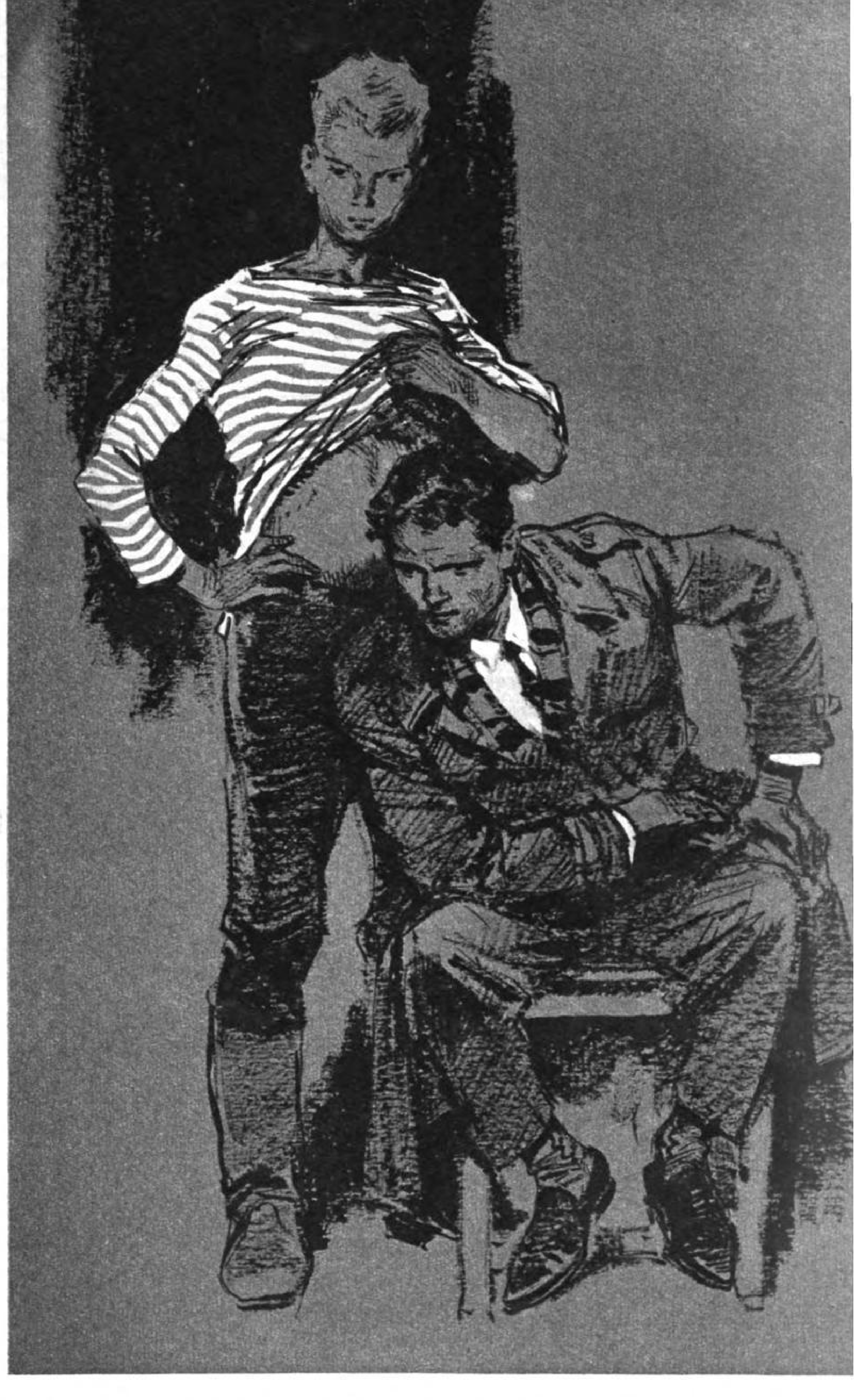
— Вот будьте свидетелями! Сдаюсь добровольно и пожизненно, без всякой надежды на освобождение!

Когда раненого Бухова партизаны вынуждены были оставить на хуторе, хозяин которого не внушал доверия, Бухов даже в этой сложной обстановке, как он выразился, «не растерялся»; спустя месяц приехал к партизанам здоровым, хорошо упитанным, на пароконной таратайке и сказал:

— Пускай хозяин скажет спасибо, что я его дочь тоже не увел, а знаете, как просилась! — И тут же не то удивился, не то похвастался: — И чего они ко мне льнут, не понимаю!

Возможно, причиной была одна черта в характере Бухова: если со всеми мужчинами он держал себя заносчиво, грубо, вызывающе, то с женщинами он был чрезвычайно кротким и почтительным.

ОЖДЬ

Рисунки А. ЛУРЬЕ.

Единственному другу Коле Платонову Бухов доверял свое сокровенное.

— Женщины — это лучший народ на земле. Самый хороший, — говорил Бухов благоговейно.— Если у них есть что-нибудь плохое, так только от нас, мужиков. Уж очень мы много воображаем о себе, а они от этого страдают! Ведь было время, когда они главными считались, при матриархате. Полагаю, хорошее это время, наилучшее. Разве женщины допустили б войну, если б их власть? Да никогда! Чтобы их мужей и сыновей убивали? Что они — дуры! Поскандалили б между собой — и все. Убежден, одним нахальством мы тогда у женщин власть перехватили, и с тех пор войны.

Решение жениться на бывшей супруге пилота с истребителя с хвостовым № 812 возникло у Бухова не сразу. Сначала он посещал ее из одного мстительного чувства: «не дать ходу в жизни подлому трусу». Но тощая, маленькая женщина с огромными серыми глазами в золотистую крапинку сама перешла в яростное наступление. Она сказала Бухову:

— Вы! Виноваты вы! Из-за вас он не смог искупить своей вины. Знаете, как он страдал, мучился, стал ненавидеть меня за то, что сам же рассказал мне, как смалодушничал! Мы уже не смогли жить вместе, не могли. А ваша мстительность — та же трусость. Он испугался смерти, а вы испугались труса и сделали себе целью мстить трусу. Какая низость!

Бухов понял одно: он действительно виноват в несчастье этой семьи!

Будь он человеком иного склада, возможно, пытался бы что-то объяснить, в чем-то оправдываться. Но он был человеком действия. Ходил упорно, ежедневно к бывшей жене пилота. Она закрыла для него двери своей комнаты. Бухов сидел в коридоре на сундуке, курил, познакомился со всеми жильцами коммунальной квартиры, оказывал им мелкие услуги. Ту же самую тактику применил в механической прачечной, где бывшая жена летчика работала кассиршей.

Всем, с кем так целеустремленно общался Бухов, он казался человеком исключительно положительным. Рекомендовался он теперь так: «Будущий муж» — и называл имя, отчество бывшей супруги пилота.

— Как вы смеете! — говорила она возмущенно.

— Честное слово, это правда! — говорил Бухов и преданно смотрел ей в глаза. — Поверьте, я себя знаю. Вы самая лучшая для меня из всех возможных.

— Оставьте меня!

— Немыслимо! — Советовал: — Вы меня внимательно изучите, а я могу еще лучше стать. Это я вам твердо обещаю.

Однажды во время зимних работ подо льдом на большой глубине он зацепился водолазной рубахой за острый обломок затонувшего корабля, порвал рубаху, его залило до самого шлема. Подъем был длительным, и он понял, что тяжелая простуда неизбежна. Отлеживался в бараке, отказавшись лечь в больницу. Послал телеграмму. И когда она подошла к его койке, и положила свою холодную руку на его горячий лоб, и сказала застенчиво: «Я просто так приехала, может, у вас никого близких нет», — он взял ее руку, поцеловал в ладонь и произнес со вздохом облегчения:

— Ну, теперь все! — Потом, в изнеможении закрывая глаза, прошептал хвастливо: — Я же сказал, так будет...

Бухов много зарабатывал, покупал жене дорогие вещи и требовал, «чтобы она форсила в них».

Приемному сыну подарил мотоцикл и ликовал, когда тот приходил домой в синяках и с помятой машиной.

Мать хотела, чтобы мальчик учился в музыкальной школе, и мечтала о пианино.

Бухов сказал:

— На аккордеоне — пожалуйста. А пианино — габаритная вещь, его на грузовике возить, что ли, если, скажем, в гости пойдет.

Бухов был твердо убежден, что его сын должен стать военным летчиком.

— Но ведь сейчас все против войны,— говорила жена.

— Ну и что? — изумлялся Бухов.— Я сам против. И он тоже будет против, а от того, что он станет летчиком, от его «против» будет толку больше.

При всей своей решительности Бухов ничего не предпринимал, не посоветовавшись прежде с женой и сыном. Объявлял торжественно:

— Ну, ребята, давай за круглый стол! Принимаю решение большинством голосов.— Под-

мигивал сыну: — Матери мы, конечно, один голос лишний придадим из уважения, как женскому меньшинству среди нас, мужиков...

Словом, Буховы были, пожалуй, по-настоящему счастливы.

* * *

Строительная площадка, особенно в дождливое время, производила на всякого стороннего человека впечатление неприятное.

Тракторы истерзали почву, и она заболотилась.

В дорожных колеях, глубоких, как траншеи, валяются измочаленные обломки лежневки, воняющие гниющей древесиной. Люди жили в вагончиках. Всюду торчали высокие пни.

Бухов говорил презрительно:

— Даже на фронте природу сберечь старались: у самого корня дерево срезали для блиндажных накатов. А вы хищники!

— Зимой лес валили,— оправдывался Гымза, — метра на три снег, каждое дерево откапывать, что ли?

— И откапывали б!

— Такой процесс в смете не предусмотрен.

— А совесть?

Гымза пожимал жирными плечами, так что они у него оказывались выше ушей.

— Лесорубы на кубометры мыслят.

— А ты бы им разъяснил: люди жить будут, каждое дерево — воздухоочиститель и красота.

— Ты современную технику недооцениваешь,— объяснял Гымза.— Ставим полностью автоматизированную насосную станцию. Она на замке будет работать, самостоятельно, никакого населения при ней не требуется. Словом, как на грани полного коммунизма.

Все это говорил Гымза у себя в вагончике, стоя у газовой плиты, обвязав брюхо ситцевым женским фартуком и пороша мелкую рыбу перочинным ножом. Гымза всегда сам готовил обед, если на стройку приезжало начальство. Сейчас для него Бухов был важнее всякого начальства, и он решил поразить его своим кулинарным искусством. В круглой кастрюле «чудо» он запекал блюдо из сазаньей икры, грибов, мелко нарезанной ветчины и рябчиков. В чугуне кипел тузлук для ухи. В глубокой тарелке лежала свежая щучья икра, сбитая вилкой, посыпанная зеленым луком, укропом и крупными кусками льда. На сковороде обжаривались ломтики хлеба вместе с тающими кусочками сыра и стружкой из копченой грудинки. В ведре плавали куски льда, бутылки с пивом и водкой. Гымза толсто нарезал головки лука, отчего его выпученные, астматические глаза заливало слезой, говорил с одышкой:

— Ты меня, Василий Григорьевич, правильно пойми, я сейчас перед тобой заискиваю, потому что весь я от тебя зависимый. Прикажешь: пляши! — буду плясать. А что делать? Сейчас все в тебе.— Спросил озабоченно: — Может, ты только коньяк принимаешь, так я сбегаю!

Бухов, сидя на табуретке у окошка, смотрел, как в потоках дождя шагают рабочие в резиновых сапогах до паха и густая глина облепляет их ноги свинцовой тяжестью.

— Грязь у вас по уши,— сказал Бухов,— хоть бы дорожки песком посыпали.

— Моя функция, — сказал Гымза,— земляные работы, фундаменты, коробки — и привет, на новый объект. А дорожки песком посыпать — это участь эксплуатационников.

— А ты кто?

— Строитель.

— Я спрашиваю: про людей думаешь или не думаешь?

Для того, чтобы избежать обсуждения каких-либо неприятных частностей, Гымза решил уклониться в сторону отвлеченных суждений и произнес скорбно:

— Конечно, у всех нас, современных жителей переходного периода, наличествуют разные недостатки, и не все соответствуем моральному уровню человека будущего. Но мы для него стараемся, подготавливаем, как говорится, почву,— и тут же похвастал: — Селедочку, гляди, всегда в молоке вымачиваю, закусываешь вроде как солененькими сливками,— одно блаженство!

— По-твоему, мы кто? Сырье для этого самого человека будущего,— возмутился Бухов,— вроде органического удобрения, чтобы не сказать хуже.

— Ты на меня не кричи,— твердо сказал Гымза.— Видал, какой я для тебя веселый, а у меня, знаешь, что здесь? — И Гымза с силой шлепнул себя по груди толстой, опухшей, сизой ладонью.

— Ну, чего у тебя там такое? — иронически полюбопытствовал Бухов.

— А вот! — Рот Гымзы перекосило.— Жена бросила, а я с тобой шучу, кулинарю, а мне без нее жить вообще неинтересно. А я держусь. Занимаюсь перед тобой подхалимажем. Если не расположу тебя на героизм, загремит план к чертовой матери.— Приказал торопливо: — Возьми ложку, сбрось пену с ухи, а то аромат не тот будет. В ухе сладость не только вкус, но и запах, букет...

Гымза не умел плавать, дважды тонул еще мальчишкой, так что едва его откачали. Вода внушала ему отвращение. От одной мысли, что Бухову придется в тяжелом, воняющем резиной снаряжении ежедневно лазить в реку и оставаться там под водой несколько часов, Гымзе становилось зябко и тошно. Но вместе с тем Гымза твердо решил по окончании водолазных работ сам спуститься под воду в скафандре, чтобы проверить сделанное водолазом, и для этого он тоже хотел расположить к себе Бухова. Растирая деревянным пестом чеснок, обливаясь при этом слезами, Гымза сказал:

— Совратили у меня жену в районный центр заведующей клубом. Забрала детей и уехала, а у нас свой красный уголок имеется.

— И правильно сделали! — грубо сказал Бухов.— У вас красный уголок на уровне начала эпохи индустриализации: только лозунги и брошюры потрепанные.

— Намучилась жена со мной! — сказал печально Гымза.— Приду в вагончик, брезентовый балахон, грязные сапоги скину — самое время о чем-нибудь личном поговорить, а у меня голова горит и не остывает. Дождь. Сижу, думаю. Дождь! Свалили пиломатериалы, а толем их прикрыли? Цемент в бумажных мешках. Складское помещение без настила, вдруг грунтовые воды просочатся. Обратно сапоги надеваю, брезентовый балахон, иду, гляжу, что такое? Грузовик буксует, шофер под колеса не горбыль побросал, а лафет, который на стропила идет. Воспитываю!

Вернешься, и опять у тебя целый муравейник в голове. Жена рассуждает о личном, а ты ее не слушаешь. Ты насосы слушаешь, которые из котлована воду откачивают: все они чавкают или которые простаивают? А ведь меня в трест звали начальником снабжения. Имел возможность пожить с нормальным почтовым адресом. И жена — за. Я ее жалею, сочувствую, но не могу свою натуру переборoть, чтобы вдруг словно бескрылым стать.

Конечно, странно было слышать от Гымзы, от этого тучного, набрякшего нездоровым жиром, пучеглазого, страдающего одышкой человека, что он считает себя тут крылатым.

Но Бухов не улыбнулся, не воспользовался этими словами, чтобы поддеть Гымзу, сказал серьезно:

— Филарет Филиппович, ты правильно заметил: есть в тебе чувство будущего. Но я хочу, чтобы мы будущее конкретно на сегодня и на завтра планировали, а не вообще. Тогда хоть стройплощадка — территория временная, а культурный ее уровень должен соответствовать. Хотя бы для волейбола столбы с сетками поставь.

Гымза вздохнул, поежился:

— У меня жена на ставке завклуба числилась, но я ее на склад заведующей отправил, а завскладом — хоздесятником. Усилил этим самым командный состав на производстве, сманеврировал.

— А жена хотела идти работать на склад?

— Нет, не хотела.

— Выходит, ты своим семейным счастьем ради дела пожертвовал?

— Ничем я не жертвовал,— сказал Гымза,— просто целесообразно кадры расставлял.

— Слушай, товарищ Гымза! Вот дам я тебе экономию на взрывных работах, купи ты на эти деньги вагон-клуб и пошли жене телеграмму: пускай вернется!

Гымза задумался, потом вздохнул сокрушенно:

— Нет, не могу. С тебя экономию я уже по другой графе спланировал.— Оживился, спросил:— А может, домишко под клуб предоставить, который мы для водолазов запланировали?

— А где он, твой дом для нас? — спросил строго Бухов.

— Где, где! — смутился Гымза.— Ну, разместили же вас, живете, не дует.

— Ох, и жмот ты!

Гымза сконфузился так, словно ему сказали комплимент:

— А как же, соображаю! С инициативой живу, не как-нибудь.

Откидной столик в вагончике Гымза накрыл вместо скатерти полотенцем, уставил яствами и объявил, потирая руки:

— Ну, товарищ Бухов, примем по первой, чтобы все, тьфу, тьфу, обошлось точно, согласно графику.

Выпив рюмку, сморщился, брезгливо передернул плечами, замотал головой, нащупал ломоть хлеба, торопливо отломил кусочек, понюхал. И лицо его обрело блаженное выражение.

* * *

Все эти дни погода была унылой. Черное, грязное небо. Беспрерывный, серый дождь. Бурая от растворенного грунта, взлохмаченная сильным течением река несла кусты, вывороченные пни, плавучие острова свежего сена с залитых покосов на поймах. Противоположный низкий берег скрыт в сырой дымке дождя и тумана. Тяжелые волны бились о борт водолазного баркаса, о свисающую с борта железную лестницу, тремя ступенями уходящую в воду.

Бухов предоставил Николаю Левкину право самому подобрать качальщиц на ручную воздушную помпу.

Коля привел на баркас четырех девиц, одетых тщательно, словно в воскресный день. Две из них были неумело накрашены и напудрены. Церемонно представил:

— Мои соученицы. Вместе десятилетку кон-

чали.— И совсем ни к чему добавил:— Я их лично знаю.

Бухов сощурился, оглядывая девиц, ехидно спросил Колю:

— Которая здесь твоя?

— Василий Григорьевич! Я вас прошу,— и Коля умоляюще приложил руку к груди.

— Ладно, чего там,— подмигнул Бухов,— сам отгадаю.— Но очень серьезно и обстоятельно объяснил девушкам их обязанности и все правила работы на помпе. Кончил объяснение грубостью:— Словом, если все поняли, теперь главное. Когда погода наладится, чтобы со всеми своими трусами и бюстгальтерами у меня на глазах не вертеться. Загорать хотите — вон берег, места хватит. — И пригрозил: — А то я мужчина темпераментный.

Девушки смутились и укоризненно уставились на Колю. Очевидно, его характеристика Бухова не совпадала с тем, что они сейчас услышали.

Бухов понял и сказал Левкину:

— Наплел про меня, как последний лакировщик. Теперь сам выкручивайся. А я перевоспитываться среди вас не желаю.

Бухов шлепал ладонью Лену Кукушкину, когда она низко гнулась у ручки маховика помпы, кричал:

— Не кланяйся, не кланяйся, голова будет кружиться, спокойно работай корпусом.

— Какой человек распущенный! — сказала Лена.— Это же ужас!

Но Коля не согласился. Он сказал наставительно:

— У него метод: сначала оскорбит, а потом в зависимости от того, как реагируют, он правильный вывод делает.

— Ну, тогда я ему по морде дам, если он еще раз меня шлепнет,— пообещала Лена.

Под воду Колю Левкина Бухов пускать не собирался, говорил:

— Сигнальщик из тебя надежный, и послушать из-под воды в телефон интересно, как ты про научные факты рассказываешь, но позволить тебе в скафандре утонуть я не могу. В океане или в море я бы тебя пустил с полным спокойствием, а здесь опасно, словно в канализационном туннеле, темно, грязно и струю несет со страшной силой, несколько раз выбросит на поверхность — вот и заболел кессонкой.

Второй водолаз, Мочалин, приходил на баркас, садился на кнехт, мрачно молчал, чихал, сморкался, кашлял, презрительно следил за Левкиным и если обращался к нему, то не по имени.

— Ну ты, гигиена! — говорил он Коле.

Мочалин решил, что Коля учится на медицинском, и, так как изверился в помощи участкового врача, мстительно наслаждался придуманной для студента кличкой.

— Ну ты, гигиена! — говорил Мочалин. — Трави концы! Не видишь, бурун где? А вы! Русалки на помпе, — кричал он качальщицам, — давай атмосферы, на глубину вышел!

Но Коля сказал ему:

— Товарищ Мочалин! Я тут за старшего! И прошу, пока вы на бюллетене, соблюдать на борту дисциплину. У нас здесь не плавучий дом отдыха для капризных выздоравливающих.

Мочалин угрожающе поднялся, но Лена Кукушкина с такой яростью подскочила к нему, что Мочалин попятился и сказал:

— Ну, ты, легче! А то искупаю за бортом, как ту самую персидскую княжну! — И совсем уже примирительно пожаловался: — Вот была бы моторная помпа — и никаких баб на борту! — Желая все же уязвить, кивнул на фанерную будку на корме, сказал: — Вон из-за вас гальюн, как скворешник, поставили, обезобразились, все равно как сухогрузная баржа.

После этого случая Мочалин не пытался командовать на баркасе. Но если Коля что-нибудь упускал, Мочалин молча указывал ему пальцем или глазами. Для Коли этого было достаточно, чтобы сообразить, что надо в данный момент сделать.

Условия для подводных работ здесь были необычайно трудными. Скорость течения все возрастала. По дну реки перемещались тяжелые, словно каменные колонны, бревна-топляки. Сильные струи вымывали, сваливали подводные заряды, разрушая всю проделанную за день работу. Внезапно возникшими водоворотами водолаза выбрасывало на поверхность, от чего потом болела голова и в ушах. Когда полз по дну, течением оттягивало шланг и сигнальный конец тяжкой дугой, и она волочила водолаза по грунту. Однажды Бухова ударило о валун шлемом, вогнуло защитную решетку, разбило стекло иллюминатора. Закрыв ладонями иллюминатор, Бухов скомандовал: «Подъем!» — его заливало водой.

Он вышел на палубу, прижимая ладони к иллюминатору тем жестом, как это делает человек, когда у него сильно идет кровь из носа.

Надев сухое шерстяное белье, Бухов ждал, пока Коля вставит новое стекло в иллюминатор шлема. Лена Кукушкина, соболезнующе и восторженно глядя на Бухова, поставила перед ним кружку горячего чаю.

Бухов хмуро взглянул на фаянсовую кружку:

— Мочегонное средство, а мне снова под воду идти.

Лицо Лены даже не дрогнуло, она сказала заботливо и нежно:

— Может, черную смородину, молотую с сахаром, попробуете. Я из дому принесла. В ней витамины. Вам нужны витамины.

В прозрачном голубом пластмассовом плаще Лена просвечивала, как изящная куколка в цветистом сарафане. Она положила свою руку на руку Бухова и попросила, заглядывая ему в глаза:

— Ну покушайте!

— Слушай,— сказал Бухов, выдергивая свою руку из-под руки Лены,— ты у меня не дури!

— А я дура! — сказала вдруг Лена с восторгом.— Я думала, что под водой работать опасно, а оказывается, пустяки, разбили стекло, закрылись ладонью — и все! — Губы ее дрожали.

— Ты валерьянки выпей,— посоветовал Бухов.— Девицы до замужества валерьянку пьют все равно, как мы коньяк.

О том, как тяжело доставалось под водой Бухову, можно было судить по его водолазному белью. После вахты Бухов выкручивал снятое с себя белье: такое оно было мокрое от пота, словно он в нем купался.

Бухов очищал место забоя, подготовленного для взрыва, от наваленных течением огромных валунов, затопленных пней, бревен, он таскал под водой, как грузчик, мешки с аммонитом, с галькой, которые клал поверх взрывчатки, чтобы наиболее экономно направить силу взрыва. И все время ему приходилось бороться с упругими струями подводного течения, с передвигающимися по дну топляками, корягами, в которых ему грозило запутаться шлангом и сигнальным концом. На этот случай у него на поясе висел тяжелый водолазный нож, чтобы, если нельзя будет освободить шланг и конец, перерезать их ножом, согнуть обрезок шланга и всплыть на поверхность.

Да, это был тяжелый труд, доступный только сильному, волевому, сноровистому человеку.

Когда Бухов, отработав под водой, сняв снаряжение, отдыхал, сидя на корме баркаса, лицо его от усталости становилось добрым, безвольным, застенчивым и даже милым. Заметив, что качальщицы увидели на его груди татуировку с изображением самолета и под ним слова «Смерть фашизму», сконфуженно объяснил:

— Конечно, глупость. Это мне один уголовный элемент наколол. В штрафной роте вместе служили. Попали в окружение. Сидим в дзоте, отбиваемся помаленьку. Делать особенно нечего. Ну и наколол. Он мне, а я ему. Обоюдно. Даже, вернее, я сам его на это подбил. Я бы живым все равно не дался, а он, элемент, не внушал доверия. Я и решил: с такой надписью он к ним в случае чего не подастся: повесят. Для гарантии подбил. Но, может, и зря. Дрался он крепко. Вышли из окружения благополучно. Ну, а потом погиб из-за пустяка. Ворвались в расположение фашистов, он склонился к иннему офицеру часы снять, другой из парабеллума в спину. Вот, не отделался от вредной привычки, а мог бы, возможно, в люди выйти.

Галя Волжинова, плечистая, в красной майке, сказала, закатывая красивые глаза:

— Василий Григорьевич! Вы, наше старшее поколение, прямо неповторимые подвиги совершали.

Возможно, Бухову не понравились эти слова — «старшее поколение». Он уже был в том переходном возрасте от сорока к пятидесяти, когда крепкий мужчина еще иногда надеется сойти за тридцатилетнего. Бухов сказал раздраженно:

— Верно, что неповторимые. Вон Лев Толстой, как офицер, правильно в «Войне и мире» атаку кавалергардов критически изобразил. Наполеон чем брал? Артиллерией. Наши — на «ура»! И в этой войне мы своих кавалергардов немало положили. «Вперед!» И пошли в лоб всем фронтом оборону немцев ломать. Летишь на штурмовку низко, всю пехоту хорошо видно.

— Но мы же победили,— сказал Коля.

— Можно было дешевле и легче эту же победу добыть,— сказал Бухов,— вот я чем недоволен. И за то, что генералиссимус арифметику позабывал, когда надо было сосчитать живых и мертвых после каждой победы, я бы его за одно это в мавзолей не пускал.

Сухонькая, маленькая, с поджатыми губами Вера Величкина усомнилась в Бухове:

— Вы, Василий Григорьевич, сами сказали «штрафник». И все вам, наверное, от этого в черном свете казалось. Героизм — это всегда красота,— объявила она гордо.

— Это верно,— согласился Бухов.— Бывало, взглянешь утром перед боем из окопа на солнце, а оно, как у Шолохова, черное, а вот искупил своей кровью вину — посветлело.

Почти каждый вечер Бухова приглашали в гости либо из совхоза-гиганта под названием «Пятачки», либо из объединенного колхоза-гиганта «Заря коммунизма». Население обоих гигантов относилось к водолазу с исключительным уважением, чему способствовала напечатанная в районной газете заметка Гымзы под заголовком «Герой подводных глубин».

Гымза посетил начальство обоих гигантов и угрожающе предупредил:

— Лично проследите, чтобы ни капли горючего. Он из уважения выпьет, утром рука или еще что-нибудь дрогнет — и финиш, погубили насмерть такого человека.

— А брагу?

— В чем? В кружках? Только в рюмках!

— Это же совестно, все равно что пиво из рюмки хлебать.

— Иначе возражаю,— категорически говорил Гымза.

Но Бухов большую часть вечера просидел в пустом кабинете директора совхоза, ожидая, когда междугородная соединит его с женой, по которой он сильно скучал.

Бухов не умел рассказывать о себе, и поэтому он только умоляюще кричал в трубку:

— Ты что-нибудь вообще говори, чего хочешь, мне голос твой живой интересно слушать! Ну давай, голос, говорю, голос слушать, говорю, его люблю, ну и тебя тоже! Понятно?..

Как ни странно показалось всем, Бухов сдружился с Колей Левкиным. Он предпочитал общество Левкина даже пиршественным ужинам у Гымзы. Тем более, что он поссорился с Гымзой.

Однажды Гымза, как всегда, обильно уставляя стол своей кулинарией, спросил озабоченно:

— Может, тебе даму позвать? Есть одна такая, интересная, заведующая местной сберкассой.

— Ты что? — спросил Бухов.

— Ничего,— сказал Гымза и обиделся.— Рожу на меня презрительную скорчил. Подумаешь! А я за него переживай. Вчера опять под водой чуть не задушило, замотало шланг о топляки, нож выронил, в тине потерял, три часа шланг и веревку о железо потопленное тер, пока освободился, а если б не было потопленного этого железа, задохся бы, как удавленник, в своем скафандре. И все. Похоронили бы, конечно, с музыкой на кладбище райцентра, а памятник, уж извини, в местном бюджете на тебя не предусмотрен.

— И что из этого следует? — сощурясь, спросил Бухов.

— Обязан я тебе жизнь обеспечить, пока ты живой, чтобы меня потом совесть не мучила,— объяснил Гымза.

— Свинья ты!

— От такого и слышу.

— Пошляк!

— Уж это выражение не принимаю, уж это слишком! — возмутился Гымза.

Отдохнув после работы, Бухов любил длительные прогулки. В любую погоду он вышагивал километров двадцать. Во время ходьбы старался думать о чем-нибудь легком, приятном, чтобы успокаивались нервы и, придя домой, можно было бы сразу заснуть. Больше всего Бухов любил во всех подробностях представлять себе, как ему выдают ордер на отдельную двухкомнатную квартиру и как он нанимает грузовик, приезжает в комнату своей супруги, где жить ему неприятно, потому что эту комнату когда-то получил бывший муж его жены, и вот он вместе с грузчиками входит в эту комнату. Ни жены, ни сына нет дома. Он командует: «Забирать все!» Соседям скажет: «Как только вернется жена с сыном, пусть немедля едут по такому-то адресу». В новой квартире садится, закуривает. Звонок. Открывает дверь. Жена держит сына за руку. Лицо взволнованное, встревоженное. «Вася, что все это значит?» А он говорит: «Привет. Будьте как дома». Ведет сына в ванную комнату, говорит: «Валяй, хочешь купайся, хочешь душ».

А в коридоре будет стоять холодильник, а столовая будет в кухне, как это он видел в Германии, когда служил в армии.

И вот на эти прогулки Бухов вдруг стал брать с собой Колю Левкина. Конечно, это большая честь для Левкина.

Долговязый, узкоплечий, белесый, сутулый, казалось, от того, что у него слишком крупная голова и вместе с тем по-ребячьи маленький, вздернутый нос и чуть намеченные крохотные губы, Коля выглядел довольно нелепо рядом с Буховым, сложенным удивительно пропорционально.

Во время таких прогулок обычно всю дорогу говорил Коля. Он восторженно рассказывал о том, что, оказывается, строение костной ткани — это самая совершенная конструкция, которая может служить моделью для сооружения, скажем, самых высоченных телевизионных башен. Теперь, говорил Коля, мощность ума человеческого такова, что мы подошли вплотную к тому, чтобы взять нервную клетку в качестве совершенного образца устройства для прибора автоматического управления.

— Ну что же, давай, давай,— одобрительно бормотал Бухов,— действуй!..

Бухов чувствовал, что начинает привязываться к юноше. Ему доставляло большое удовольствие быть с ним — и не потому, что слушать Колю так уж увлекательно, тут было другое. Бухов стал думать: а вдруг Коля — тот самый человек будущего, которого еще только сулят в газетах, в книгах, а, оказывается, он очень просто и нешумно живет себе среди нас уже сегодня.

Но Бухов сам опасался своего увлечения Колей Левкиным. Уж очень он какой-то весь подозрительно хороший. Не видимость ли это? Не притворство? А может, все это просто-напросто признак слабодушия? Со всеми без разбора быть хорошим легче легкого. А если человек плохой, он с ним тоже будет хорошим? Таких людей Бухов презирал.

Бухов относился с подозрительностью к мягкому характеру Коли Левкина. Он говорил ему:

— Ну, допустим, это правильно подсчитано, что у нас с тобой по десять с половиной миллиардов нервных клеток в головном мозгу, и все они бессменно трудятся, и можно сначала через одноклеточные, простейшие организмы познать их устройство и с помощью биохимии, если что в мозгу сработалось или в случае травмы повредилось, заменить, прирастить из искусственных. Но ведь за все это бороться надо!

— Конечно,— согласился Коля,— надо отдать всю свою жизнь.

— Да я не про то, я про другое,— морщился Бухов.— Я говорю: с людьми бороться.— И пояснил озабоченно: — Знаешь, как бывает: ты «за», а другие «против».

— Но есть аргументации научными экспериментами, и я докажу! — азартно обещал Коля.

— А я твой начальник,— объявил Бухов,— р-раз — и срезал тебе смету! Мне позвоночные интересны, а твоих беспозвоночных презираю.

— Но это же глупо! — усмехнулся Коля.

— А я вот такой.— Бухов грозно вытаращил глаза, придавая лицу идиотское выражение, сказал свирепо: — Вы, товарищ Левкин, фантазер и полная бездарь.

Лицо Коли побледнело, глаза погасли.

— Ну, что же, возможно, у меня нет дарования настоящего ученого. Но то, что я вам говорил, вполне возможно, и человечество этого достигнет.

Бухов сатанел:

— Ну куда ты лезешь? Тряпка ты! Разве так можно? Да если веришь, плюнь на все человечество, сам всего достигни, сам, а мне за то, что я тебя обозвал, ты вот что должен.— Бухов ожесточенно совал себе под нос кулак, сжатый с таким остервенением, что все косточки глянцевито блестели.— Вот как надо за свою идею бороться, вот! — кричал Бухов и тыкал себя кулаком в верхнюю губу.— Беспощадно! — кричал Бухов.— А ты! — Бухов плевал в Колино отражение на воде и еще спрашивал: — Видал, куда плюнул? Распалил ты меня, думал, действительно человек устремленный, а ты еще сам беспозвоночное существо. Фитюлька!

— Зачем вы ругаетесь? — упрекнул Левкин.— Во-первых, я еще только заочник. Заработаю летом на земснаряде, буду проситься на очное, если, конечно, в общежитии место найдется.

— А ты требуй!

— Ну как же я могу требовать? — удивился Коля.— У меня нет никаких оснований требовать.

— Да ты же рабочий, не из интеллигентов?

— Почему же не из интеллигентов? — обиделся Коля.— Я из интеллигентной семьи. Отец у меня — техник по подземным канализационным коммуникациям, а мать — лаборантка на полях орошения.

— Проще говоря, по ассенизаторской части работает,— буркнул Бухов.— Не с одеколоном дело имеет.

— Вы очень отсталый,— сказал Коля,— и незнакомы с современной городской санитарной техникой.

— Ну ладно, как его ни называй, все равно оно им остается,— упрямо заявил Бухов и добавил: — Я ведь тебе что внушаю? Если человек кроткий, тихий,— значит, в нем огонька нет. А если есть огонек, так он себя распалять должен. Жми вперед. А кто мешать станет, обожги! Не бойся! Пусть сторонятся.

— Нет, так нельзя,— сказал твердо Коля.— Это не честно — так действовать. Я должен просто убедить всех, что я прав. Понимаете? Убедить! Доказать!

— А условия кто тебе создаст, если ты весь мягкий, как цыпленок? — сурово спросил Бухов и попросил умоляюще: — Ты пойми: я человек, жизнью мятый. Всюду углы от вмятин торчат. Я знаю, чем в жизни толкаться. Опыт! Я и делюсь с тобой опытом. Почему? Вот, думаю, экземпляр нового поколения, не пьет, не курит, за девками не бегает и очень искренне наукой волнуется. Может, ты феномен,— спросил опасливо Бухов,— а остальные все хуже?

Коля снисходительно улыбнулся и сказал:

— У вас неправильное представление о современной молодежи. Мы все сейчас понимаем, какая это гордость для человечества — современные достижения науки...

— Да ты оставь человечество в покое,— недовольно перебил Бухов.— Я его знаю, твое человечество. Не успели из второй мировой выскочить, а оно, как дурак, за атомную бомбу хватается, пока она его не спалит. Ну его! — махнул рукой Бухов.— Мы с тобой тоже человечество в своем личном масштабе! И про молодежь тоже меня не поучай. Она у нас всякая, есть субчики, которые собираются в коммунизм вприпрыжку попасть. Я персонально тобой интересуюсь: есть у тебя самостоятельность или нет?

— Не знаю,— сказал Коля.— Но вы рекомендуете мне драться. Драться — это значит кого-то бить, кто окажется меня слабее.

— Ну зачем же слабых? Слабые и так уступят.

— А сильный меня изобьет. Ведь так? Если руководствоваться вашей логикой.

— Поймал! — расхохотался Бухов.

— Да я вас не хотел вовсе на чем-то ловить,— строго сказал Коля.— Мне просто неприятно, что вы думаете про нашу жизнь со старых позиций.

Бухов вскипел:

— Ты мои позиции не трогай! Я их своей кровью на фронте поливал!

— Извините,— сказал Коля.— Я не хотел вас обидеть. Я просто обиделся за вас самого, что у вас такие неправильные представления.

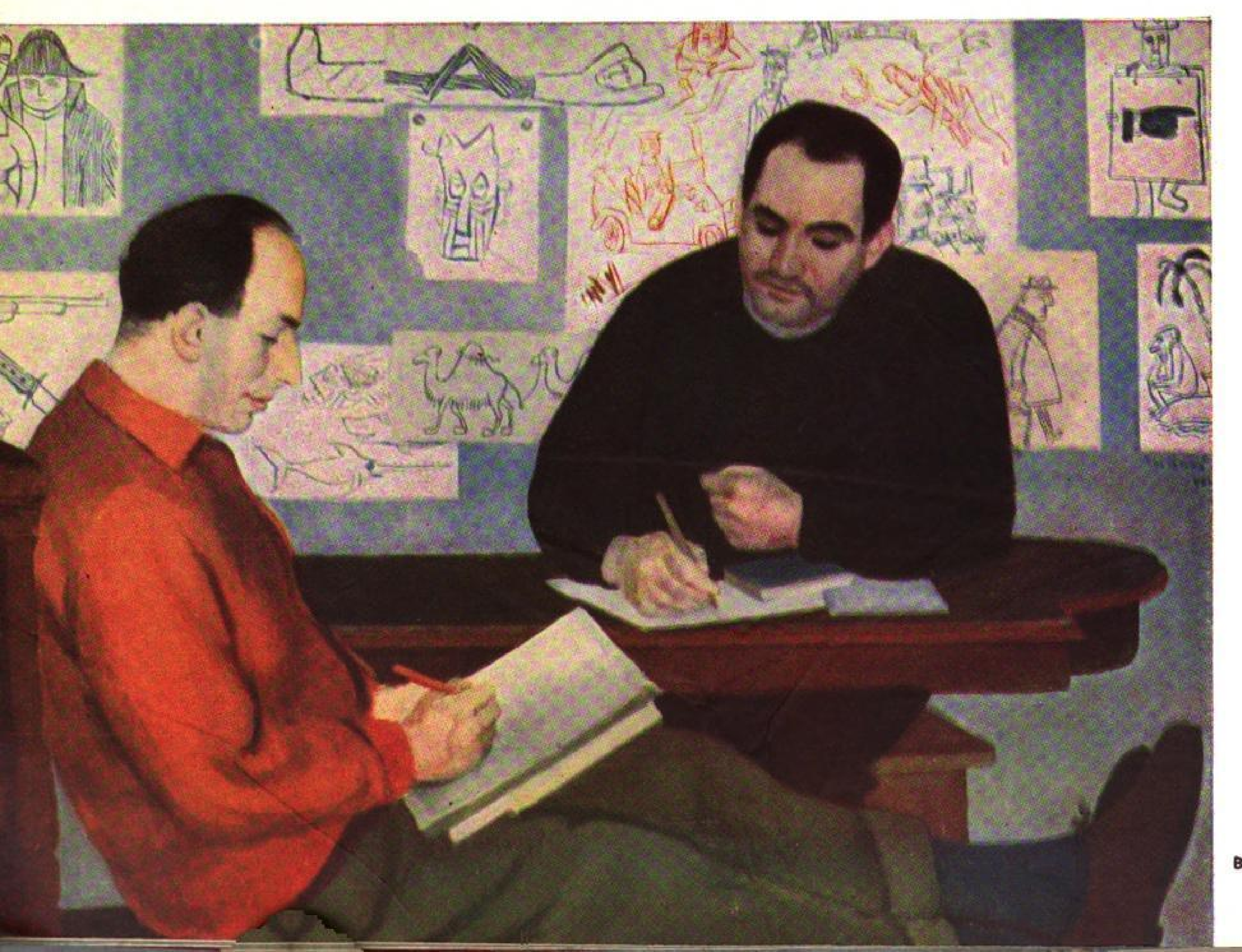
— Ну ладно,— сказал Бухов,— замнем для ясности! — И пригрозил: — Только помни, у тебя одни хрящи, а без костей далеко и высоко не прошагаешь — рухнешь.— Сказал расстроенно: — Ты еще не знаешь, какой сволочью человек может быть.— Сощурился и произнес зловеще: — Ты меня на всякий случай тоже запомни: пригодится для закалки в счет будущего...

Окончание следует.

Д. Бенцур. ЧИТАЮЩАЯ ЖЕНЩИНА. 1875. **Венгерская национальная галерея.**

Т. Черныш. НА НАБЕРЕЖНОЙ В УЙПЕШТЕ. 1959.
Венгерская национальная галерея

И. Мачаи. ДВА КАРИКАТУРИСТА (КАЙЯН И ХЕГЕДЮШ). 1960.
Венгерская национальная галерея

ДВЕ БЕРЛОГИ

Рассказ

Александр ЯШИН

Рисунки С. БРОДСКОГО.

1.

Мне сообщили друзья из родных вологодских мест, что найдены две медвежьи берлоги. На сборы ушло два дня, ночь — в поезде, сорок минут в самолете «АН-2»; дальше можно было продвигаться только на «газике» с применением демультипликатора (понижения скоростей) и, наконец, на лыжах.

Первое, о чем я спросил:

— Обложили?

— Кого, чего?

— Медведей?

— Не обкладываем. Здесь это ни к чему.

— Ну хотя бы лыжню вокруг берлог проложить надо было, зарубки на деревьях зарубить, чтобы мету свою оставить, вроде печатью хлопнуть.

— По берлогам, что ли? Никто их не тронет. Чего-чего, а живых медведей у нас еще не воруют. И сами они никуда не уйдут. Надежное дело!

Всю первую ночь мы не спали: я волновался так, словно шел на охоту впервые и все для меня было внове, а друзья-охотники пили водку — калым за неубитых зверей. Всю ночь от страшных и смешных бывальщинок и побасок то лезли глаза на лоб, то скрючивало от хохота. Неправда, что северяне угрюмый, неразговорчивый народ!

Ко мне охотники относились благожелательно, но с явным снисхождением: дескать, москвичи, чего они видали, каждому слову верят.

А сидели мы в доме председателя колхоза. Павел Евгеньевич Сорокин, главный бухгалтер колхоза «Каменный», давно известен в районе как один из бывалых и неутомимых охотников, для которого по этой причине бухгалтерия время от времени становится просто обременительным отхожим промыслом. На боевом счету Павла Сорокина с десяток убитых медведей и, вероятно, не один десяток неубитых. К своим рассказам о разных происшествиях на охоте он относится чрезвычайно серьезно и, я бы сказал, творчески: не помню случая, чтобы он когда-нибудь повторялся, хотя о каждом правдивом своем приключении рассказывает по нескольку раз. В эту ночь он углубился в психологию: со всеми подробностями расписал, как год тому назад приезжий городской охотник, весьма обеспеченный торговый деятель, рядился, покупая у него найденную берлогу, как нудно и обстоятельно отвоевывал у него, у колхозника, каждую десятку и до того надоел, что он, Павел Сорокин, готов был уже плюнуть на все и отдать медведя задаром, и как через два дня после этого мудрый медведь, не поглядев на первоклассное охотничье обмундирование и снаряжение торгового воротилы, при первом же свидании небрежно снял с него голову и ушел восвояси. Слова «интуиция», «возмездие» Павел Евгеньевич в рассказе не употреблял, он говорил по-охотничьи: «чутье», «судьба», «бог шельму метит»,— и черные глаза его при этом серьезно и пытливо посматривали на собеседников.

Сорокин не производил впечатления богатыря или очень отчаянного человека: он худощав, невиден, но жилист и, по-видимому, очень крепок. А о выдержке и смелости его на охоте мне рассказывали многие очевидцы. Павел Евгеньевич никогда не позволял себе избегать поединка с медведем, даже если ружье у него оказывалось заряженным обыкновенной дробью. Почти в упор бил он зверя дробью по глазам и хватался за нож. Отступать мог только медведь.

С Сорокиным вместе я готов пойти еще не на одну берлогу.

Второй мой товарищ, Валентин Степанович Сажин, напротив, казался именно богатырем, а таков ли он на самом деле, сказать и сейчас не могу. Но по одному тому, что он давний и безотказный водитель вездесущих райкомовских «газиков», причем мне ни разу не приходилось видеть, чтобы он когда-нибудь выходил из равновесия, а это при здешних дорогах, одинаково жутких зимой и летом, предполагает наличие в человеке истинного стоицизма, только поэтому я готов и впредь полагаться также и на Сажина при всяких обстоятельствах. Правда, на первой охоте он немного сплоховал, но это извинительно, и об этом потом. Я убежден, что посади Валентина Степановича хоть сегодня в любой космический корабль, он только спросит: «Горючего хватит?» — и полетит.

Сажин привык, что в райком обращаются разные корреспонденты «за фактами», и, рассказывая о случаях на охоте, время от времени осведомлялся: «Может быть, вы это используете?» или «Может, вам такой фактик подойдет?», «А вот еще один материальчик!».

По-моему, привирать он не умеет. Он скромен.

— Мне больше приходится тетеревов да глухарей бить,— рассказывает он о себе.— А медведей я не бивал. У меня в «газике» всегда малокалиберка лежит. Едешь поутру, а тетерева на березах, как головешки. Машин они не боятся, подпускают рядом. Покатишь и, не выключая мотора, приоткроешь стекло и начнешь снимать с нижнего. Нижний падает — верхних не пугает. А глухари, те в весеннее время на зорьке по дорогам гальку собирают да в лошадином помете ковыряются. Ну тоже так: ветровое стекло подымешь и выцеливаешь поверх капота, как с тачанки. А медведей я не бивал.

— Неужели ни одного, Валентин Степанович?

— Нет, одного-то убил. Так, на ходу, без подготовки, неинтересно. Подвернулся — и убил.

Вслед за этим Валентин Степанович спрашивает:

— А вот такой сюжетик для вас не пригодится? Старый, хитрый медведь целое лето резал скот у самой деревни, и чего только не предпринимали охотники, а справиться с ним не могли. Перехитрил медведя пятнадцатилетний мальчишка. Что делал медведь? Он выжидал, когда какая-нибудь корова отстанет от стада и заночует в лесу, и драл именно ее. Над мальчишкой посмеялись, когда он похвастал, что все равно пристрелит эту хитрую лису, а отец даже пригрозил выпороть его. Что сделал мальчишка? Он отправился в лес во время какого-то праздника, когда отец и мать были в гостях, и с собой взял одностволку да еще колоколец с коровы. В сумерки он выбрал место среди деревьев, с хорошим круговым обзором; стоит, дрожит от страха, а сам нет-нет да брякнет в колоколец. Заночевавшие коровы тоже так изредка позванивают, когда муха укусит, много шуметь боятся. И хитрый медведь пришел. Мальчишка перепугался, когда медведь, почуяв человека, взревел и встал на дыбы, но все-таки выстрелил и сам убежал, бросив ружье. А ружьишко-то было старое, запущенное, но все-таки ружье. Мальчишка дома до утра ничего не говорил, а утром сказал, что ружье бросил в лесу. Отец покричал, покричал, но собрал мужиков, и пошли в лес. Нашли ружье и медведя пудов на восемнадцать — пуля пришлась в хорошее место, наповал его срезала. Если хотите, мы при случае съездим к этому мальчишке, осмотрите все на месте. Кажется, что Павликом зовут, вроде Павлика Морозова.

Хозяйка вторично согрела самовар, подносила закуску — свиной холодец, капусту, рыжики, моченую бруснику. В прошедшую осень был редкий урожай грибов и ягод, боялись даже, не к войне ли.

Знаете ли вы, например, что такое шировега? Шировега — это замешанная с толокном на сладком соку журавлиха. А журавлиха — клюква. А знаете ли, что такое дежень с простоквашей? Конечно, тоже не знаете? Дежень — густо замешанное уже на соленой воде толокно и политое простоквашей. Удивительно вкусная еда, особенно когда за всем этим стоит детство.

Шировегу и дежень в больших белых мисках ставила на стол наша добрая хозяюшка, ставила и суеверно упрекала нас всех:

— Отпетые головушки, кто же неубитого медведя пропивает, потерпели бы хоть немного!

— А вот однажды я сам видел,— начал новый рассказ Павел Сорокин,— медведь залез на столб к электрическим проводам, думал, видно, что там пчелы гудят, током его дернуло, он грохнулся на землю, лежит и лапами от пчел отмахивается. Бить его было очень просто.

— Убил, что ли?

— Убил, только мы с ним долго вокруг столба друг за другом бегали. Это все-таки не в берлоге. В берлоге медведя убить просто, все равно что к теще на блины сходить.

Сорокин бьет не только медведей, он ставит капканы, петли и на некоторых других зверей. Было как-то, в его проволочные витые петли попали корова и две телки. Попали и стоят, не задохлись, потому что колхозные, привыкли к привязному содержанию.

Почти весь вечер молчал третий наш товарищ, сотрудник редакции районной газеты Каплин Вадим Николаевич. Зато он хорошо слушал и не пропускал, не записав, ни одного сюжетика, которые подкидывали Валентин Степанович и Павел Евгеньевич. Каплин готовится к большой работе в литературе.

Но надо сказать, что Каплин каждое лето сам вскапывает лопатой где-то в дальних лесах небольшие полянки и засевает их овсом для медведей. На краю каждой такой полян-

ки он заранее строит лабазы. Молчун, молчун, а охотник он настоящий!

Был с нами, конечно, и хозяин дома — отличный, остроумный собеседник и милый товарищ, председатель колхоза Воронин Николай Михайлович. Он не собирался на охоту, и потому о нем говорить я буду меньше всего. Он только что вернулся из Москвы с совещания, отчитался о поездке перед колхозным активом и воспользовался нашей безобидной компанией просто, чтобы немножко отдохнуть, поразвлечься. Правда, он сам больше развлекал нас.

— С этой работой и поездкой я всю пьянку запустил,— говорил он.— Давайте наверстывать.

В курятнике у порога запел петух. Это было первое предупреждение, что пора расходиться. Но с места никто не поднялся.

— А вот еще случай,— начиналась очередная байка,— пошел я на овес медведя подсидеть и взял с собой бабу: пускай, думаю, хоть раз в жизни посмотрит, как я медведей бью. Забрались мы на лабаз меж двух елок, бабу я посадил повыше себя: так, думаю, целее будет,— сам сижу как раз под ее сарафаном. Стемнело: в лесу темнеет быстро. Стихло, только далеко где-то молоковоз проехал — пустые бидоны прогремели, да какие-то пастухи с коровами запоздали, кричат на весь лес, друг друга подбадривают, чтобы не бояться. Совсем стихло, слышно, в овсе мыши шуршат, заяц пробежал. Баба у меня сморкаться начала, мелко трясется, переживает. Потом ее икота одолела. Я тычу ей снизу, молчи, дескать. И ведь что удивительно: медведь все-таки пришел. Елозит он по овсу, чавкает, а видимость еле-еле. Я приладился с ружьем, направил стволы, только бы выстрелить... Вдруг как треснет ветка, и баба прямо на меня...

— Что?

— Грохнулась... Так и не убил медведя.

Опять запел петух у порога, а с места никто не поднимается. Председатель Воронин больше оставаться с нами не мог.

— Вы тут допивайте, а я пойду драку организую, чтобы не скучно было,— пошутил он в последний раз и ушел куда-то, наверное, спать.

* * *

После обильного снегопада лес отяжелел, стал седым и старым. Даже сосновые ветви, не только еловые, опустились вниз, провисли. Появилось бесчисленное множество пригнутых к земле тонких, длинных стволов. То крутые, то пологие, они напоминали городские новогодние арки: казалось, сбрось снег с такой и прочтешь: «Добро пожаловать!». Либо ямщицкие дуги: стоит тряхнуть посильней, и зарокочут под свадебной дугой переливчатые бубенчики.

Снегу намело много. Дороги и тропинки в лесу исчезли, если не считать заячьих стежек. Сугробы мягкие, пышные, сдобные, местами снег ровен, а чаще лежит огромными валами, буграми. Приближаешься к такому бугру и заранее настораживаешься: и здесь не медвежья ли берлога?

Хвойный лес, особенно густой, после метели страшноват, а голый — березничек, осинничек — сказочно легок и прозрачен, весь в инее, в изморози, и светится.

Четверо, мы заходим все глубже в густой хвойный лес.

Конечно, хорошо бы первые километры проехать на санях, но лошадей в колхозе просить постеснялись: мало их осталось, сейчас на них возят сено и дрова. К тому же целина снежная началась почти от самой деревни.

Собак также не взяли, потому что медвежатниц ни одной не нашли, а пустолайки могли только помешать нам. Хотя обе берлоги обнаружены были именно пустолайками, о которых говорят, что охотятся они лишь за норками да за хлебными корками.

— Охотников настоящих не стало, и собак не стало! — как-то сказал об этом Сорокин.— Вот у охотника Ивана Осипа из Кьянды была медвежатница, так он ее дороже всего своего дома ценил. Когда делился с сыновьями, все хозяйство им отдал, себе только собаку-медвежатницу оставил.

Меня очень подводят мои беговые многослойные лыжи таллинского производства: они слишком узки для таких снегов, я то и дело проваливаюсь. А товарищи мои — Сорокин, Каплин и Сажин — идут на самодельных, подбитых лосиной шкурой: лыжи эти широки и не длинны, потому маневренны в любых зарослях, а главное, не соскальзывают назад при подъемах. Мне сочувствуют молча.

Сегодня мы все немногословны. Немногословны с самого утра — как встали задолго до рассвета, умылись в очередь, поели жирного свиного супу, конечно, без всякой опохмелки, оделись и обулись неторопливо, я бы сказал, старательно, проверили ружья и патронташи на ремнях, прицепили ножи на пояса, я — широкий сверкающий номерной, молчим и после того, как стали на лыжи и тронулись в путь полем, к реке, потом за реку, в лес, в ельник. Никаких анекдотов, даже шуточек, никаких рассказов о медведях. Вековые охотничьи суеверия вступили в силу, их власть распространилась и на нас: идешь на пожар — над огнем не смейся. Медведь еще не убит, с этим шутить нельзя. Вчера пошутили, и достаточно. Более того, всем казалось, что и вчера шутить столько не следовало. А сегодня даже упоминать о медведе не полагалось, а если уж без этого обойтись было невозможно, то говорили сдержанно, уважительно и называли зверя только местоимением: о н.

— О н должен сегодня лежать крепко, погодка подходящая!

Я позволил себе однажды спросить:

— А если — о н а?

Меня даже не удостоили ответом. И молчаливая сосредоточенность стала еще выразительней. Может быть, страх вступил в свои права? Нет! Не все, идущие в бой, думают о смерти, но белье перед атакой стараются сменить все. И все не любят болтать в эти часы и минуты. Мне кажется, что и Сорокин Павел Евгеньевич больше не думал о тещиных блинах.

Заячьи следы в диком хвойном лесу исчезли — здесь местожительство не для легкомысленных зверьков. Стучат дятлы — и то осторожно, тихо. Пригнутых к земле деревьев здесь также много, но это уже не березки, не ольхи, не рябинки, а толстые, многолетние стволы елей, сосен, берез. Дуги, да не те! Не медведи ли их гнули? Все больше валежника, колдобин, коряг, выворотней. Чуть подул ветерок — и нас всех осыпало снегом с вершин. Где-то далеко жалобно скрипит дерево. В большом лесу всегда хотя бы одно дерево скрипит, без этого не бывает.

Однажды под самыми моими лыжами взорвался снег: вылетели два рябчика и быстро скрылись за деревьями. Это произошло так неожиданно, вдруг, врасплох, что я, вероятно, побледнел: все-таки ведь идешь и думаешь о медведях, а не о рябчиках.

— Мы, кажется, сбились, не найти, наверно, ничего! — вдруг безнадежно махнул рукой Сорокин.

Не хочу рисоваться: на какое-то мгновение от этих слов в душе у меня появилась радость. Подумалось: не найдем берлогу — и все, значит, не судьба. Переживаний всяких и без того уже достаточно!

Но я быстро справился с собой и заметил с упреком:

— Я же говорил, что надо было обложить!— и уже искренне боялся, что мы можем ничего не найти.

— Обкладывай, не обкладывай, вьюга мела не одну неделю. Лес узнать нельзя.

Каплин отошел в сторону и начал осматриваться, принюхиваться.

Шофер Сажин не спешил вмешиваться в разговор, он еще не считал, что «сели на дифер».

— Собачку бы теперь!

Вдруг неторопливый Каплин позвал всех к себе.

— Не сбились! — сказал он.— Это что?

— Где?

— Смотри прямо!

— Те-те-те!.. Если это и берлога, то не наша, другая.

— Их здесь, как грачиных гнезд, что ли?

— Да нет, я не то хочу сказать.

— Ну-ка, стойте здесь! — Сорокин снял ружье с плеча, пошел вперед один.

Медвежье гнездо оказалось у основания двух еловых корневищ, вывороченных буреломом и торчащих стоймя под углом одно к другому. Сверху на корневищах лежало еще два небольших сухих ствола, кажется, сосновых. Все это было прикрыто таким мощным слоем снега, что не сразу удалось обнаружить чело берлоги. Даже Сорокин тихонько сказал:

— Ну и ну! И нам не подойти, и ему оттуда не выбраться. Вон оно — чело! — И он махнул рукой всем, чтобы отошли в сторону: надо было условиться, что кому делать.

Ружей мы уже не выпускали из рук, я да-

же спустил предохранитель. Кажется, дрожали колени от волнения.

Когда мы отошли метров на двадцать в сторону и сгрудились, как заговорщики, Сорокин сказал:

— Может, придется стрелять в дыру, чтобы вылез. Быстро он тут все равно не вымахнет. Давайте, ребята! Первое слово москвичу,— становись вон к той елочке, чуть слева от берлоги. Первый выстрел твой.

Я немедля двинулся на указанный номер.

— Подожди, покурим! — остановил меня Сорокин.

Каплин сказал:

— Стрелять не надо. Я вырублю жердь, островину, и суну ее в чело. Можно подобраться сверху, с крестовины, с валежин.

— Провалишься еще и стрелять помешаешь. Неладно.

— Руби, Вадим, островина — это лучше всего, руби!

Интересно, что с этого момента мы перестали называть друг друга по имени и отчеству, остались только имена, и никакой неловкости никто при этом не испытывал, все произошло само собой.

Воровато закурили по папироске «Север». Каплин — в одной руке ружье, в другой топор — сошел с лыж, но провалился по пояс в сугроб, ухнул, как в медвежью берлогу, и, с трудом вскарабкавшись на лыжи снова, двинулся за жердью.

Все начали осматриваться, поправлять пояса, проверять — в который раз! — есть ли в стволах патроны.

А я, разнесчастный человек, опять стал думать о том, как опишу эту свою встречу с медведем, и не упустить бы чего-нибудь, и нельзя ли извлечь, высосать какое-нибудь стихотворение из всего происходящего,— давно я уже не писал стихов! — только бы зацепочку какую-нибудь найти, изюминку бы, мыслю бы!..

— Давай, ребята, нечего раздумывать! — Это подошел с вырубленной островиной Вадим Каплин. Он, наверно, плюнул сейчас на свое писательское призвание — не до того! Ружье у него на плече, на другом — длинная сучковатая жердь. На таких жердях с сучьями — островинах — развешивают скошенный горох для просушки: тот же озород, стог, но тонкий, почти просвечивающий и продувается насквозь. Медведя выживать из берлоги лучше островиной, а не гладкой жердью, потому что острые сучья заставляют его вылезать на свет неторопливо, и целиться в него легче.

— Давай, ребята, надо подходить! — командует опять Сорокин. Он все говорит шепотом.— Сашка, бери влево (Сашка — это я) — стрелять сбоку легче и другим не помешаешь. Вадим, подожди, номера займем. Валька (Валька — это Сажин), становись справа, вон — к сушине. Далеко? Нет, метров восемь, в самый раз.

Валька быстро скользит к своему номеру и сваливается с лыж, как с рельсов. Самый рослый из нас, он все-таки проваливается в сугроб по грудь и, ничего не видя, начинает плясать на месте, приминать, притаптывать снег. Уши его шапки с длинными шнурками от ботинок мотаются то вверх, то вниз.

— Шурка,— шипит он мне (Шурка — это тоже я),— отаптывайся!

Я прыгаю с лыж, рассчитывая, что также провалюсь, но на моем номере снег оказался мелким. «Хуже это или лучше? — думаю я.— Чело, вот оно, перед глазами. В случае чего и укрыться некуда, а в снегу я был бы, как в окопе. В окопе? Чепуха!..»

Приминаю снег пошире, топчусь. Валенки у меня большие, брюки ватные, тужурка меховая, летная, полученная в «Литературной газете» еще для поездки в Приморье, очень теплая, шапка сурковая, китайская, жаркая. Вероятно, от меня идет пар гораздо сильнее, чем из медвежьей берлоги. Надо было и мне надеть ватник, «куфайку», как говорят, здесь, в «куфайках» все мои товарищи, им жарко не будет. И патронташи у них поверх ватников, а у меня под меховой тужуркой.

Пашка Сорокин становится шагах в пяти от меня, и я вдруг увидел, что глаза у него смеются.

— Ну, что? — весело спрашивает он.

Вот черт!

И опять где-то скрипнуло дерево. Снег белый, глубокий, небо мутное, зимнее, лес кругом; что еще можно заметить в последнюю минуту!

— Эй, хозяин! — заорал вдруг над самым моим ухом Сорокин.— Вылезай, перевыборы! — Он настроен по-озорному. Разве уж такое это привычное дело — бить медведя?

Хозяин не отозвался. Видит он нас или не видит?

— Эй, хозяин! Сдавайся!

Ни звука.

— Давай, Вадим, подберись, ткни!

У Вадима ружье на плече (это мне запомнилось, удивило меня), в руках сучкастая островина, он бредет по сумету без лыж, все ближе, ближе к медвежьему жилью, сбоку от чела, чтобы не мешать нам стрелять. Лицо его, молодое, сумасшедшее, затененное шапкой, кажется совершенно черным: негр, а не Каплин. Только вряд ли бывают такие низкорослые негры. А снег белый-белый, яркий-яркий...

«Да ну, скоро ли наконец?»

— Приготовиться! — кричит кто-то опять, наверно, Сорокин.

Каплин подобрался к самому челу хозяйской берлоги («До чего же он неосторожен, а еще писателем хочет стать!») и с трудом просовывает жердь комлем вперед. Я предполагал, что это будет мощный бросок издали либо сверху вниз и что кидать островину будут по крайней мере двое — она же сырая, тяжелая. А Каплин просто сует ее не спеша, да еще кряхтит и кричит:

— Ну, где ты там?!

И вот медведь заревел.

Я смущен: написал уже довольно много, но все пока не о самом главном. А когда дошел до самого главного, то, оказывается, и писать больше нечего. Самое главное произошло быстро и, конечно, совсем не так, как обычно предполагаешь заранее, потому показалось неинтересным. Я был разочарован. Борьбы не было — вот что меня разочаровало, я же готовился к борьбе за жизнь, готовился к бою.

Медведь заревел и не выскочил из берлоги, не вырвался, не «пошли клочки по закоулочкам», а просто высунул голову и стал принюхиваться и осматриваться. Должно быть, островина ему действительно мешала своими сучьями, но, кроме этого, он был просто ослеплен сиянием снега, дня. Я не видел его глаз, не почувствовал злобности зверя и не сразу сообразил, что уже пора стрелять. Подстегнул меня крик Павла Сорокина: «Дай Шурке!» Это он рявкнул на Вадима, который готовился выстрелить первым. После этого я выстрелил не медля, но, оказывается, попал уже не в голову, потому что, заслышав голос человека, медведь легко и мгновенно вылетел наружу весь, всей своей двадцатипудовой тушей и поднялся на дыбы. Конечно, никакие сучочки наши ему не помешали, островина просто была переломлена.

Я выстрелил два раза. Но, по-видимому, этого оказалось недостаточно: выстрелил дважды Вадим Каплин и по одному разу Сорокин и Сажин. Сажин в медведя не попал, потому что у него разорвало ствол ружья. Это и было, пожалуй, самым примечательным в нашей охоте, об этом разговаривали и смеялись над этим больше всего.

Медведь упал мордой в снег, шагнув несколько раз вперед, как подобает в честном бою, потом завалился на бок. На чистом снегу он выглядел особенно грязным.

— Седой, дьявол! — восхищенно сказал о нем не помню уже кто.

В темных глазах хозяина леса долго не потухала неутоленная ненависть к нам, к людям. Желтые нечистые клыки его обнажились.

Теперь насчет «двадцатипудовой туши». Взвешивали мы ее на самодельных рычажных весах, на которых взвешивают возы с сеном, поэтому никто не может поручиться, что медведь весил именно двадцать пудов.

А охотничьи ножи нам пригодились только для освежевания зверя — и то уже не в лесу.

Сажин ружье свое показал не сразу, он понимал, что авария его теперь может вызвать только смех. Так и получилось. Вместо пуль он забил в свои патроны по блестящему шарику от какого-то подшипника, кажется, от тракторного, не проверив предварительно, проходят ли они по всей длине стволов. В чоковом стволе шарик застрял, ствол раздулся, лопнул и отделился от другого ствола. С таким ружьем теперь опасно ходить даже на зайца.

В наказание за эту оплошность мы без жеребьевки отправили Сажина одного на полусогнутых в деревню добывать подводу для Топтыгина. На полусогнутых — значит, бегом. Он побежал. Вдогонку ему кричали:

— Ружье захвати!

— Шарики не растеряй!

Разочарование разочарованием, а все же, когда с медведем было покончено, мы были очень возбуждены и расположены к бахвальству. Ощущение удали, молодечества охватило и меня. Вспоминаю, как на Ленинградском фронте в морской пехоте, вернувшись с бойцами из первой удачной разведки, я потребовал у командира батальона по «наркомовской чарочке» для всех и, страшно довольный собой, вылез из окопа, вышел на опушку и красовался на виду у противника. Возможно, что тогда из-за моего молодечества наши позиции были обстреляны из минометов и одного разведчика, только что вернувшегося со мной невредимым, тяжело ранило.

Сейчас мне опять, как видно, захотелось покрасоваться, и я нырнул в берлогу зверя, на место его лежки. На этот раз ничего страшного, конечно, не произошло, но вылетел я оттуда мгновенно: жутко стало от вони, от ощущения, что на меня набросилась уйма блох и всяких прочих отвратительных насекомых.

Как мы выволакивали трофей из лесу и везли на длинных санках, на которых женщины обычно таскают белье к речным прорубям для полоскания, как везли медведя по деревне в сопровождении дюжины ребятишек,— это уже рассказ не об охоте, писать об этом менее интересно. Скажу только, что, возвратившись в деревню, к людям, мы как-то само собой, не сговариваясь, восстановили в правах имена и отчества друг друга и отказались от прозвищ, тем более от грубых, бранных. А в лесу такие прозвища, и надо сказать, весьма остроумные, давались довольно легко.

А до чего же мы были разговорчивы весь этот день, особенно вечером! И, конечно, счастливы, очень счастливы! И постепенно начали чувствовать себя героями! И все совершившееся стало представляться уже необыкновенным. И, конечно, каждый рассказывал об этом по-своему. И опять появились разные байки, бухтины, присказки и сказки,— но только без очковтирательства, все — сущая правда.

2.

Второй медведь еще не убит.

Берлогу мы уже навестили и видели, как из нее идет парок — медведь дышит. Больше ничего о нем, о неубитом, сказать пока не могу, чтобы не сглазить ни его, ни себя. Павел Евгеньевич Сорокин почему-то считает, что со второй берлогой следует немного повременить.

Алла ТРУБНИКОВА,
специальный корреспондент «Огонька»

Репортаж из монастыря

Корец — очень древний городок, он ровесник Москвы.

Давным-давно поросли мхом развалины графского замка, а монастырь, основанный некогда фанатичной княжной Корецкой, вздумавшей управлять своим именем в мантии настоятельницы, до сих пор функционирует. И подумать только: правнуки графских крепостных навечно владеют землей, праправнуки в пионерских галстуках горячо обсуждают полеты в космос, а тут, под боком, — черные тени прошлого!..

Высока монастырская стена — в два с лишним человеческих роста. Крепка эта стена, без единой трещинки. Говорят, что камни ее спаяны свинцом.

Корреспондентское удостоверение, перед которым обычно распахиваются любые двери, на сей раз бессильно отворить узенькую калиточку.

Не знаю, как выглядела шапка-невидимка в сказках,— для меня она обернулась кашемировым черным платком богомолки.

Я стою на обширном монастырском дворе. По одну сторону тянется узкое двухэтажное общежитие сестер, в здании поодаль проживает «сама матушка-настоятельница» со своими приближенными. Левее блестит куполом церковь.

В углу двора под палящими лучами солнца идет пилка и рубка дров. Путаясь в длиннополой одежде, тяжело дыша, немощные старухи орудуют пилами и топорами.

— Бог в помощь, сестрицы,— проплывая в сад, мимоходом бросает розовощекая особа, чьи пышные формы в моем представлении никак не вяжутся с монастырским режимом. Как видно, личная секретарша настоятельницы и регентша Веселик не изнуряет себя постом и молитвой.

— Да, кстати,— замедляет шаг Веселик, и в ее заплывших голубеньких глазках загораются злые огоньки, — а чего это вас, сестрица, сегодня на клиросе не видать было?

— Горло у меня болит, надорвала, сами знаете, почитай, по пяти часов в день петь приходится,— хрипит худенькая женщина. В руках у нее тяжелая охапка поленьев.

— От своего послуха увиливаете, сестра,— в голосе регентши звучат металлические нотки,— как литургия, так у нее, видите ли, горлышко разбаливается. Чтоб сегодня была!

В огороде и в саду тоже видны согнутые черные спины «рабов божьих». Многовато, однако, над ними надсмотрщиков!

Мимо прошмыгнула какая-то проворная фигура с большим подносом.

Иду вслед за подносом и попадаю в келью. Это скорее целая палата — высокая, светлая, чисто прибранная. Горят свечки возле нарядно убранного цветами киота. На пышно взбитой перине, на подушках и думочках не лежит — покоится Валентина Аристархова. Ей 22 года. Она окончила девять классов. Не странно ли, что молодая девушка в отличие от своих сверстниц прельстилась перспективой стать заведующей свечным ящиком? У этой девицы толстое, одутловатое лицо, не по годам рыхлое и дряблое тело. Говорит она расслабленным голосом, с умилением закатывая глаза.

Я понимаю, почему Аристархову ценят в обители: трудно, ох, как трудно заманить теперь в монастырь молодежь! Понятно, почему и Валентина цепляется за монастырь: она просто-напросто тунеядка. Учиться ей неохота, работать — еще того пуще. Ее надежды оправдались: в монастыре можно спать на мягких пуховиках и питаться не одним хлебом.

Но не все, далеко не все находятся в таком привилегированном положении, как матушкина фаворитка. Стоило мне выйти из корпуса, где живет сама игуменья, как я попала в узкие, сплошь заставленные шкафами и комодами коридоры общежития сестер. Здесь в «любви и благолепии» живут 173 монахини. Каждый шкафчик принадлежит одной из сестер. За пудовыми замками келейницы, не доверяя друг другу, прячут куски.

На так называемом «черном ходу», который расположен на дальнем конце двора, расселены самые старые и дряхлые. Обитательницы, или насельницы, келей уже давно позабыли свои мирские фамилии. «Авраамия»,— шамкает одна беззубым ртом. «Поликсения»,— чуть слышно шепчет другая. Авраамия в монастыре целых 50 лет, Поликсения — 54 года. «Родители были селяне, занимались хлебопашеством», — говорят они. Что знают эти несчастные, украсившие у самих себя всю полноту и радость настоящей жизни, о том, что творилось за монастырскими стенами в течение полувека? В 1917 году была революция, но для Авраамии это выразилось только в переходе из одного монастыря в другой. Люди за стенами строили социализм, а послушница достигла первой ступени монашеской иерархии — ее облачили в рясу. Народ победил в Великой Отечественной войне, а рясофорная монахиня стала инокиней.

Монастырь, однако, не прочь попользоваться благами двадцатого века: здесь установлен телефон, по которому, не надеясь на «божью помощь», вызывают «Скорую помощь». Игуменские покои радиофицированы и электрифицированы. Секретарша печатает обращения к верующим под копирку на портативной машинке. Рассылают эти послания не через «небесную канцелярию», а авиапочтой.

На следующий день в монастыре поднялся переполох: прошел слух, что ожидается медицинская комиссия.

Сердито сверкая черными навыкате глазами, настоятельница заявила, что осмотр больных будет производиться прямо во дворе.

— Но ведь во дворе холодно,— встревожился врач.— Больных может продуть.

— Не продует,— последовал иронический ответ. — Да потом какие они больные? Симулянты самые настоящие, уверяю вас.

— Какие же они симулянты, — сердится врач,— если, по данным поликлиники, у двадцати шести расстроена нервная система, у девятнадцати обнаружены сердечно-сосудистые заболевания! Да у вас одних туберкулезников одиннадцать человек!

— Представляются,— машет рукой настоятельница.

И вот их привели — человек десять — двенадцать. Они сбились испуганной черной стайкой под грозным оком игуменьи, которая в своем высоченном клобуке с длиннющей развевающейся фатой и в белой мантии выглядела деспотической королевой всего этого темного царства.

Все пришедшие на осмотр в

Запомните: «В чужой монастырь со своим уставом не ходят».

один голос стали твердить, что они хорошо себя чувствуют, жалоб не имеют. Между тем у одной из них был порок сердца, но она, боясь ослушаться, продолжала пилить дрова, у другой — воспаление тройничного нерва, но, чтобы не считаться «симулянткой», она продолжала таскать воду.

— Я требую прислать больных на лечение, — строго говорит врач на прощание.

— Вот если наш доктор найдет нужным,— говорит помощница игуменьи.

«Наш доктор» оказывается легким на помине. Еще издали он так низкопоклоннически раскланивается, что фигура его попеременно обозначает то вопросительный, то восклицательный знак. Метнув холодный кивок в сторону своих коллег, он осведомляется о здоровье игуменьи, после чего отправляется со своим ежедневным визитом к псевдобольной Валентине. Но вот у больной Локоть он ни разу не побывал.

Монастырский «специалист по всем болезням» работает в городской поликлинике рентгеноло-

«Апостол Андрей» предпочитал являться в женском обличье.

гом. Куда девается в поликлинике предупредительность и внимательность, которые так излучает он в монастыре! В государственном учреждении врач А. Г. Иванов груб и небрежен. Похоже, что в рентгеновском кабинете он работает только «по совместительству», а основная-то его служба монастырская.

Иванов решил сделать из своей благородной профессии бизнес. Нет, он не верит ни в бога, ни в черта. Единственное божество, которому Иванов поклоняется,— это деньги. «Матушка» щедро расплачивается — чужие ведь деньги, не свои, чего жалеть? И не жалеет: Иванов уже обзавелся и автомашиной и двумя мотоциклами.

Лекарь не единственная особа мужского пола в этой сугубо женской обители. В монастыре гостил даже «апостол Андрей». Вместо того, чтобы шагать босиком, он нацепил безразмерные капроновые носки и полуботинки на микропорке. А белый хитон заменил женским платьем. В отличие от древних апостолов Андрей был молод и чисто выбрит. Но ведь на заре человечества не было налажено производство электробритвы «Харьков», которая сыграла существенную роль в явлении апостола народу и даже народному суду. Однажды, когда апостол брился и за жужжанием не расслышал предупредительного стука (в таких случаях он прятался в шкаф), дверь отворилась.

— Надеюсь, вы не будете утверждать, что являетесь монахиней? — вежливо осведомился участковый уполномоченный, разглядывая недобритую, покрытую рыжей щетиной физиономию.

— Я апостол Андрей, принес на землю слово божье, — бубнил тот, стыдливо прикрывая подолом юбки волосатые ноги.

Апостол Андрей оказался членом секты истинно православных христиан Никитой Григорьевичем Радчуком, 1936 года рождения. Его апостольскими деяниями были антисоветская агитация и земные шашни с монахинями.

Говорится же в священном писании, что все тайнòе становится явным. Стали явными и другие тайны, которые скрывали монастырские стены.

— Краденый сахар? — удивилась настоятельница и, закатив глаза, осенила себя крестным знамением.— Всевышний — свидетель, что мы свято чтим заповедь «не укради». Вы говорите, что воры мужского пола? Да нам, монашкам, устав не позволяет взглянуть на мужчину.

Однако надо отдать должное работникам уголовного розыска, они действовали по пословице: на бога надейся, а сам не плошай. Они продолжали поиски украденного с заводского склада сахара. Но пропажу так и не удавалось обнаружить. Оставался неосмотренным только алтарь.

— Это — святое место, сюда вход возбраняется,— категорически заявила настоятельница.

Мешки с ворованным сахаром были найдены именно там, в святая святых обители. Началось следствие. Настал день суда. Преступники, оказавшиеся ворами-рецидивистами, сидели на скамье подсудимых, ..а которой, впрочем, оставалось еще место для игуменьи, прятавшей сахар.

— Я виновата, я за все и в ответе,— неожиданно заявила свидетельница — инокиня Надежда Лашта.

— Свидетельница Лашта,— строго предупредил судья,— если вы не боитесь понести наказания за дачу ложных показаний, то побойтесь хоть нарушения заповеди — не солги.

Лашта потихоньку сморкалась в платочек и продолжала стоять на своем.

— Но ведь в своих первоначальных показаниях вы утверждали, что и в глаза не видели этого сахара, не так ли?

Лашта только ниже наклонила голову.

Вслед за Лаштой еще несколько свидетельниц также изменили свои первоначальные показания. Ход ясен: выгородить игуменью.

Воры получили по заслугам, а наказывать, так сказать, за чужие грехи явно наговаривавших на себя рядовых монашек суд не нашел нужным.

Не прошло и месяца, как местные жители с удивлением увидели: летят через монастырскую стену прямо в грязь перины, подушки и нехитрый скарб, а монашки Сысонюк, Щербак и другие по эту сторону стены со слезами и воплями подымают их. Матушка-игуменья не пожелала держать в святой обители монашек, дававших правдивые показания на суде.

Правда, вскоре настоятельница и сама слетела. Но от этого, в сущности, ничего не изменилось. Меняются игуменьи, а порядки в монастыре остаются старые. И очередная матушка Людмила приобретает собственную «Победу», кладет крупные вклады на сберкнижки, и очередная келейница тайно вывозит в неизвестном направлении чемоданы, уж, наверно, не с просвирками. На долю монашек из денежных переводов, которые получает монастырь от верующих, приходятся только памятки с просьбами помолиться во здравие и за упокой. Что же касается денег, то ими мать-настоятельница распоряжается по своему усмотрению.

Как выяснилось, у настоятельницы даже чисто профессиональная склонность к деньгам. Оказывается,— батюшки-светы! — матушка еще совсем недавно была... управляющим районным отделением Госбанка и носила фамилию Вельсовская. У нее высшее финансовое образование. Привыкла большими суммами ворочать. Но пришла пора на пенсию выходить. И тут ее осенило. А почему бы не податься в монастырское начальство? В банке-то каждая копеечка на учете, а в монастырской кассе можно и безотчетно похозяйничать. И покомандовать можно, сколько душеньке угодно. И покрасоваться возможность представится. А уж житье будет!

Большие, видно, куши предвкушала Н. М. Вельсовская, если пренебрегла солидной государственной пенсией. И действительно, зажила она настоящей монархиней. Нет, я не оговорилась — не монахиней, а именно монархиней — недаром же настоятельниц величают, как венценосных особ: Феофания I, Феофания II, Михаила III.

Но при всех настоятельницах белые стены монастыря всегда были и остаются местом черных дел. Праздничным благовестом и хлебом-солью встречал монастырь фашистских захватчиков. Вместе с фашистами явилась и некая Магдалина (Валентина Крысько), ставшая настоятельницей. При Магдалине служились благодарственные молебны Гитлеру, освящались знамена украинских буржуазных националистов. Не один бандеровский бандит нашел себе надежное укрытие в «обители господа бога»...

Магдалину, которая ныне преспокойно возглавляет женский монастырь в Риге, сменила Евлогия. При ней общежитие сестер стало местом тайного сборища антисоветской секты истинно православных христиан. Здесь скрывался от органов государственной безопасности главарь сектантов Леонтий Грицан, именовавший себя «Ильей-пророком, сошедшим на землю для спасения души человеческой». На самом деле Грицан был матерым антисоветским проповедником.

После Евлогии воцарилась Людмила I. Хочется надеяться, что Людмилы II не будет...

Раньше из монастыря уносили только на кладбище. Теперь из монастыря стали уходить в жизнь. Убежала молоденькая Нина Кирильчук, буквально уползла 84-летняя Соломея Гуржий. Вышли в мир, как говорят на церковном диалекте, Катерина Негледюк, Наталья Командирчук, Ирина Черемисова, Надежда Дроботская, Зинаида Кирчук. Но ведь вернувшихся к жизни могло быть и больше.

У меня твердое убеждение: получи старые монахини уверенность в том, что им обеспечено место в доме для престарелых (а они есть поблизости), почти все население обители охотно переселилось бы туда. Но что знают монастырские насельницы о праве на обеспеченную старость, гарантированном Советской Конституцией? Местная печать до них не доходит, радио им слушать запрещено.

Неужели нет других способов пропаганды?

— Это же оплот религиозного дурмана! — говорят в райкоме партии и горисполкоме.

— Губительный омут для юношества! — возмущаются учителя.

— Очаг инфекции! — нервничают врачи.

Все говорят, все возмущаются, поражаются, негодуют. А колокола между тем продолжают трезвонить...

...Итак, моя командировка в прошлое окончена. Я остаюсь еще на один день, только чтобы побывать наконец на приятном зрелище: в воскресенье отмечается праздник весны. Из районных колхозов и совхозов, из школ, из промышленных предприятий пришли на улицу городка веселые, радостные люди с цветами. На высоком постаменте плыл по воздуху мальчуган с надписью на майке «Мир». Девушка, молодая и красивая, как весна, несла пышный каравай хлеба. Малыши в лихо заломленных папахах и непомерно широких шароварах гарцевали на деревянных коньках. Школьницы танцевали украинскую полечку, и разноцветные ленты с их венков казались радугой. Словом, мир был полон солнца, цветов, улыбок и музыки.

И только из монастыря доносился унылый перезвон колоколов, тонущий в общем праздничном гуле.

г. Корец.

Борода вора

Алжирская сказка

Представьте себе маленького мальчика, очень живого, у которого черт засел в шкуре. Таким был Саид. Он любил без конца бегать по полям, и, как ни старалась мать удерживать его дома, ему всегда удавалось обмануть ее бдительность. Мать бранила его, но он умел к ней приласкаться. А назавтра маленький разбойник начинал все сызнова.

Пока все было в порядке. Но однажды дело дошло до того, что мальчишки утащили у крестьянки курицу. Украл ли ее Саид или кто другой, неизвестно. Но Саид был причастен к воровству. Напрасно женщина разыскивала несушку, ходила даже жаловаться матери Саида. Своего добра она так и не нашла.

Прошли годы... О происшествии забыли. Саид мужал, стал уже совсем взрослым, и у него начала расти борода. И эта борода была у него из перьев!

Люди, встречавшие Саида, смотрели на него с удивлением и начинали хохотать. Дети преследовали Саида насмешками, где бы его ни встретили. Саид не знал, куда ему от стыда спрятаться. И в самом деле: что это ему взбрело в голову обзавестись бородой из перьев?

Пошел он тайком посоветоваться с людьми, известными своей ученостью.

— Скажите, почему это растет у меня борода из перьев?

Увы, несмотря на всю свою мудрость, эти большие ученые немели при виде такого чуда. Или же, чтобы скрыть свое незнание, они давали этому явлению такие путаные объяснения, из которых ничего нельзя было понять.

Оставалось обратиться к одному очень древнему старику. Он не выдавал себя за ученого и не похвалялся особыми способностями, но был мудр.

— Почему растет у меня борода из перьев? — спросил печальный Саид.

— Что ты такого сделал, когда был маленьким?

Саид признался:

— Вместе с другими ребятами я украл у крестьянки курицу.

— Тогда ступай и расскажи женщине всю правду.

Пошел Саид к крестьянке, поведал ей обо всем и уже собрался просить у нее прощения, как та принялась его ругать. И вот, вообразите себе, после каждого ее бранного слова стали отлетать, взвиваясь в воздух, одно за другим перья с бороды Саида!

Перевел с французского А. МАРИИНСКИЙ.

МОЙ ДРУГ И СОПЕР

И. КУПЕРМАН,
чемпион мира по шашкам

«Русски — Африка — дружба. Ты друг. Хорошо?» Все было понятно. Тем более, что слова подкреплялись блеском выразительных, доверчивых глаз и приветливой улыбкой, обнажавшей на черном лице два ряда перламутровых зубов. Он свободно изъяснялся на четырех языках, и мы легко могли бы столковаться на одном из них. Но хотя его познания в русском, который он только-только принялся изучать, были очень скудны, он решил, что предложение о дружбе нужно сделать на языке моей Родины. Так мы стали друзьями, я и Баба Си — двадцатичетырехлетний негр из Дакара.

Это случилось в Голландии на первенстве мира по шашкам в конце 1960 года. Такой турнир проводится раз в четыре года и называется Олимпийским. К участию в нем допускаются чемпионы стран. Как же попал туда Баба Си? Ведь еще недавно о нем никто и не слышал! Откуда появилась на шашечном небосклоне эта новая звезда?

Известный французский мастер Эмиль Бискон в 1959 году отправился в туристское путешествие по Африке. Какой истинный шашист не возьмет с собой в подобном случае комплекта шашек? Останавливаясь, Бискон встречался за шашечной доской с лучшими игроками тех мест, где он бывал. В Дакаре ему сказали: «Вам нужен хороший партнер в шашки, господин Бискон? Разрешите привести к вам Баба Си?» И привели, прямо в номер.

— Это и есть хороший партнер? — с кислой улыбкой спросил Бискон, увидев слегка оробевшего юношу.— Стоклеточные правила знаешь? Играешь часто?

— Правила знаю, господин, а играл мало: у нас больше употребляют маленькую доску.

И сражение началось.

— Ты, парень, соображаешь! — воскликнул Бискон, видя, что противник разгадывает его хитрые ловушки. А парень только проглотил улыбку и тут же подстроил французу такое...

Сердце не камень: Бискон, нарушив план путешествия, задержался на несколько дней в Дакаре и провел их за доской с молодым сенегальцем. Уезжая, он оставил ему «строгий наказ» — начать усиленную тренировку, а сам подумал: «Черт возьми! Этот малый, кажется, как раз то, что сейчас требуется Франции!» Шашечной Франции срочно требовались таланты. Ох, как требовались! Посудите сами: ведь родиной стоклеточных шашек является Франция, и французы привыкли, чтобы титул чемпиона мира находился в их стране. Нет, не безвыездно, конечно: изредка они разрешали ему пересечь границу. Но... только в Голландию! И с обязательным скорым возвращением обратно! А что получается теперь? Голландец Пит Роозенбург, отобрав в 1948 году титул у француза Пьера Гестема, задержал его на целых восемь лет. В 1956 году титул все-таки «уплыл» из Голландии. Кажется, пора бы ему вернуться на место? Так нет, Марсель Делорье увез его в Канаду. А дальше пошло еще хуже: шашечной короной завладели русские! И отобрать ее у них будет ой как непросто! Таланты нужны, и срочно... Поэтому Бискону так легко удалось убедить руководителей шашечного союза Франции пригласить юного сенегальца на чемпионат страны: может быть, со временем подучится, а там, смотришь, будет защищать французский флаг.

Конец 1959 года. Баба Си приезжает в городок недалеко от Бордо: здесь проводится первенство Франции. Ни отсутствие теоретических знаний, ни естественная робость новичка, впервые участвующего в большом турнире с мастерами, не преградили Баба Си дорогу к званию чемпиона Франции. Сенегалец играл легко, быстро, смело и, что особенно для него характерно, улучшал свою игру буквально от партии к партии. После первого же выступления для него открылись двери на Олимпийский турнир! Случай беспримерный в истории шашек и основательная пилюля для «теоретиков» расового превосходства людей с белой кожей.

О Баба Си заговорили, о нем стали писать. «Сенегальский ребус» — назвали его в одном из голландских журналов. Чтобы разгадать этот «ребус», голландцы приглашают его на шашечное турне по городам их страны. А что нужно Баба Си для подготовки к Олимпийскому турниру? Играть, играть и еще раз играть: ведь на стоклеточной доске у него было так мало практики! Он принимает предложение и разъезжает по Голландии, выступая в небольших турнирах, матчах, многочисленных, проходящих с огромным успехом сеансах одновременной игры. Сыграно больше тысячи партий, из которых проиграно только двадцать три! А сколько полезных выводов было сделано им при анализе этих партий...

Я уже тогда знал, что мне придется встретиться с ним на Олимпийском турнире: состав участников был известен задолго до начала. Следя по голландским журналам за его выступлениями, я радовался успехам этого сына Африки, но, признаюсь, никак не ожидал встретить в нем опасного соперника: ведь его «стоклеточный стаж» исчислялся только месяцами.

И вот Олимпийский турнир. Съехались лучшие шашечные мастера и гроссмейстеры мира. И среди них «черный ребус» — Баба Си. Французы верно угадали большой талант, но просчитались в другом: он не защищал на турнире цвета Франции. За прошедший год история сделала очередной скачок, и бывшая французская колония стала независимой Республикой Сенегал. На столике рядом с Баба Си стоял флажок его родной страны, и он очень гордился тем, что ему первому из сенегальцев довелось защищать спортивную честь юной республики на международной арене.

Выполнил он это отлично! Я не буду восстанавливать картину вол-

Красота, возникшая из огня

Кто и когда был создателем первого керамического произведения? Вряд ли историки могут сказать это точно. Но бесспорно, что уже несколько тысяч лет тому назад человек стремился обработать руками кусок глины так, чтобы она приносила практическую пользу и вызывала чувство красоты. Огонь помогал сохранить эти первые художественные достижения для потомков. С тех пор керамика сопровождает человека.

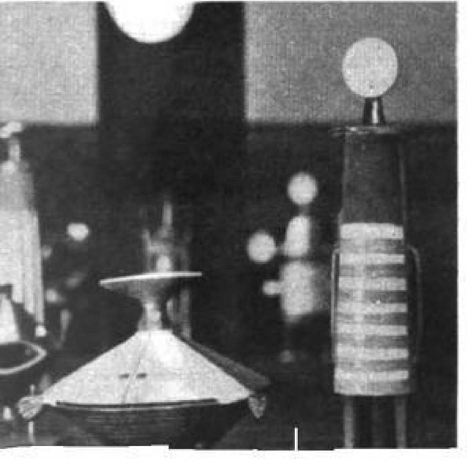
Международная керамическая академия решила организовать большую выставку керамики. Местом ее была избрана столица Чехословацкой Социалистической Республики. И вот два года во все страны мира из Праги шли письма с эмблемой в виде буквы «С» (от французского названия керамики). Тридцать две страны Европы, Азии, Африки и Америки согласились прислать свои экспонаты.

Три тысячи пятьсот керамических изделий смогли увидеть посетители выставки. Здесь были блюда, сервизы, изразцы, мозаичные картины, садовая керамика, статуи. Большинство экспонатов привлекало внимание яркими цветами и классически строгим видом.

Какие же изделия самые красивые? Члены международного комитета оказались в затруднительном положении. Я думаю, что советских читателей обрадует тот факт, что труд и фантазия их соотечественников удостоены золотых медалей. Вот эти мастера: Головко Дмитрий, Озолиня Фармите, Матвей Ютта, Ольшевский Владимир, Васильковский Николай, Типпе Аврора, Зуринья Аусма, Вусиялн Усталн, Суренков Алексей и Лепорская Анна. Советская часть выставки в целом тоже отмечена золотой медалью. Интерес посетителей вызвали и экспонаты Бельгии, Аргентины, США, Франции, Чехословакии.

Г. НОВАЧЕК

Прага.

Знаменитый дождь в Пьомбино

Джанни РОДАРИ

Однажды в Пьомбино пошел конфетный дождь. С неба градом летели большие разноцветные конфеты — зеленые, розовые, лиловые, голубые... Один мальчик взял в рот зеленую конфету и почувствовал, что она мятная. Другой попробовал розовую — она оказалась земляничной.

— Конфеты! Конфеты!

Дождь продолжался недолго, но после него все улицы были покрыты ковром ароматных конфет, хрустевших под ногами.

Школьники, возвращаясь из школы, набивали ими сумки. Старушки собирали их в платочки.

Это был знаменитый день!

Многие и теперь еще ждут, что с неба посыплются конфеты. Но это облако больше не показывается ни над Пьомбино, ни над Турином и, наверное, не появится даже над Кремоной.

Медалист выставки собаководства

Сытый,
холеный
сукин сын.
Оба родителя —
чистопородны.
И пес достиг медальных вершин,
Все статьи у него превосходны.
Выставки,
смотры,

восторги,
почет.
— Какая морда!
Какие лапы!
Но что положено ему создает,
Кроме породистых мамы и папы?

Борис **ВЕРШАДСКИЙ**,
курсант Высшего военно-морского училища имени Попова.

НИК — БАБА СИ

нующей борьбы за титул чемпиона, разгоревшейся между Щеголевым, Баба Си и мной. (И не потому, что мне не очень приятно вспоминать, как я пришел к финишу только третьим.) Напомню только, что место, куда поедет шашечная корона мира, в Москву или Дакар, определилось только в последнем туре! И если перед турниром падкие на крикливые заголовки голландские газеты именовали Баба Си «черным ребусом», то у финиша он получил другое прозвище: «черный автомат». Этим подчеркивалась быстрота и почти полная безошибочность его ходов. К характеристике игры Баба Си я хочу добавить: глубокий расчет и умение неожиданно и остроумно опровергнуть план противника. А еще одно качество раскрылось мне в случае, совсем не связанном с шашками...

Закончив прогулку, мы отправились к отелю. Погода была хорошая, и нам то и дело встречались матери, гуляющие с маленькими ребятишками. Одна из них взяла малыша на руки и стала переходить дорогу. Внезапно из-за угла на полной скорости выскочила машина. Секунды и метры, отделявшие ее от перепуганной и оцепеневшей женщины, уменьшались со страшной быстротой. И тут словно черная тень метнулась с тротуара — негр стремительно бросился вперед и буквально из-под колес вынес на руках и мать и маленькую девочку. Смелость, быстрота и ловкость, с которыми он это сделал, произвели большое впечатление на всех свидетелей происшествия. А Баба Си, едва отдышавшись, через минуту был совершенно спокоен, продолжал с нами путь и, застенчиво улыбаясь, просил проверить, правильно ли он произносит те немногие русские слова, которые уже выучил.

Смелость! Смелость без оглядки назад — вот черта характера, которая, преломляясь в его игре, придает ей особую привлекательность. Может быть, главным образом этим он и покорил зрителей и участников соревнования.

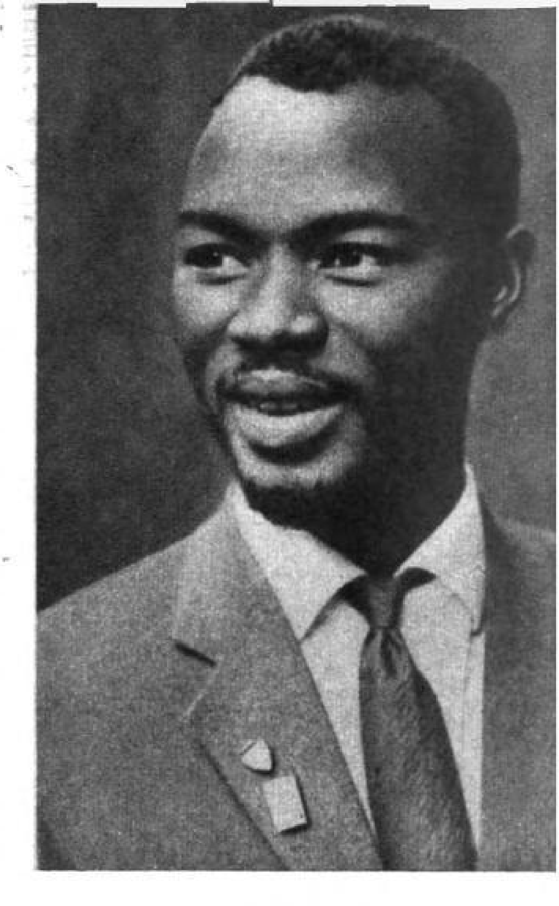
После турнира советская делегация предложила — за исключительный результат — присвоить Баба Си звание международного гроссмейстера. И Международная шашечная федерация нашла его достойным носить это звание. Африка получила своего первого гроссмейстера! Надо было видеть, как сенегалец, не ожидавший такого отличия, по-детски был счастлив и переживал этот успех. Конечно, он был доволен и за себя, но в его выразительных глазах так и сияли радость и гордость за родной народ!

С тех пор мы стали с ним друзьями. Друзьями искренними, хотя оба твердо знаем: нам не избежать жестокой схватки за доской! Мы неуклонно к ней движемся. Я приблизил ее выигрышем матч-реванша у Щеголева, он — победами в нескольких международных турнирах.

«Вы — хорошо. Русские — все хорошо. Я хочу быть Советский Союз»,— так Баба Си высказал нашей делегации свое желание побывать у нас в стране. В октябре прошлого года оно исполнилось: в числе пяти иностранцев он приехал на международный турнир в Ялту. В подобных соревнованиях ни один иностранец в нашей стране не «дотягивался» до места выше пятого. Но турнир начался, и сразу стало ясно: в Ялте все будет иначе. Об этом говорили не только прекрасная игра и хорошие результаты Баба Си, но и его примечания к партиям других участников. Ведь не так просто, играя свою партию, успевать замечать ошибки и упущенные возможности на соседних досках! А между тем...

Встреча гроссмейстера Изара с мастером Шиланом закончилась. Шилан после длительного раздумья остановил часы и поздравил гроссмейстера с победой: он не нашел спасения от многочисленных угроз противника. И действительно, положение казалось безвыходным. Так считали все другие участники и зрители, приветствовавшие победу Изара одобрительным гулом. Однако, когда шум в зале утих, со своего места встал продолжавший еще игру Баба Си. Сдерживая улыбку, он скромно подошел к удалившимся для анализа партнерам и показал изумительную комбинацию с жертвой девяти шашек. Оказывается, Шилан в том положении, где он сдался, мог не только спастись, но и получить хорошие шансы на победу! После этого случая никто не удивился, когда Баба Си, проведя весь турнир без единого поражения, занял первое место.

В конце зимы я получил новое известие: мой друг одержал победу в международном турнире в Амстердаме, оторвавшись от известного голландского гроссмейстера Ван-Дейка на целых два очка! Да, все говорит об одном: наше столкновение близко. Двадцатипятилетнему механику из Дакара осталось перейти только один рубеж — турнир претендентов, который состоится в сентябре этого года в бельгийском городе Льеже. И хотя я, разбирая его последние замечательные партии, сделал для себя точный вывод, что именно с ним придется мне вскоре сражаться в многодневной шашечной битве за титул, что именно он мой главный соперник, честное слово, я ему друг!

БАБА СИ.

БЕЗ СТРАХА

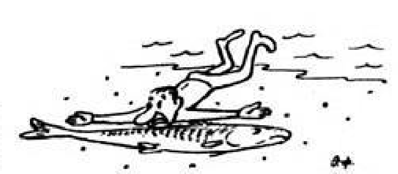
Работая в Норильской геологической экспедиции в низовьях Енисея, мы очень подружились с птицами, которые гнездятся на отвесных берегах рек и озер. Насколько дружба была крепкой, подтверждает фотография. На снимке — геолог В. Скарятин с пернатыми друзьями.

И. ГЕНИК

«Путешествие на волках»

Под таким названием была помещена заметка в «Огоньке» в № 42 за 1960 год. В ней рассказывалось, как кустарь И. Репечек вырастил волчат и приучил их ходить в упряжке. В прошлом году мы получили из города Тюмени от А. Иванова портрет И. Репечека и некоторые подробности о его жизни. Эти сведения также были опубликованы в «Огоньке» (№ 44 за 1961 год). Недавно в редакцию журнала прислала письмо и снимок читательница З. Степучева из Новосибирска. Она пишет: «В 1910 году я имела удовольствие кататься на волках И. Репечека, а мой отец нас сфотографировал».

— Но ведь она больше, чем я могу показать!
Рисунок инженера-технолога
В. Тесленко.
Пермь.

Пуля с наркотиком

Как известно, ловля хищных зверей — дело опасное и трудное. Представьте теперь затруднения зоологов, когда им надо провести исследования живых, находящихся на свободе тигров или львов. И вот зоологи нашли остроумный выход. Хищника выслеживают и выстрелом из ружья вводят ему сильный снотворный наркотик. Зверь быстро погружается в сон, который длится несколько часов. Во время сна ученые-зоологи проводят различные наблюдения, опыты, измерения. Делают пометку на случай встречи с хищником в другой раз. Пуля, содержавшая наркотик, после завершения опыта извлекается из тела зверя.

П. ГУРСКИЙ

После выступления «Огонька»

«ОБИТАЕМЫЙ ОСТРОВ»

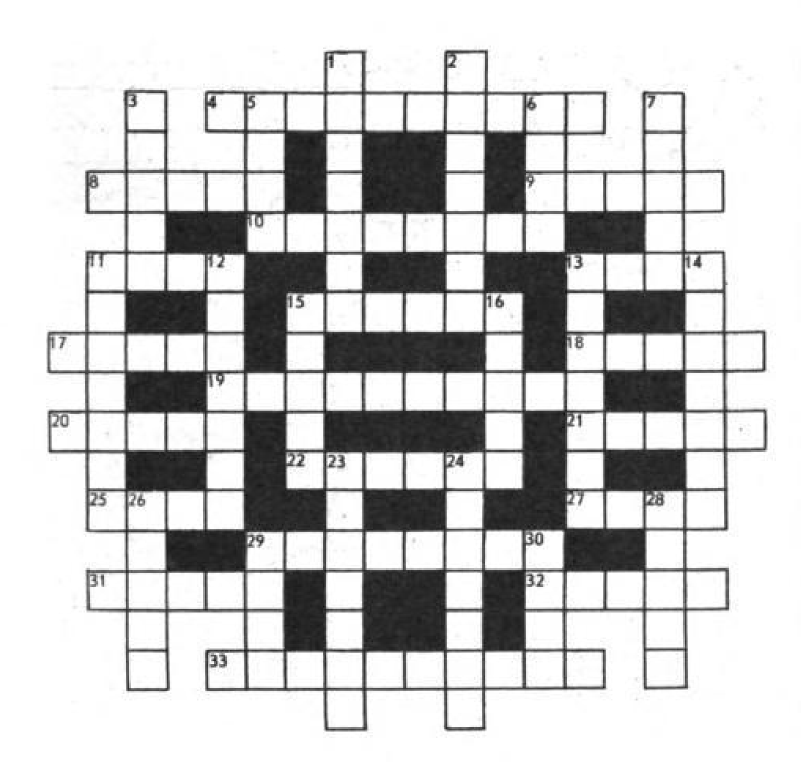
Фельетон о частных собственниках был опубликован в № 23 «Огонька» за этот год. Упоминался в нем и полковник в отставке И. С. Казаров. Работая начальником Белецкого горкомхоза (Молдавия), И. С. Казаров построил дом в 265 квадратных метров. Этот дом он превратил в источник нетрудовых доходов, а сам предпочитал пользоваться государственными квартирами. Белецкий горкомхоз решил изъять дом у Казарова, однако домовладелец нашел себе защитников и оспаривал решение народного суда.

Заместитель председателя Верховного суда Молдавии тов. А. Кожевникова пишет: «По жалобе Казарова дело было рассмотрено судебной коллегией по гражданским делам Верховного суда МССР, и решение народного суда признано правильным».

«Бюро ЦК КП Молдавии,— сообщает редакции секретарь ЦК Компартии Молдавии тов. Е. Постовой,— рассмотрело вопрос о непартийном поведении Казарова и исключило его из членов КПСС за мелкобуржуазное перерождение».

* * *

В редакцию прислал жалобу домовладелец И. В. Крылов из Сестрорецка. И не только жалобу, но и справки, заверенные... своей печатью: «Владелец дома № 9 по улице Коммунаров»! «Владелец», он же И. В. Крылов, ничего не скрывает: дом в 200 квадратных метров он регулярно сдает жильцам и исправно платит подоходные налоги. Благодарим И. В. Крылова за присланный материал. Жаль только, что он не сделал для себя никаких выводов из критики. «Если человек совершил какое-то беззаконие, — разглагольствует Крылов, — нужно привлечь его к ответственности, а не писать морали». Как видно, именно нашу, советскую мораль И. В. Крылов и не приемлет.

КРОССВОРД

По горизонтали:

4. Драма А. Доде. 8. Дом в виде башни в Древней Руси. 9. Граница суши и моря. 10. Мех. 11. Музыкальный ансамбль. 13. Большая копна сена. 15. Хищная птица. 17. Доля целого. 18. Сборник географических карт. 19. Остров в Индийском океане. 20. Действующий вулкан в Андах. 21. Химический элемент. 22. Остов судна. 25. Струнный инструмент. 27. Овощ. 29. Минеральное удобрение. 31. Снежная буря. 32. Начало ручья, реки. 33. Хвостатое земноводное.

По вертикали:

1. Лабораторная посуда. 2. Стержень для наматывания проволоки. 3. Река в СССР. 5. Режиссер фильма «Девять дней одного года». 6. Государство Латинской Америки. 7. Водоем. 11. Работница текстильной фабрики. 12. Старая русская мера объема сыпучих веществ. 13. Устройство для запуска двигателя внутреннего сгорания. 14. Вид изобразительного искусства. 15. Промысловая рыба. 16. Столица Кара-Калпакской АССР. 23. Советский скрипач. 24. Союзная республика. 26. Промежуток времени схватки боксеров. 28. Злак. 29. Автомобильный фонарь. 30. Надпись в кинофильме.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 32

По горизонтали:

4. Короленко. 7. Пейзаж. 8. Тигель. 10. Ондатра. 12. «Орленок». 14. Чаадаев. 16. Драга. 19. Интонация. 20. Лисохвост. 22. Пьеса. 25. Лопатка. 27. Казарка. 28. Громова. 29. Филлер. 30. Чехонь. 31. Дарование.

По вертикали:

1. Початок. 2. Клоунада. 3. Скрипач. 5. Чертеж. 6. «Илиада». 9. Ординатор. 11. Хельсинки. 13. Омшаник. 15. Андорра. 17. Рояль. 18. Гальс. 21. Карниз. 23. Ермолова. 24. Гавань. 26. Агрегат. 27. Кашемир.

На первой странице обложки: Играет команда гандболисток Глуховского хлопчатобумажного комбината имени В. И. Ленина. С мячом — работница красильной фабрики Валентина Воронина.

Фото Л. БОРОДУЛИНА.

На последней странице обложки: Иллюстрации Вл. Гальбы к стихам В. Федорова «Радуга».

Главный редактор А. В. СОФРОНОВ.
Редакционная коллегия: М. Н. АЛЕКСЕЕВ (заместитель главного редактора), Г. А. БОРОВИК (ответственный секретарь), И. В. ДОЛГОПОЛОВ, Б. В. ИВАНОВ (заместитель главного редактора), Н. Н. КРУЖКОВ, Л. М. ЛЕРОВ, Л. Л. СТЕПАНОВ, Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: Москва, А-47, ул. «Правды», 24.
Рукописи не возвращаются. Оформление Л. Шумана.

Телефоны отделов редакции: Секретариата — Д 3-38-61; Отделы: Внутренней жизни — Д 3-39-07; Международный — Д 3-36-53; Искусств — Д 3-38-33; Литературы — Д 3-31-83; Информации — Д 3-32-45; Библиографии — Д 3-38-26; Науки и техники — Д 3-38-08; Юмора — Д 3-32-13; Спорта — Д 3-32-67; Фото — Д 3-35-48; Оформления — Д 3-38-44; Писем — Д 3-36-28; Литературных приложений — Д 3-30-39.

А 00516. Подписано к печати 8/VIII 1962 г.
Формат бум. 70×108 1/8. 2,5 бум. л. — 6,85 печ. л.
Тираж 1 850 000. Изд. № 1292. Заказ № 2181.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина.
Москва, А-47, ул. «Правды», 24.

Малышам

Владимир ФЕДОРОВ

Радуга

Вот чудесная
Коробка.
Надпись
«Радуга»
На ней.
А в коробке,
А в коробке
Семь цветных
Карандашей.

1. КРАСНЫЙ

Здравствуй,
Красный
Карандаш,
Карандаш
Любимый наш!

Ты начни-ка
Землянику
Рисовать.
Жаль,
В тетрадке
Землянику
Не сорвать.

Вот и вишни
Спелым соком
Полны.
И калина
И рябина
Красны.

В ярких маках,
В красных маках
Весь лужок.
Но красней
Всего на свете
Мой флажок.

2. СИНИЙ

Где ты,
Синий карандаш?
Что ж ответа
Мне не дашь?
Из коробки
Разноцветной
Укатился
Незаметно.

Чем мне небо
Рисовать?
Чем мне море
Волновать?

Отзовись-ка,
Дай совет:
Что покрасить
В синий цвет?

Карандаш тогда
Украдкой
Шевельнул
Из-под тетрадки
Синим
Острым язычком
И ответил
Шепотком:

— На деревьях
Белый иней
Вечерами
Синий-синий,
И подснежник
На полянке,
И над речкой
Стрекоза,
И у маленькой
Светланки,
У художницы
Светланки
Очень синие
Глаза.

3. КОРИЧНЕВЫЙ

Карандаш
Коричневый
Добрый,
Необидчивый!
Ты рисуешь
Без разбора:
Стол,
И стулья,
И кровать.
А потом
Помчишься в горы,
Будешь скалы
Рисовать.
Ствол коричневый
У дуба,
Рядом желуди
Лежат.
И коричневые
Шубы
У веселых
Медвежат.

4. ЗЕЛЕНЫЙ

Глянь-ка,
Карандаш
Зеленый,
Вон какие
Стали
Клены.

Ветки голые
Темнели.
Ты притронулся
Едва —
Клены
Вдруг зазеленели
А под кленами —
Трава.

Знаю
Все твои уловки!
Нарисуй-ка мне,
Хитрец,
Стрелы лука,
Хвост морковки
И зеленый
Огурец!..

5. ЖЕЛТЫЙ

Ты, мой желтый
Карандаш,
Любишь солнце,
Любишь пляж.
Знаю я,
Зачем пошел ты
По тропинке
В огород!
Там подсолнух
Ярко-желтый
Рядом с дынями
Цветет.

Лес шумит,
Пшеница зреет.
Ты зачем
В листву полез?
Ведь сначала
Хлеб желтеет,
А потом
Желтеет лес.

6. БЕЛЫЙ

Карандаш мой
Белый-белый,
Что же ты
Вокруг наделал?
Мухи белые
Летят.
Все бело.
И тропу,
И луг,
И сад
Замело.

В белой шапке,
В белой шубке,
Вся в снегу,
Я на горку,
Как снегурка,
Бегу!

7. ЧЕРНЫЙ

Карандаш мой
Черный,
Ты такой
Проворный!

Ты рисуешь
Темный угол,
Где сверкает
Черный уголь,
Лезешь в печь,
Как трубочист,
Исчернил
Мой чистый лист.
Нарисуй
Для меня
Вороного
Коня!

Стань проталиной
В сугробе,
К нам весну
Позвать попробуй!
На полях
Весна
От грачей
Черна!

8. СЕМЕРО БРАТЦЕВ

Хороши
Карандаши,
Семеро братцев.
Семеро братцев—
За который
Браться?

Красный,
Как звезда.
Синий,
Как вода.
Белый,
Словно врач.
Черный,
Словно грач.

Желтый,
Как песок.
Зеленый,
Как стручок.
Коричневый
Брат —
Совсем
Как шоколад.

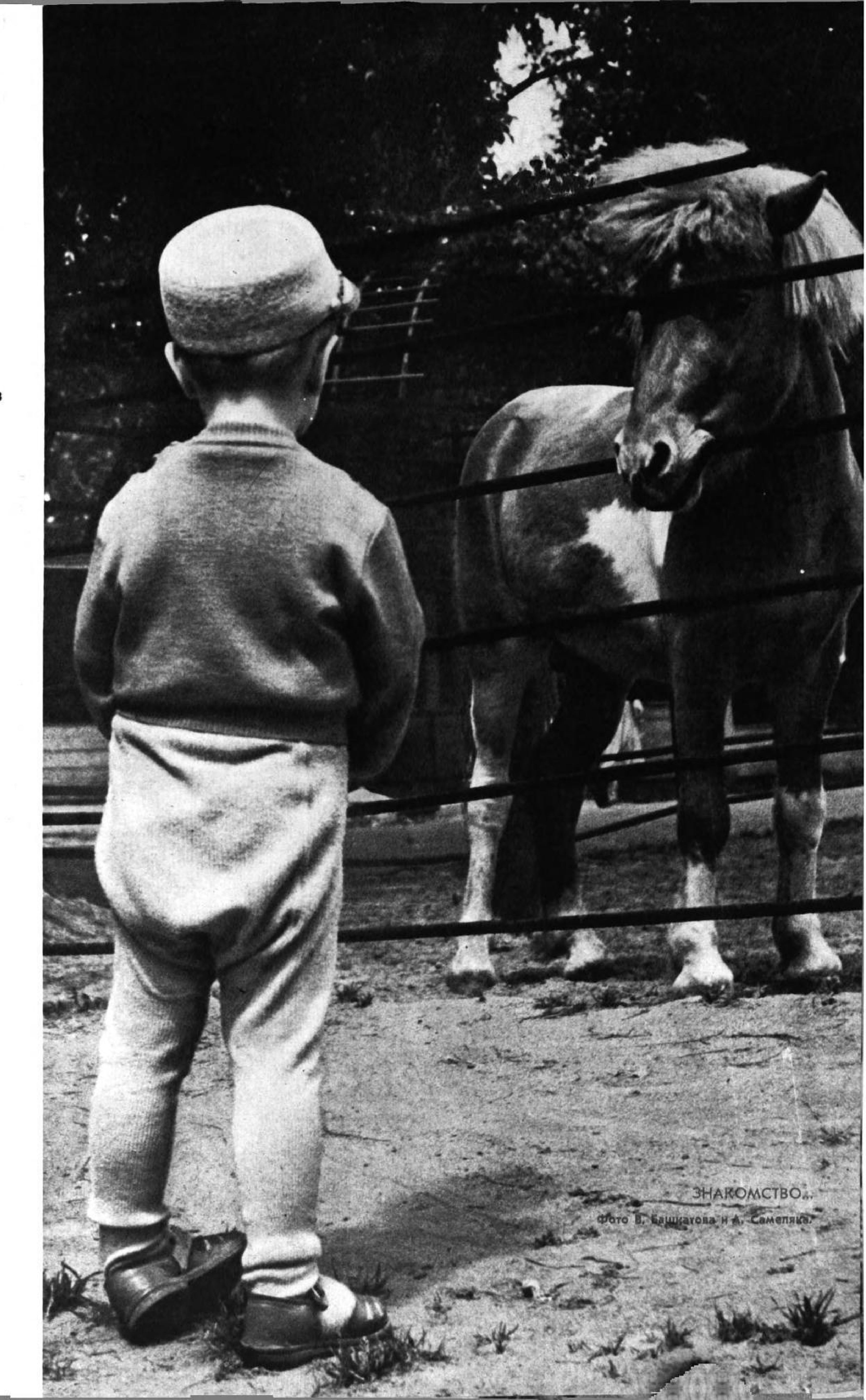
9. РАДУГА

Я смешать их
Захотела:
Синий дождь
Прошел слегка.
Красный мак
С ромашкой белой
Прячут
Черного жука.

Дуб коричневый
Над ними
С зеленеющей
Листвой.
Бьет лучами
Озорными
Желтый шар
Над головой.

Все в тетрадке
Запестрело.
Хороши
Карандаши!
Красный,
Синий,
Желтый,
Белый —
Все рисуют
От души.

Друг
За другом,
Круг
За кругом!
Не жар-птица
Здесь парит—
Это радуга
Над лугом
Всеми красками
Горит.

ЗНАКОМСТВО...
Фото В. Башкатова и А. Самеляка.

Цена номера 30 коп.

